

Тюменский научный центр
Сибирского отделения РАН

Финансово-инвестиционная
корпорация

ЦЕНТР
ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ

"ЮГРА"

=====

ЭТИКА УСПЕХА

Вестник исследователей, консультантов и ЛПР
Выпуск 6

КРЕДО И КОДЕКС ВЛАСТИ

РОССИЙСКОЕ ДЕПУТАТСТВО

Соредакторы:
Редколлегия:

В.И. Бакштановский, В.А. Чурилов
Г.С. Батыгин, Ю.В. Казаков, С. Керр,
И.М. Клямкин, А.Ю. Согомонов,
Ю.В. Согомонов, В.И. Шпильман

Тюмень - Москва, 1995

СОДЕРЖАНИЕ

Дух и модели российского депутатства (предисловие редколлегии)	5
--	---

МЕТАФИЗИКА УСПЕХА: РОССИЙСКОЕ ДЕПУТАТСТВО КАК НЕПОНЯТОЕ И НЕПОЗНАННОЕ ЯВЛЕНИЕ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

А.С. Ахиезер <i>Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН</i> Российское государство – Общество – Представительная власть	8
Г.Э. Бурбулис <i>Гуманитарный и политологический центр "Стратегия"</i> Депутатство как профессия	14
С.А. Киселев, А.Мурсалиев <i>Еженедельник "Московские новости"</i> Российская законодательная власть: между "договором" и "вручени- ем себя"	19
Г.С. Батыгин <i>Институт социологии РАН</i> Депутатское служение	24
В.Г. Иваницкий <i>Еженедельник "Утро России"</i> Культурология и мифология депутатства в базовых моделях и архетипах	30

ЭТОС УСПЕХА: РОССИЙСКОЕ ДЕПУТАТСТВО И РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРА

А.Ю. Согомонов <i>Институт социологии РАН</i> Аматерство в политике: российское депутатство как способ репрезентации власти и общества	38
Л.А. Радзиховский <i>Депутат Госдумы РФ</i> Банановый парламент: народные образы российского депутатства	43
В.И. Бакштановский <i>Финансово-инвестиционная корпорация "Югра";</i> Ю.В. Согомонов <i>Владимирский государственный технический универ- ситет; В.А. Чурилов</i> <i>Финансово-инвестиционная корпорация "Югра"</i> Этика политического успеха: кодекс и кредо российского депутатства	49
Д.А. Юрьев <i>Гуманитарный и политологический центр "Стратегия"</i> Блеск и нищета Российского депутатства	59

НОМО ЛУДЕНС: ПРАВИЛА ИГРЫ В РОССИЙСКОЕ ДЕПУТАТСТВО

Б.Г. Капустин <i>Фонд Горбачева</i> Грядущие выборы и правила шумпетерианской демократии (статья 2).....	70
А.М. Салмин <i>Российский общественно-политический центр</i> О современном депутате.....	73
А.В. Фадин <i>"Общая газета"</i> Имитационная демократия в переходном обществе: мировой контекст.....	80
В. Игрунов, В.Я. Гельман <i>Институт гуманитарно-политических исследований</i> Депутатская деятельность: правовые нормы и культурная традиция.....	85

МОДЕЛИ УСПЕХА: РОССИЙСКОЕ ДЕПУТАТСТВО В КОНТЕКСТЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Л.А. Аннинский <i>Журнал "Родина"</i> Депутат как положительный герой постсоветской эпохи: какого депутатства достойна Россия?.....	91
Г.А. Сатаров <i>помощник Президента РФ</i> Какое депутатство необходимо России?.....	96
Д.В. Ольшанский <i>Центр стратегического анализа и прогноза</i> Какое депутатство победит в России?.....	100
Л. А. Седов <i>Всероссийский центр изучения общественного мнения</i> С думой или бездумно?.....	107
И.М. Клямкин, В.В. Лапкин <i>Фонд "Общественное мнение"</i> Российское общество: стихийный поиск формулы согласия (статья третья).....	112

РОССИЙСКОЕ ДЕПУТАТСТВО В ЗЕРКАЛЕ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Депутатство как образ жизни (материалы заочного круглого стола депутатов Государственной Думы).....	119
---	-----

"... Не может быть призвания к тому, чтобы представлять чьи-то интересы" (**А.А. Захаров**); "...Власть депутата - призрачна" (**Б.А. Золотухин**); "... Депутатом сложно себя проявить" (**С.В. Бурков**); "...Без меня в политике будет скучно" (**Л.П. Мишустина**); "...Наша корпоративность даст сто очков вперед корпоративности любого западного парламента" (**В.А. Рыжков**); "...Желающих выходить из-за этого карточного стола нет" (**И.Л. Лукашов**); "...Человек на выборной должности постоянно ощущает себя как бы в прозрачной спальне" (**С.А. Попов**); "...Чем больше депутат занимается правовыми вопросами, тем меньше он увлечен чистой политикой" (**М.В. Сеславинский**); "...Все парламентские процедуры должны быть красивыми" (**В.В. Виноградов**)

Депутатство как корпорация (материалы заочного круглого стола депутатов Государственной Думы)134

"... Корпоративность может возникнуть лишь в парламенте, имеющем большую историю" (**И. Хакамада**); "Я – человек команды" (**Э.А.Памфилова**) "... Корпоративные интересы есть, но они слабее, чем у западных парламентов" (**В.Н. Лысенко**); "Депутатская этика заключается прежде всего в том, что законодатель – пример соблюдения законов" (**В.А. Лепехин**).

Конфликт российского депутатства и средств массовой информации (материалы заочного круглого стола главных редакторов СМИ) ...146

"... Журналисты и депутаты претендуют на одну и ту же роль в обществе" **В.Г. Лошак** ("Московские новости"); "...Будь я депутатом, я бы к информации в СМИ относился с еще большей серьезностью, чем к официальной информации" **И.Н. Голембиовский** ("Известия"); "...Не надо изобретать конфликты" **Б.А. Батарчук** (Еженедельная газета "Дело").

В.И. Бакштановский, А.Ю. Согомонов, В.А. Чурилов.

Российское депутатство: от архетипического катехизиса к рефлексивной идеологии (вместо послесловия)152

Центр прикладной этики, 1995

Адрес редакции

625000 Тюмень, а/я 1230, Центр прикладной этики;
тел/факс: (3452) 24-02-26
103070 Москва, Старая площадь, 10/4, "Югра";
тел/факс: (095) 206-03-57

Дух и модели российского депутатства (предисловие редколлегии)

Редколлегия журнала "Этика Успеха" продолжает разработку макропроекта "Кредо и кодекс российской власти".

Весной этого года редколлегия приступила к первому этапу макропроекта, сосредоточив внимание на явлении, которое, как нам кажется, политически наиболее значимо для судьбы страны в целом, а именно, феномена высшей исполнительной власти страны – российского президентства. Этой теме посвящен пятый выпуск журнала.

Предлагаемый вниманию читателей шестой выпуск посвящен феномену Российского депутатства.

Осуществляя макропроект, редколлегия придерживается следующих основополагающих принципов.

Предметом изучения является российская власть в ее институциональном и культурном измерениях.

Редколлегия намеренно ставила перед авторами задачу неспециализированной рефлексии над феноменом российской власти. Нашему обновляющемуся обществу прежде всего необходимо понимание того, какие изменения происходят ныне и какие должны произойти в политике России в процессе обретения ею нового культурного и общественного качества.

Редколлегия надеется, что титул макропроекта "Кредо и кодекс" как идеологическая сумма ценностных оснований и "правил игры" российской власти – выступит одновременно и специфическим предметом авторских размышлений, и особым углом зрения теоретического исследования, и при этом не даст скатиться к выхолощенному технологизму.

Редколлегия рассчитывает также на идеологический прагматизм авторов, выраженный как в парадоксальном взгляде на рутинную политическую реальность, так и в критике предрассудочных толкований основных направлений российской политики. Словом, редколлегия надеется на выработку коллективными усилиями языка идеологического самовыражения и самопрезентации власти нарождающемуся российскому гражданскому обществу.

Второй этап реализации макропроекта, как и прежде, не имеет ни политического "заказчика", ни идеологических установок, ни предписанного результата. В то же время этот этап в гораздо большей степени ориентирован на организацию культурно-идеологического диалога общества и власти. Предполагается, что результатом рефлексии творческой группы авторов станут элементы новой мировоззренческой доктрины российской представительной власти, предъявленной, как и прежде, в режиме "до востребования" модернизирующемуся российскому обществу.

Российская представительная власть, по мнению многих аналитиков, не рассматривается обществом в качестве серьезного общественного явления и состоявшегося политического института. Сегодня она воспринимается скорее в качестве некоего "довеска" к уже функционирующему централизованному государственному аппарату. Не будет большим преувеличением сказать, что отношение российского общества к представительной власти неоднозначно. При этом разочарование и безразличие – среди прочих общественно значимых эмоций публики – по сути характеризует не только фундаментальную тенденцию в общественных настроениях применительно к ныне действующему российскому парламенту, но и вообще к депутатству, как значимому социо-политическому явлению.

Причины подобного эмоционально насыщенного отношения общества к собственной же властной репрезентации неоднозначны и в определенном смысле имеют объективный характер. В самом деле, откуда взяться заинтересованному отношению к общественной репрезентации в такой стране, где гражданское общество находится только лишь в эмбриональном состоянии? Откуда взяться уважительному отношению к представительной власти в стране, где фактически отсутствуют традиции парламентаризма, а законодательные прерогативы чаще всего концентрировались в руках исполнительной власти, которая сама

изобретала и утверждала законы для собственного же исполнения? Откуда взяться пониманию судьбы парламентаризма, если первый опыт его инсталляции в общество так называемого "переходного" типа не продемонстрировал корпусу избирателей наглядных преимуществ плюралистической демократии, не убедил электорат в функциональности этой институции? Наконец, откуда взяться убежденности в фундаментальной потребности в представительной власти в том обществе, которое не единожды по молчаливому согласию большинства одобрило разгон парламента?

Этот список риторических обоснований устойчивой общественной апатии и скептического отношения электората к представительной власти можно было бы продолжить, дополнив его отсылками к традициям российской политической культуры, к условиям и порядку нормотворчества в России, в конце концов, к театрализации политической жизни. Общий диагноз в любом случае вряд ли существенно изменится: представительная власть в сегодняшней России по-прежнему остается рационально неоцененным и непонятым феноменом демократии общества "переходного типа".

Как нам кажется, парадоксальная природа российского депутатства предопределена, кроме всего прочего, весьма специфической системой сегодняшних общественных ожиданий от парламентаризма, системой, в минимальной степени соотносящейся с ожиданиями развития рациональной правовой основы общества, то есть собственно легальных "правил игры". Напротив, ожидания избирателей и избранников подчас весьма далеки от нормотворчества и легализма, что неизбежно отражается на самих "правилах игры" в депутатство и его ценностно-мировоззренческих проявлениях. Отсюда отсутствие единого образа и концепции российского депутатства: в плане его политического "разыгрывания" в системе социальных установок, в структуре обыденного понимания феномена. Следовательно, отсутствуют кредо и кодекс депутатства.

В то же самое время российское общество как бы свыкло с самой институцией представительства и, соответственно, с фактом представительной демократии в лице нынешнего Федерального Собрания. При этом сильные перекосы в противостоянии ветвей власти в сторону исполнительной воспринимаются общественным мнением весьма болезненно. Всевозможные социальные силы (а порой и временные "целевые группы интересов"), в свою очередь, используют всяческие возможности для оказания давления на парламент, лоббирования своих интересов, выстраивания бюджетных предпочтений, не говоря уже о том, что и исполнительная вертикаль куда в большей степени, чем раньше, вынуждена считаться с мнением представительной власти. Она же пытается разобраться в логике парламентской политической эволюции, чтобы оказывать влияние на депутатские настроения, на персональный состав собрания.

И все же, интуитивно и подсознательно российское общество приняло феномен депутатства как имманентный фактор политической жизни и потому вправе рассчитывать на прозрачность и ясность этого явления (политической инновации, если угодно), что, впрочем, кажется порой необоснованным предвосхищением нормы более развитой ступени демократического развития национальной политической культуры. А до той поры ... Депутатство - в своем нынешнем аморфно-нерациональном "облике" и непредсказуемости - раздражает, но, одновременно, и устраивает власть, раздражает, отвращает, но, порой, и развлекает общественное мнение.

В преддверии предвыборного марафона стремление разобраться в мировоззренческой природе российского депутатства кажется нам вполне обоснованным желанием. Тем более, что пятилетний опыт российского парламентаризма дает достаточно оснований для самой нетривиальной концептуализации ценностных оснований и "кодексов" российского депутатства. Очевидно, что каждый шаг на пути общественного понимания, и, даже, реабилитации российского депутатства, по существу и явится вкладом в выработку общественно-идеологической доктрины российского депутатства.

Вопрос "что выбирается?" - наряду с вопросом "кто выбирается?", возможно, займет достойное место в системе электоральных предпочтений и поведения в процессе начавшихся избирательных компаний. Ограничивая же

электорат имеющимся опытом выбора по принципу "кто?", мы вновь обрекаем избирателей на аффективный выбор и, следовательно, случайные решения.

Прекрасно осознавая то обстоятельство, что сейчас в стране функционирует множество аналитических служб, центров и институтов, осуществляющих интеллектуальную и организационную поддержку депутатства в России, мы намеренно ограничиваем нашу исследовательскую задачу пониманием феномена российского депутатства в его ценностном, идеологическом, мировоззренческом и драматургическом аспектах, оставляя за скобками рефлексивной работы авторов вестника вопросы политических технологий и правовых рамок реализации депутатства как демократической институции. Основной наш интерес сконцентрирован вокруг темы: "Российское Депутатство как культурно-политический проект во всем его модельном многообразии и богатстве сценарных вариантов дальнейшего развития".

Мы сохраняем традиционную рубрику вестника, трансформировав ее частично в соответствии с содержательными разработками второго тура макропроекта: "Дух и модели российского депутатства (от редколлегии); "Метафизика успеха: российское депутатство как феномен непонятый и непознанный"; "Этос успеха: российское депутатство и российская культура"; "Хомо люденс: правила игры в российское депутатство"; "Модели успеха: российское депутатство в контексте постсоветской реальности". В этом выпуске введена новая рубрика: "Российское депутатство в зеркале внутренней и внешней экспертизы".

**МЕТАФИЗИКА УСПЕХА:
РОССИЙСКОЕ ДЕПУТАТСТВО
КАК НЕПОНЯТОЕ И НЕПОЗНАННОЕ ЯВЛЕНИЕ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ**

А. С. Ахиезер
Российское государство - общество
- представительная власть

Господство тоталитаризма в России несло в себе массовые иллюзии. Важнейшая из них заключалась в том, что представительная власть по сути не нужна. Существование некоторой сакральной точки на вершине общества, которая рассматривалась как единственное воплощение правды и справедливости, источник необходимых инноваций, как будто делает излишней и специализированную представительную власть, и разделение властей вообще. Тем не менее, все народы шли и продолжают идти от тотемизма, который ищет ответа на жизненные вопросы у тотема, к формированию представительной власти.

Все народы находятся сегодня на разных этапах этого движения, сопровождаемого подчас поворотами в обратном направлении. Всегда существует выбор между углублением этого процесса или отказом от него, возможно разрушительным. Уже давно идет спор об этом выборе, принимающий различные формы - от кровопролитной гражданской войны до напряженного диалога, сдвигающего масштабы и глубину влияния представительной власти на общество в ту или другую сторону. Во всем этом есть некоторая скрытая, еще неразгаданная логика. Ее нужно разгадывать, чтобы понять: не спорим ли мы по пустякам и где именно пустяки переходят в жизненно важные для общества проблемы?

1. Власть "сверху" или "снизу"?

Система власти должна заполнять все пространство между высшей точкой управления и рядовым человеком, связывания в единое целое бесчисленных атомов людей, молекул сообществ, например, патриархальные семьи, общины, регионы и т.д. Есть разные методы решения этой проблемы, зародившиеся еще в глубокой древности в рамках вечевого (традиционного) нравственного идеала. Эти методы связаны прежде всего, хотя и не только, с распадом - в результате возникновения государства вечевого - идеала на соборный и авторитарный. Авторитарный идеал открывает путь для развития власти первого лица, заполняющего вакуум власти в большом обществе своими назначениями: сатрапами, воеводами, губернаторами, секретарями обкомов и т.д. Соборный идеал открывает возможность решать ту же задачу способностью соборования (веча, мира, схода, круга, сельского общества, совета и т.д.) выбирать из своих членов и назначать людей для этой цели. Оба эти метода заполнения вакуума власти в большом обществе возникли как односторонние экстраполяции двух типов семейных отношений: отношения отца со своей семьей и отношения братьев между собой, каждый из которых сам возглавляет семью.

По сути дела, все отношения государственной власти в России своими глубокими историческими корнями растут из этих наидревнейших нравственных и, одновременно, организационных отношений. А.Солженицын напрасно уверяет, что социальные науки ... запрещают нам ... оценивать государственную жизнь этической шкалой, переносить "этическое суждение о малой группе

лиц" на более крупные общественные явления¹. Проблема, однако, здесь есть, и весьма серьезная. Она заключается в том, что при заполнении вакуума власти любыми методами с абсолютной неизбежностью встает вопрос о функциональности сформировавшегося порядка, о его способности стать жизненно важным условием, предпосылкой, стимулом для воспроизводственной способности людей предотвращать, обращать вспять "войну всех против всех", войну целого и частей, частей между собой, нарастающую дезорганизацию. Общество постоянно подстерегает различного рода опасности, о чем с достаточной очевидностью свидетельствует опыт мировой и нашей истории, опыт современности. Заполнение вакуума власти - важнейшее условие сдерживания этих опасностей. Неспособность общества заполнить это пространство открывает путь криминальным элементам, перехватывающих властные функции, как бесхозные.

В России, как впрочем и в любой другой стране, сложился специфический исторический опыт формирования власти. Вопреки общепринятому заблуждению, значимый исторический опыт никогда не забывается, но лишь уходит в культурное подсознание. И проблема заключается в том, что различные слои этого опыта могут выплеснуться на общество именно в критической ситуации - с разрушительной силой. Анализ такого опыта - необходимое условие объяснения путей развития нашей власти, ее прогнозирования, ибо исторический опыт формирования власти как "снизу", так и "сверху" позволяет рассматривать проблемы развития государственной власти в России как заполнение вакуума власти прежде всего комбинацией авторитарного и соборного методов, попытками преодолеть их ограниченность. Поэтому анализ феномена депутатства в России должен прежде всего ответить на вопрос об исторических истоках этого института, о его месте среди этих двух вариантов формирования власти.

2. Истоки депутатства в России

Существует распространенное заблуждение, культивируемое многими историками прошлого (и не только прошлого), что заполнение вакуума власти шло в основном "сверху" "вниз". Противоположный же путь представлял собой, якобы, некоторый, неизвестно для чего нужный, "фасад". Однако, невозможно свести весь процесс заполнения вакуума власти лишь к одному его аспекту. Авторитарный и соборный идеалы, их организационные формы амбивалентны, т.е. содержат друг друга в себе. Иначе говоря, соборный идеал авторитарен, так как каждый из участников веча сам - авторитарный глава своего дома, рода и т.д., а решение веча авторитарно, т.е. не включает признание права меньшинства на особое мнение и т.д. Одновременно авторитаризм соборен, т.е. ориентирован на некоторое коллективное согласие земли с решением первого лица, на оценку собственных решений как выразителей общей соборной воли. Это находило организационное воплощение, например, в Боярской Думе, в политбюро, во "всенародном единогласном одобрении" и т.д. Отсюда, кстати, представление о существовании "народной монархии" в истории страны. Анализ взаимопереходов между этими двумя разновидностями веча идеала позволяет понять истоки современной представительной власти в России.

В истории России можно найти достаточно много материалов, показывающих, как структура власти заполнялась "сверху", т.е. формировала свое исполнительное тело без института выдвинутых снизу депутатов. Под таким институтом следует понимать выдвижение избранных "снизу" - от граждан, от локальных сообществ, например, общин, регионов, сословий представителей, которые могли и должны в силу своего статуса формировать высшую власть, определять ее политику. Однако, существует и иной материал, которому уделялось меньше внимания. Например, после крахов государственности она восстанавливалась "с согласия всей земли", как это было после Смутного времени в XVII веке, с согласия системы советов, как это было в 1917-1918, а также в 1991 годах.

¹ А.Солженицын. Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни // Звезда, СПб, 1995, N 6, с.4)

Попытка восстановления государственности требовала выдвижения представителей с мест. Каков был их статус? Например, статус участников Земских соборов, где собирались "лучшие люди всей земли". С одной стороны, эти люди представляли свои сословия, свои территории перед высшей властью, выступали перед ней со своими особыми нуждами, пытались добиться "милостей", всяких "послаблений". Но, с другой стороны, эти люди созывались царем для "совета всей земли", для поиска опоры в обществе, т.е. признавались представителями определенных групп населения. Члены Собора по своей природе были промежуточным звеном между депутатом, воплощающим независимые от власти права групп, и назначенцами. Это была синкретическая, нерасчлененная, форма заполнения пространства власти между высшей ее точкой и личностью, первичными сообществами.

Синкретизм, как непреодоленная архаичная культура, имеет громадное значение при формировании власти в России - вплоть до сегодняшнего дня. По сути, это стремление сохранить вечевую культуру, хотя бы на уровне ценностей, постоянная попытка ее восстановить, в частности, избежать разделения властей. Синкретизм характеризуется отсутствием правовой базы для разделения властей. Первобытный синкретизм, хотя и был подорван самим фактом существования государства, но тем не менее оставался реальностью на уровне стремлений. Сохранение архаичных ценностей мешало осознанию в обществе необходимости особых институтов, процедур, постоянно изменяющих власть под влиянием идущих "снизу" импульсов, потребностей, людей, групп.

Предысторию депутатства в России следует искать в этой промежуточной нерасчлененной форме Земского Собора с его неясным статусом.

3. Развитие депутатства в условиях раскола

Массовое влияние синкретизма создавало крайне неблагоприятные условия для развития института депутатства, придало этому процессу специфический, необычный с точки зрения европейского общества, характер. На пути выделения депутатства из синкретического состояния власти в стране сложилось мощное препятствие. Оно заключалось в расколе, т.е. существовании разрушающих друг друга противоположных систем ценностей. Важнейшей его формой стал раскол между народом и властью, симптомы которого можно видеть еще при возникновении государственности, а завершенную форму раскол принял при Петре I. Эта форма раскола сложилась как реакция массового догосударственного синкретического сознания на возникновение государства, на попытки его укрепления.

Утверждение государства в обществе требовало массового признания его естественности, необходимости, легитимности, если пользоваться современными понятиями. Исторически сложилось так, что сакральная власть первого лица была признана. Легитимизация князя, а затем царя опиралась на наслоенные на языческую тотемную культуру представления о божественной природе власти первого лица. Однако оно само по себе почти ничто, если не опирается на государство, на достаточно сильный и квалифицированный аппарат, способный обеспечить государственный порядок в стране.

Исторически сложилось так, что государственный аппарат, чиновники, "начальство" не вписывались в массовую позитивную оценку. Они стали рассматриваться как воплощение зла, разрушения, смерти, всех мыслимых и немыслимых пороков. Идеалом стало общество во главе с царем, но без начальства, т.е. без государства. Такая странная, по сути - утопическая, - структура культуры имела весьма важные последствия для истории страны с ее метафизической ненавистью к начальству, к государству. Она оставляла мало места для признания необходимости института депутатства - депутатов почти автоматически рассматривали как "исполняющих службу", т.е. обычных чиновников.

В этой ситуации появление выборных, независимых от исполнительной власти депутатов требовало от них - и как от определенной группы людей, и от каждого отдельного депутата - особой, неизвестной в синкретическом обществе, культуры. В этом смысле депутат, чтобы выполнять свои функции, должен противостоять важным аспектам исторических традиций, т.е. преодо-

леть ограниченность исторического опыта формирования государственности в России. Культура депутата должна включать возможность осознания им себя как представителя некоторой общности, имеющей свои специфические ценности.

Но это лишь один элемент этой культуры. Другой – заключается в том, что депутат должен одновременно нести в себе культуру государственной жизни, особую субкультуру государства, включающую ответственность за общество в целом. Депутат должен отождествлять себя с этим целым и квалифицированно в этом качестве работать, т.е. воплощать общий интерес, реализовывать его в законодательной работе. Сложность заключается в том, что обе эти стороны культуры депутата должны быть глубоко разработаны и отчленены друг от друга. Но одновременно культура депутата должна включать способность взаимопроникновения сторон: воплощать локальный интерес через развитие всеобщего интереса, через развитие общества в целом, и, одновременно, воплощать общий интерес через развитие локального, через развитие тех групп, сообществ, с которым депутат отождествляет себя.

Сильное влияние инверсионных форм мышления и деятельности, раскол делает положение депутата двусмысленным. С одной стороны, он склонен отождествлять себя с народом, противопоставляя себя начальству, т.е. президенту, правительству. Но, одновременно, он также начинает считать себя начальством, забывая о своих функциях народного избранника, что, в частности, способствует коррупции, борьбе за привилегии. Эти исключаящие друг друга тенденции существуют одновременно и нравственная проблема депутатства включает проблему поиска меры между этими сторонами.

Однако условия исторического развития российского депутатства оказывались крайне неблагоприятным для выполнения подобных сложных требований, для формирования такого рода меры. Раскол, массовый отказ в легитимности представителям государства, депутатам затрудняет развитие государственного сознания депутата, отождествление им себя с общим интересом. Власть в России традиционно прежде всего привилегия, а не ответственность. Одновременно, раскол между народом и властью тормозил отождествление личного интереса с интересом своего электората. Депутат, будучи избранным, теряет связь со своей общностью, что порождает возможность их взаимного отчуждения. История страны показывает, что для избранных лиц на всех уровнях характерны опасные последствия потери эмоциональных связей со своей деревней. Крестьяне в результате Великих реформ, получившие право избирать волостное правление, испытывали крайнее затруднение, рассматривая свои новые права скорее как повинность.

Источник власти в России – не электорат, избиратели, а уже сложившаяся власть. Традиции России мешают депутату осознать, что он и есть истинная власть. Это открывает путь как к раболепству перед исполнительной властью, так и к разрушительному бунту против нее – об этом говорит еще опыт Государственных Дум начала века.

Важнейшим элементом культуры депутата является утилитаризм, который приобретает все более важное значение. Утилитаризм может иметь разные формы. Во-первых, утилитарный интерес носит открытый характер. Он может связать депутата с определенно понимаемым общим интересом, а также и с защитой некоторого локального интереса своих избирателей. Во-вторых, утилитарный интерес может приобрести манипуляторский характер, т.е. стимулировать случайные переходы от защиты одного интереса к противоположному, сочетать их непредсказуемым образом. Возрастающее влияние утилитаризма, недостаточная связь как с культурой избирателей, так и с культурой целого, открывает возможность для сосредоточения депутата на своих личных интересах, что создает благоприятные условия для коррупции, для случайности в выработке и защите решений, для снижения интереса и к потребностям целого, и своих избирателей, для подмены ответственности привилегиями.

Тем не менее, развитие утилитарных элементов культуры депутатства создает позитивные предпосылки выхода на новые нравственные основания депутатской деятельности, для развития либеральной культуры, возвышения депутатской культуры до осознания взаимопроникновения общего и особенного

интереса, для превращения депутата в реального субъекта этого взаимопроникновения. Исторически утилитаризм в России можно рассматривать как предшественника либерализма, как определенный стимул его развития. Но это верно лишь в исторической перспективе. Не следует думать, что утилитарно настроенная личность обязательно эволюционирует к либерализму. В этой сложной культурной ситуации возрастает значение личных нравственных качеств депутата, его способности, приобщаясь к высшим результатам мировой культуры, подыматься до уровня своей социальной роли, критически относиться к исторически сложившемуся опыту.

4. Противоречия и перспективы депутатства сегодня

Исторически сложившийся в стране культурный хаос создает крайне сложную ситуацию для оценки состояния современного депутатства. Отсюда – особенно большие сложности для прогнозирования изменения этого состояния, для развития парламентаризма. Прогнозирование парламентаризма, характер депутатства не является изолированным процессом. Дальнейшая динамика парламентаризма зависит от массовых сдвигов в культуре, немислима без них. Прогноз в культуре является малоисследованной областью.²

Тем не менее, можно прогнозировать рост утилитаризма в его разных формах и дальнейшую эрозию форм вечевоего идеала. Рост утилитаризма крайне противоречивый процесс, который, с одной стороны, открывает возможность превращения депутатства, общего интереса в средство для достижения частных интересов народных избранников. Но, одновременно, этот процесс создает определенные предпосылки для рационализации управления, для осознания прогресса его культурной основы, что, в конечном итоге, требует возрастающей роли либерализма в масштабе общества в целом. На его основе возможен прогресс парламентаризма в России.

Этот процесс требует спокойного развития, не прерываемого катаклизмами, войнами, внутренними кровопролитиями. Прогресс либерализма как массового явления зависит в значительной степени от общей интеллектуализации общества, от повышения потребности в конструктивных инновациях, в социально-экономическом, политическом и других формах творчества. Этот процесс, однако, не может быть изолирован от прогноза развития среднего класса, от развития экономики. Расстройство воспроизводства, в частности, сферы непосредственного жизнеобеспечения населения, никак не благоприятствует этому процессу.

Разумеется, речь идет о реальном росте либерализма, а не о распространении его лозунгов. При этом следует осознать, что проблема "фасадности" представительной власти в России не является простой. Она нуждается в объяснении. В истории страны, особенно в советский период, существовали организационные формы управления обществом, которые можно было условно рассматривать как демократические и либеральные, но по существу они таковыми не являлись и, фактически, прикрывали совершенно иные формы, например, авторитарные, тоталитарные, соборные. Было бы, однако, ошибочно истолковывать эти формы лишь как заведомую попытку ввести кого-то в заблуждение, например, Запад. Во всяком случае этот мотив не может рассматриваться как определяющий.

Глубокой причиной фасадности является раскол, нарушение социокультурного закона, требующего единства культурных оснований и организационных форм деятельности, их, если можно так сказать, взаимной адаптации. История России, особенно начиная с Петра I, полна примеров, когда власть пытается заполнять вакуум аппарата управления, насаждая коллегиальные формы, отступая от традиций авторитаризма. Однако эти попытки обычно кончались тем, что люди, которые заполняли эти новые организационные формы, вели себя вопреки этим формам, прямому желанию высшей власти. Достаточно вспомнить многолетние попытки в советское время активизировать про-

² А.С.Ахиезер. Социокультурное прогнозирование России на макро и микроуровне// Полис, 1994, N 6.

изводственную демократию, создавая для этого различные формы, например, постоянно действующее производственное совещание. Все они бездействовали и ответственные функционеры пытались создавать видимость их активности. Ссылка на то, что в основе реального бездействия лежало несовершенство самих этих форм, не может быть признана убедительной, так как сам факт введения этих форм мог служить основой для активизации заинтересованных людей в их совершенствовании.

Всеобщее игнорирование этих, пусть несовершенных попыток свидетельствовало о том, что Россия недостаточно далеко ушла от времен, когда крестьянство отвечало на все попытки развития производства, изменения отношений в обществе, в управлении высказыванием типа "барин дурит", культура - это "барская затея". Независимо от содержания предлагаемых изменений это снимало всякую ответственность с личности не только за судьбу страны, но и за самого себя.

При оценке фасадности следует избегать ошибки. Существо явления как фасадного определяется не властью, создающей эти формы, но, прежде всего, массовым поведением людей, которые ссылкой на "обман" оправдывают свою безответственность. Налицо исторически сложившаяся и не преодоленная слабость соответствующей культурной основы для вовлечения в управление массового слоя, для заполнения вакуума власти демократическими методами.

Тем не менее, было бы неверно чисто негативно относиться к попыткам формирования новых организационных форм власти. Хотя все они не опирались в должной степени на знание реальной культуры, тяготеющей прежде всего к разновидностям вечевого идеала (что ярко выявилось в спонтанном возникновении советов), все же подобные попытки создавали некоторую традицию. Каждая из попыток, хотя и приводила к разочарованию, тем не менее создавала стимул для новых попыток, создавала предпосылки для людей, которые пытались принимать эти попытки за "чистую монету". Вспомним наших диссидентов, которые выдвинули лозунг "соблюдайте конституцию", т.е. пытались вести себя в соответствии с этими формами. Они вели себя в духе определенной традиции русского либерализма. П.Н.Милюков, например, говорил, что он стоял на "бумажной точке зрения права, и бумага оживет, бумага станет символом, за которым вырастет поддерживающее его правосознание".

Существование фасадности сильно затрудняет формирование моделей российского депутатства. Сами эти модели могут формироваться по разным основаниям, связанным с территориальными, партийными, профессиональными и другими характеристиками депутатов. В основу модели могут быть положены сдвиги в культуре депутатского корпуса, возможности преодоления раскола, изменения значимости в деятельности на основе разных нравственных идеалов, прежде всего - либерализма. Эти модели неизбежно должны иметь прогнозный характер, т.е., в конечном итоге, быть направлены на оценку перспектив представительной власти в стране, ее важнейших параметров.

В этой связи представляется важным следующее соображение. Представительная власть в России в результате раскола, неадекватности культурного содержания деятельности депутатов ее реальной роли в сложном обществе, а также из-за сильного влияния разновидностей вечевых идеалов, часто оказывается недостаточно эффективной, что ставит ее существование под угрозу. Деятельность депутатов может быть оттеснена исполнительной властью, что, разумеется, вовсе не означает, что последняя окажется более эффективной.

Тем не менее, перспективы сохранения в стране представительной власти можно расценивать как удовлетворительные. Пока в стране преобладает стремление к локализму, к распаду хозяйственных, и не только хозяйственных связей. Вместе с тем в этой ситуации возникает возрастающее стремление не перегнуть палку, не довести дело до полного разрыва связей, распада. Эта тенденция усиливается в связи с сохраняющейся и даже усиливающейся зависимостью регионов и ведомств от центральной власти. Такая противоречивая ситуация является мощным стимулом для сохранения представительной власти как сферы диалога как между центральной властью и руково-

дствами регионов и ведомств, так и для диалога последних между собой. Эта обстоятельство само по себе является значимым фактором сохранения представительной власти.

Место и значение представительной власти в обществе во многом зависит от самих депутатов, от их попыток критического переосмысления своей собственной роли в обществе, от попыток выхода на уровень новых ценностей, прежде всего – ценностей последовательного либерализма. В то же время в обществе не ощущается реального стремления депутатов формировать доктрину, лежащую в основе института депутатства, направленную против традиционно-скептического, традиционно-апатичного отношения к власти. Об этом свидетельствует, например, неоднократные отказы представительных органов от лишения депутатской неприкосновенности депутатов, подозреваемых в преступлениях, что серьезно подрывает авторитет представительной власти.

В предстоящей предвыборной борьбе любые политические столкновения неизбежно приобретают культурный характер, что для понимания предвыборной борьбы более важно, чем политические противоречия. Возможно, что в России культурные расхождения более существенны, чем политические.

Судьба Российского депутатства представляет собой элемент более общих процессов, прежде всего – судьбы либерализма, разделения властей, возможностей дальнейшего распада синкретизма. В свою очередь, эти общие нравственные процессы в обществе не могут быть независимым от нравственного облика нашего депутатского корпуса.

Г.Э. Бурбулис **Депутатство как профессия**

В моей политической деятельности есть один период, которым я очень дорожу (биографы потеряли его след). Когда я был избран народным депутатом СССР, моя программа заключалась в том, чтобы добиваться становления профессионального депутатства. Это идея депутатской эстафеты – когда депутаты действуют в Советах разного уровня в согласованной форме. Депутатство понимается в данном случае как специализированная деятельность, требующая определенных знаний и умений. Идея профессионального депутатства должна закрепляться и в соответствующих законах.

Сейчас может показаться совершенно невероятным, что я был настойчивым инициатором внесения поправки в Закон о депутатской деятельности – в статью о правах и обязанностях депутата. Я добивался включения туда одного признака: "Разрабатывает и принимает законы". Этот признак был за рамками того базового нормативного акта, которым руководствовалась страна, с которым работал Верховный Совет и, естественно, депутаты советской системы. Все выражалось в терминах "контролирует", "представляет", "убеждает" и т.п., но не было того, ради чего в принципе существует эта ветвь власти – полноценного и целенаправленного законотворчества.

Мне кажется, что трудность в осмыслении феномена депутатства выражается как раз в отсутствии ясного понимания того, что сфера законодательной деятельности является не случайным приложением к институту власти, а его фундаментом. И как бы нас не убеждали в том, что сильная президентская власть в Соединенных Штатах Америки на 70% строится на правовых прецедентах, на так называемых неписанных законах, которые передаются из поколения в поколение и закрепляются в определенных традициях политического поведения, самое главное заключается в том, что неписанные законы могут существовать лишь тогда, когда соблюдаются законы писанные.

Мой депутатский опыт того периода и характер задач, которые тогда решались, позволили мне уже в те времена сформулировать важный критерий. Мы привыкли относиться к власти прежде всего с точки зрения возможных злоупотреблений. Как правило, контрольные функции депутатства выражались в том, чтобы выявить тех, кто злоупотребляет властью. Я же предложил взглянуть на проблему дееспособной власти с точки зрения того, что суще-

ствуют государственные нарушения и ущемления гражданских прав, связанные с принципом "недопотребления" власти. Есть злоупотребление, то есть власть, употребленная во зло, а есть "недопотребление", то есть власть, не употребленная в том числе и в добро. Особая задача связана с пониманием природы контрольной функции представительной власти, той функции, которая в Конституции демонстративно отсутствует и компенсируется сегодня дополнительными "приставками", создаваемыми Федеральным Собранием. Речь идет о "приставке" Уполномоченного по правам человека, которого назначает Дума, о Счетной палате и так далее.

Мне кажется, что неразвитое представление о депутатстве, о представительной власти как правомерной, дееспособной и престижной, базируется во многом на отсутствии политической культуры, связанной с законотворчеством и законопослушанием. Это вопрос политического наследия, которое мы имеем, его болезненных проявлений. Если советский политический режим в основе своей базировался на правовом нигилизме властей, можно сказать, на правовом цинизме, то он естественно сопровождался правовым нигилизмом населения. Становление права как механизма выражения и защиты интересов гражданина - это долговременная задача политического воспитания, требующая работы не одного поколения. Для меня очевидно, что депутатство как социальный институт и есть прямой путь к развитию в обществе этой культуры, поскольку чем яснее и четче будет представлять каждый избиратель, в чем состоит назначение избираемых им депутатов, чем постояннее и ощутимее будет связь избирателей и депутата, - тем более устойчивым будет престиж депутатской деятельности, а депутатство как институт получит и разовьет все необходимые признаки полезной и привлекательной деятельности.

У представительной власти немало работы в этом направлении. Поэтому в становлении российского института депутатства я бы выделил несколько проблемных сфер. Первая - преодоление наследия ритуально-необязательного, лицемерно-порученческого депутатства. Вторая - переосмысление конституционных полномочий представительной власти как таковой, прежде всего - института Федерального Собрания России с главной функцией Государственной Думы. Депутатство в классическом представлении связано как раз с палатой, отвечающей за создание соответствующей законодательной базы. Непосредственно законотворческая деятельность предписана Конституцией Государственной Думе, и основу депутатства как института создают прежде всего депутаты Думы. Третье - депутатство как уникальная сфера, обеспечивающая развитую форму сотрудничества гражданского общества и государства. Депутатство и есть мост, связывающий интересы большинства населения, организованные в политический процесс, и государства, которое осуществляет власть от имени населения. Личность депутата и депутатский корпус в целом и есть та лакмусовая бумажка, то увеличительное стекло, в котором проблема согласия, сотрудничества власти и общества - или отчуждения власти от общества - проявляется в полной мере. Четвертое (этот момент я считаю крайне важным, ибо он связан с тем трудным и печальным опытом, который мы обрели за последние годы) - по своей природе депутатство больше, чем остальные институты власти, связано с проблемой индивидуально-психологического содержания политической деятельности. Я имею в виду существенную зависимость государства, общества и в целом страны от качества депутатской деятельности в законодательной сфере, которая, в свою очередь, зависит от желания и умения депутата участвовать в выработке того или иного закона. Зависимость этого процесса от разнообразных лоббирующих структур. До тех пор, пока депутатство не будет иметь прямую и подконтрольную связь с избирательной средой, оно будет сопровождаться трудным и мучительным выбором каждым из депутатов своей конкретной позиции. И, наконец, пятое. Считается, что депутатство полноценно, когда депутат "вписан" в определенный политический институт, и его позиция в сфере законодательства имеет своего рода рамку, масштаб, цензуру и контроль. Но что делать стране, у которой нет таких развитых институтов, а переход к ним не обещает быть быстрым? Как быть стране, когда у нас депутатство

связано с ролями, смысл которых выражается в том, что в условиях зависимости регионов от федеральных структур депутат воспринимается в качестве "ходока", просителя и выбивалы каких-либо льгот для регионов. Возможность плодотворно работать над законами, активно погружаться в нормотворческий и правотворческий процесс в таких условиях отсутствует?

Если мы учтем эти проблемные сферы становления депутатства в России, то сможем выделить некоторые приоритеты. На чем важно сосредоточиться сегодня с учетом разворачивающейся избирательной кампании и определить, какие ресурсы сохраняются в обществе для культивирования престижа депутатской деятельности и повышения достоинства парламента в глазах общества.

Я думаю, что жизненно оправданна связанная с острой общественной потребностью установка на то, чтобы депутатство в России выступило на текущих выборах не в качестве безудержной и взаимоопустошающей конкуренции блоков и отдельных кандидатов, а в качестве общей настроенности на концепцию профессионального парламента. Лишь на этой основе можно - в принципе - предпринимать какие-либо плодотворные законодательные акции. Идея профессионализма может, на мой взгляд, объединить активных избирателей и ту часть политиков, которая будет осуществлять избирательную кампанию.

Здесь не должно быть никаких иллюзий. Во-первых, до сих пор у нас не сложилось понимание профессии государственно-политического деятеля. Отсутствует и поколенческая преемственность в этом виде деятельности, не накоплен крайне важный опыт организационно-аппаратного обеспечения, когда парламента и любой другой представительный орган не зависит от прихоти и интеллектуальных или политических пристрастий депутатского корпуса, поскольку существуют и высококвалифицированные эксперты-профессионалы, и соответствующая организационно-аппаратная культура функционирования этого института. Здесь особенно дороги полезный консерватизм, элементы традиционности, здесь абсолютно необходимо культивирование роли государственного чиновника, обслуживающего этот институт.

Во-вторых, идея депутатства как профессии вступает в противоречие с идеей выборности, за которой стоят и текущие интересы населения, и необходимость политического конкурентирования. Как совместить идею выборов человека, который наиболее точно, ярко и убедительно представляет наши интересы, с идеей того, что его работа должна заключаться все-таки не в митингах и публичных обличениях оппонентов, а в профессиональном законодательстве? Как совместить колоссальную потребность в особом слое профессионалов, занимающихся законодательной деятельностью со знанием дела, с правом этих профессионалов постоянно выступать в качестве претендентов на мандаты и тем самым, с одной стороны, гарантировать известную традицию, устойчивость парламентской деятельности, а с другой - не сопровождать это опасным догматизмом, консерватизмом и политическим застоєм? Более жестко: не противоречит ли идея профессионализма депутатов идее свободного выдвижения передовых слоев общества на определяющий рубеж политического управления страной? Мне кажется, что пришло время вполне ответственно заявить: "Нет, не противоречит". Весь вопрос в том, как сегодня накапливать этот капитал в текущей избирательной практике и какие существуют возможности прийти к выборам с этой стратегической концепцией - концепцией профессионального парламента России.

Очевидно, что политическая деятельность не воспринимается сегодня в российском обществе как заслуживающая уважения. Она еще не стала работой, результаты которой выступают для людей важными и значимыми. Сфера политики связана с безудержной борьбой за власть в условиях отсутствия у большинства населения желания участвовать в политической жизни непосредственно и добиваться гражданского контроля за властью. В свою очередь, те, кто к власти стремится и ее достигает, имеют массу возможностей уклониться от прямой ответственности за свои действия перед электоратом.

Я думаю, что идея профессионального парламента предполагает более широкий контекст, связанный с реабилитацией и утверждением в обществе ценностей профессионализма как базовых. Коалиционные формы политического

поведения сегодня нашли своих горячих сторонников, и эта тенденция достаточно стабилизировалась. Так, можно говорить об устойчивом электорате у догматически-коммунистической идеологии и соответствующих оргструктур, можно говорить об устойчивом электорате у националистического направления, об электорате либерально-демонстративной ориентации – в этом смысле общество структурировалось. Но у нас сегодня отсутствует крайне важный механизм – политическая технология сотрудничества населения с представительными институтами власти.

Я думаю, что профессиональный парламент не может возникнуть в непрофессиональной социальной среде. До тех пор, пока в каждом районе, в каждом производственном коллективе не возродится естественное уважение и стремление к собственному профессионализму, очень трудно добиться соответствующего отношения к профессионализму в политической сфере. Поэтому путь к профессиональному парламенту, профессиональному депутатству и, в целом, к профессиональной власти в России лежит через трудную работу по защите и культивированию профессионализма как ценности.

Если мы понимаем, что желание людей жить лучше вполне естественно, – политика существует для них лишь в той мере, какой президент, правительство, парламент или власть в целом обеспечивает улучшение жизни, – то очевидно, что желание жить лучше сегодня должно сопровождаться вниманием к тому, на основе чего добивается успеха твой сосед, партнер по работе, конкурент и т.п. Профессионализм как качество, определяющее право на деловой успех, как основание, обеспечивающее достижение конкретного полезного результата, культивируемый в базовых сферах деятельности, и сможет в дальнейшем перерасти в понимание и признание столь же важного профессионализма в сфере политики.

Насколько возможен непосредственный контакт зарождающегося профессионального слоя государственно-политических деятелей с населением? Очевидно, за вычетом устойчивого электората, который уже сделал свой идейный выбор, абсолютное большинство избирателей сегодня не ориентируется на политическом рынке и будет вынуждено либо избегать выбора, либо осуществлять его случайно. Как этому противостоять? Я предлагаю использовать концепцию межпрофессионального сотрудничества, суть которой выражается в том, что идеалы профессиональной государственно-политической деятельности могут быть наиболее точно оценены прежде всего теми людьми, которые никогда политикой не занимались и заниматься не собираются, но в своем собственном деле уже сумели добиться результатов и соотносят их с уровнем собственного профессионализма. Проще говоря, всякий мастер в своем деле ценит мастерство и профессионализм в другом деле.

Представим себе ситуацию предвыборной борьбы между перспективными кандидатами на депутатский мандат. Это люди, знающие законы социального развития, имеющие определенный навык работы с правовыми проблемами, обладающие способностью к литературному труду, не склонные все и вся доверять экспертам, консультантам и помощникам. Выступая в качестве кандидатов перед избирателями, им очень трудно убедить людей в значимости каких-то вопросов, поскольку у большинства населения отсутствуют внятные представления о конечных результатах депутатского труда, о качестве и сути той "продукции", которую производит депутат.

Поэтому между избирателем и кандидатом на депутатский мандат должен стоять узнаваемый и авторитетный профессионал в любом другом виде деятельности. Отсюда – задача осуществления межпрофессиональной солидарности. Профессионалу – промышленнику, предпринимателю, учителю, врачу – крайне важно, чтобы его деятельность была обеспечена законами, соответствующими его правам, поэтому он делегирует эту свою надежду профессионалам в государственно – политической деятельности и защищает перед избирателями его право быть избранным, представляя его как своего делового партнера. Речь, разумеется, идет о механизме, необходимом в тех ситуациях, когда отсутствует традиционное политическое структурирование по партиям.

Вместе с тем, есть большая опасность невольно продолжить ту линию, которую мы культивировали на заре переходного периода в избирательной

кампании 1989-1990 годов. Тогда мы совершенно искренне шли на выборы под лозунгом "Вся власть Советам", добиваясь конституционной реабилитации системы представительной власти, и наша модернизаторская идеология заключалась в том, что в парламенте нужны люди, хорошо знающие конкретное профессиональное дело: пусть здравоохранение в стране развивают и укрепляют врачи, образование - учителя, промышленное производство - практики этого производства.

Я не исключаю того, что в новом поколении людей дела, управленцев и политиков может сложиться очень своеобразный и востребованный в обществе слой, вырастающий из сильных профессионалов, на каком-то этапе своей карьеры убедившихся, что их способности значительно шире и могут быть полезными и перспективными в государственно-политической сфере. Речь идет о проблеме перехода в новую профессию. Мы должны быть достаточно конкретны и принципиальны: не совместительство, не временный уход, а сознательное переориентирование и профессиональное перепрофилирование. У такой переориентации есть преимущества, поскольку глубокое знание конкретной сферы, дополненное не менее глубоким саморазвитием и обучением, создает здоровый прагматизм. Вместе с тем, я вижу большую опасность в подмене идеи профессионального депутатства идеей "побольше профессионалов в конкретных сферах дела - в новый парламент". В этом случае, как правило, для непосредственно законодательной деятельности сил у депутата не хватает, и мы сталкиваемся с безудержным лоббированием, часто узкоспециализированного плана. Узкопрофессиональные интересы травмируют возможности последовательного законодательского развития и не обеспечивают согласования разных блоков правовой системы.

Мы должны одновременно реагировать на текущие вопросы оперативного правового управления и закладывать фундамент новой правовой системы по всем отраслям права. И вполне возможно, что в такой ситуации могут получить импульс как раз те структуры, которые в свое время мы стремились создать. Пока нет влиятельных партий, пока нет традиционного механизма политического структурирования общества, и, вместе с тем, мы добиваемся от населения сознательного отношения к избирательному процессу, могут стать плодотворными такие формы как клубы избирателей, создающиеся не только на период избирательной кампании, но и действующие на протяжении всего периода работы депутатов. Могут быть полезны и депутатские идеи эстафеты, когда депутаты одного региона, работающие в представительных органах разного уровня - федерального, регионального, местного - через эти клубы или через другие структуры проводят согласованную позицию, синхронизируя и регламентируя нормотворческий процесс на разных уровнях управления. Еще более плодотворными могут стать межпрофессиональные объединения, где депутаты, осваивающие государственно-политическую деятельность как профессию, активно сотрудничают, принося с собой все свои радости, трудности и тревоги. Так в обществе культивируется своеобразный слой политической элиты, особенность которой не в легкодоступной публичности, с которой многие не знают что делать, а в уникальности профессии и личной ответственности.

Рассмотрим некоторые вопросы, связанные с особенностью внутрипарламентского профессионализма депутатского корпуса. Не забудем о "законе насыщения раствора": наивно полагать, что нам удастся завершить избирательный процесс со стопроцентно дееспособным парламентом, что большинство депутатов будут соответствовать профессиональным критериям. Поэтому сверхзадача на сегодня состоит в том, чтобы обеспечить некую базовую меру в составе парламентариев, которая должна создавать атмосферу профессионального отношения к законодательству.

Другая задача - поиск способов взаимодействия между депутатами. Сегодня действуют две схемы: первая схема сугубо политизированная - депутатская фракционность внутри парламента; вторая схема - сугубо технологизированная, отраслевая схема: комиссии и комитеты, создающиеся по отраслевому проблемному принципу. Опыт показывает, что фракционная "начинка" парламента порождает во многом деструктивный процесс политической борьбы,

а отраслевая проблемная "начинка" порождает узкопрофессиональную ориентацию и борьбу комитетов за "свой" закон любой ценой. Опыт пятой Думы показывает, что в работе парламента наступает момент, когда востребованными становятся новые формы междепутатского сотрудничества, в которых преодолеваются границы фракционного поведения, а запреты и ограничения сугубо узкопрофессионального плана не препятствуют росту депутатов.

К такой форме я отношу Парламентский Клуб, который ориентирован на преодоление издержек отчаянной идеологической и политической борьбы. Клуб уместен и полезен как объединение депутатов разных фракций на принципах профессионализма, достоинства и социально-политической стабильности. Клуб выступает интегрирующей организационно - оптимизирующей формой, и в этом своем назначении способен более последовательно участвовать в утверждении идеи профессионализма депутатской деятельности.

Конечно же, мы не можем игнорировать сложившееся в нашей стране отношение к депутатству, к представительной власти. Из эпохи формальных выборов - строим и по команде - мы в одночасье перешли к внешне демократичным выборам - по личному желанию, личному волеизъявлению, - при отсутствии основы для профессиональной государственно-политической деятельности и при явной доморощенности актива, порожденного выборами последних лет. Очень специфическое отношение к политике как таковой у большинства населения создает огромные трудности в понимании российской специфики профессионального парламента. Трудности эти очевидны, но не фатальны.

Наша история не оставила в недрах социальной памяти какого-либо рационального отношения к этому институту. Он всегда сопровождался либо горячительными импульсами искусственно взвинченными эмоциями, либо малопривлекательной и самодовлеющей деятельностью представительных органов, либо, - что было характерно для советской власти, - социальным лицемерием, не говоря уже об утилитарном отношении к депутату как выбивале. Применительно к нашей специфике все полезно: и знакомство с деятельностью Государственной Думы первого созыва, и анализ попыток культивировать общественное представительство в истории России, включая земское движение, институты государственных советников в разные периоды царского правления...

Скорее всего нас ждет 15-20 летний процесс формирования социально-политической сферы с соответствующими кадровыми задачами. Вместе с тем, пока трудно представить будущее политическое структурирование общества с учетом распределения интересов крупных общественных групп - прежде всего, по законам экономических отношений, по законам собственности. Именно долговременность задачи означает для меня безупречность и конструктивность формулы "Стране нужна профессиональная власть, способная улучшить жизнь конкретного человека в конкретной форме". Всего может быть в избытке, все может наскучить или потерять привлекательность, но совершенно очевидно, что требование работать со знанием дела относится к числу универсальных, общечеловеческих и вневременных ценностей, осваивать которые нам нужно энергично и последовательно.

С. Киселев, А. Мурсалиев
Российская законодательная власть:
между "договором" и "вручением себя"

"Западники" и "почвенники"

Проблема трансплантации "западноевропейской" парламентской демократии в посттоталитарное общество сегодня, пожалуй, одна из наиболее актуальных и в то же время банальнейших проблем. Дискуссия по этому поводу сводится к двум взаимоисключающим тезисам:

1) Демократия - явление универсальное, а потому рано или поздно все народы и страны неизбежно придут к ней, проблема лишь в степени зрелости и готовности того или иного общества.

2) Демократия в ее нынешнем виде - плод исторического развития Западной Европы, а потому - уникальна и, будучи перенесена на иную почву, неминуемо зачахнет либо мутирует.

Несложно заметить, что по сути спор этот является далеко не новым в российской интеллектуальной среде и берет свое начало еще в XIX веке, когда оформились и схлестнулись между собой два полярных течения - "западничество" и "славянофильство" (или, позднее, "евразийство", "почвенничество").

В ходе дискуссии стороны неоднократно обменивались тезисами, перерабатывая их по-своему. Так, один из ярких российских "западников" протореформенного советского периода профессор Тартуского университета ныне покойный Юрий Михайлович Лотман в середине 70-х годов разработал и обосновал классификацию двух моделей культуры: "договор" и "вручение себя". Суть этих моделей прочитывается в их обозначении. При первой модели свободный (или же обладающий юридически закрепленными правами) гражданин выступает в роли партнера властей, при второй он целиком и полностью зависит от власти и вынужден "вручать себя" ей, уповая на ее справедливость и мудрость. В своих крайних вариантах эти модели выражаются: первая - в парламентской демократии, вторая - в абсолютной монархии. Совершенно очевидно, что коммунистически-советская модель принадлежала ко второму типу - "вручению себя".

Вроде бы относительно легкая победа над тоталитаризмом в Советском Союзе и странах-сателлитах, шесть лет пореформенного парламентаризма в России (со времени первого Съезда народных депутатов СССР 1989 года) и все возрастающая уверенность в необратимости реформ говорят в пользу очередной победы российского "западничества". Тем не менее, дискуссия по этому поводу не может считаться завершенной, поскольку промежуток времени, прошедший после начала демократических реформ на постсоциалистическом пространстве, с точки зрения истории крайне мал. И в этой ситуации довольно легко попасть в аберрационную ловушку, описанную покойным Львом Николаевичем Гумилевым. Он привел простой пример: мальчик бросает мячик в стенку. Мяч отлетает от стены. Все предельно ясно. Однако если растянуть этот процесс во времени и рассматривать лишь вторую его часть, не заметив первую, то нетрудно придти к выводу, что стена обладает способностью отбрасывать мяч.

В этой связи представляется предпочтительным при анализе тех или иных политических процессов, в том числе и истории российского парламентаризма, учитывать не только историю, традиции государственного устройства и восприятия власти населением, но и этнологические процессы, то есть изменения российского менталитета, связанные с возрастом этноса.

Ордынский ГКЧП

В истории и традициях Российского государства и народов, его населяющих, обе модели присутствуют едва ли не в равной степени. Первая - "договор" - восходит еще ко временам Киевской Руси. Достаточно вспомнить формулу приглашения в Киев князя: "Народ Киева, черные клобуки и берендеи приглашают тебя, княже...". Фактически составлялся договор между гражданами и властью. Договорными были и взаимоотношения властей и подданных в Золотой Орде - там это выражалось в ярлыках, выдаваемых ханом. Главная отличительная черта договорной модели проявляется, пожалуй, в главенстве закона, а не власти.

Наиболее ярким эпизодом конфликта власти и закона в эту эпоху была знаменитая Куликовская битва - ордынское ГКЧП. Если абстрагироваться от позднейших идеологических построений, то сюжет этого события в истории Евразии вполне вписывается в рамки государственно-правовых отношений.

Законный монарх Тохтамыш в результате военного путча был свергнут министром обороны Мамаем. Московский правитель Дмитрий Донской встал на защиту конституции. В результате путчисты были разгромлены, погранный закон восстановлен, Тохтамыш вернулся на трон. Что же касается последовавшего на следующий (1381) год похода Тохтамыша на Москву, то это уже из области внутривнутриполитической логики, а не государственного права, так как в противном случае его, по всей видимости, ожидала бы судьба Михаила Горбачева. Кстати, в этой связи весьма любопытны слухи о готовившемся Горбаче-

вым в декабре 1991 года аресте беловежской троицы после их встречи в Вискулях и предложении совершить военный переворот, сделанном им Евгению Шапошникову, тогдашнему министру обороны СССР.

Впервые в российской истории вторую модель - "вручение себя" - попытался внедрить Иван Грозный, создавший первую на Руси абсолютистскую модель - "опричнину". Вторая, более успешная попытка была совершена Петром Великим. Не случайно именно два эти персонажа российской истории были наиболее популярными и пропагандируемыми во времена последнего расцвета абсолютистской модели государственного устройства при - Иосифе Сталине. Не случайно и упорное внедрение в общественное сознание негативного образа "боярской думы" - по сути существовавшей в то время представительной оппозиции властям. Так же неслучайно и упорное замалчивание фигуры Александра II Освободителя, начавшего движение к договорной модели (отмена крепостного права, подготовка конституции), и резко негативное отношение к Николаю II, при котором была принята конституция и появился первый парламент.

Для коммунистических правителей СССР логичнее было бы представлять предреволюционный период государственных реформ в качестве предшествующего и закономерно приведшему к окончательному торжеству "высшей формы демократии - советской власти". Однако, если учесть, что страна, провозглашенная после октябрьского переворота советской, то есть парламентской республикой, соответствующей (во всяком случае юридически) договорной модели, очень быстро превратилась в атеократическую монархию, ставшую идеальным проявлением противоположной модели - "вручения себя", становится вполне понятным желанием коммунистических монархов максимально дистанцироваться от насильственно прерванного опыта российского парламентаризма.

Трибуны и лоббисты

История современного российского парламентаризма начинается с 1989 года - первых относительно свободных выборов народных депутатов СССР. Она четко подразделяется на три этапа. Первый - с 1989 по осень 1991 года - Съезд народных депутатов СССР. Второй - с весны 1990 по октябрь 1993 года - взлет и падение российского "Белого дома". Третий - с декабря 1993 по настоящее время - Государственная дума.

Достаточно поверхностного взгляда, чтобы заметить тревожную тенденцию, свидетельствующую не в пользу парламентаризма: два парламента из трех погибли не своей смертью, так и не дожив до окончания своих полномочий, а над третьим всю его двухлетнюю историю висит дамоклов меч роспуска со стороны Президента. С другой стороны, прослеживается и вполне оптимистичная тенденция: от парламента к парламенту количество и удельный вес демократов поступательно возрастают.

Впрочем, и то, и другое весьма условно. Как показала новейшая российская история, вовсе не обязательно, чтобы демократы были беззаветными защитниками парламентаризма. Более того, оба раза - и осенью 1991, и осенью 1993 года - именно демократы требовали роспуска парламента (в первом случае союзного, во втором - уже российского), абсолютно не считаясь ни с буквой закона, ни с духом парламентаризма. Еще более парадоксально то, что наиболее яростными защитниками парламента и конституции - союзных в 1991 году, российских в 1993-м - оказались именно противники демократии и сторонники коммунистическо-советской реставрации.

Но парадокс этот кажущийся, так как в случае выбора одной из двух моделей культуры и их реализации решающая роль принадлежит вовсе не депутатам, а наоборот - тем, кто их избирает. И здесь главное не политическая карьера, убеждения, поведение и т.д. депутата (точнее - кандидата в депутаты) и даже не его предвыборные обещания, а мотивы голосования избирателя. Именно качество избирателя в конечном итоге обуславливает выбор модели государственного устройства.

Вспомним классиков, а конкретно Фридриха Энгельса, который в своем докучавшем поколении советских школяров "Людвиге Фейербахе и конце немецкой классической философии" с подкупающей циничностью разъяснил туман-

ный тезис соотечественника "Все действительное разумно". Учитывая, что те, кто вступил в сознательную жизнь после августа 1991 года, имели счастливую возможность не читать классиков, стоит пояснить: грубо говоря, имелось в виду, что каждый народ заслуживает ту власть, которую имеет.

В этом контексте ситуация представляется совсем по-иному. Избиратели, голосовавшие, пусть даже за одного и того же, предположим "Гайдара", в 1989, 1990, 1993 годах, в большинстве своем руководствовались абсолютно разными мотивами. В 1989-м и в некоторой степени 1990-м, "демократический", а точнее - некоммунистический, электорат голосовал, преимущественно исходя из говорухинского принципа "так жить нельзя". На этой волне в парламент пришли не только новые звезды политики и убежденные (изначально или впоследствии) антикоммунисты, но и откровенные демагоги типа предтечи Владимира Вольфовича харьковского таксиста Сухова. Если среди этих избирателей и были сторонники "договорных" отношений с властью (а предвыборные обещания многих демократических кандидатов сводились к тому, что они будут бороться за конкретные интересы избирателей, а не за интересы конкретных избирателей, то есть будут создавать правовую среду, в которой свободный гражданин получит максимальную свободу выбора), то принцип договора осмысливался ими достаточно смутно, скорее деструктивно, нежели конструктивно: "не так, как при коммунистах". На выборах 1993 года активная часть демократического электората уже конкретно сформулировала, за что она отдает голоса: гарантии необратимости и продолжения реформ.

В свою очередь, оставшаяся часть избирателей, привычно голосовавшая на первых выборах за начальство, впоследствии, когда старое начальство осталось за бортом политической жизни, а у власти оказались другие, также была поставлена перед необходимостью индивидуального выбора. Эти люди отдали предпочтение тем, кто обещал бороться именно за интересы конкретных избирателей.

Таким образом, в российском парламенте появились и окрепли две категории депутатов - "трибуны" и "лоббисты". Впрочем, деление это вполне условно, и ничто не мешает пламенному трибуну лоббировать конкретный законопроект, как и, наоборот, расчетливому лоббисту соколом взлетать на трибуну. При этом принадлежность к той или иной партии или фракции особой роли не играет. Идеология, похоже, отошла если не в мир иной, то достаточно далеко. Наиболее красноречивый пример - уход после начала чеченской войны из собственных фракций в "партию власти" коммуниста Валентина Ковалева и "выбороссов" Андрея Козырева и Олега Бойко. Уход, не вызвавший, вообще-то, особого всплеска негодования голосовавших за них избирателей. А потому и частично "санкционированный" избирателями.

"Вручение себя по договору"

Реформы способствовали появлению и формированию нового избирателя, уверенно определяющего собственные интересы и голосующего за того или иного кандидата (или, что на сегодняшний день важнее, инвестирующего ту или иную политическую силу) не под влиянием чувств, а вследствие трезвого и, порой, скрупулезного расчета. Для этой категории избирателей проблем выбора между "договором" и "вручением себя" нет. Только "договор", а выбор заключается лишь в том, с кем этот договор заключать. Так, вполне закономерно, что российские предприниматели и в августе 1991 и в октябре 1993 года однозначно встали на сторону команды реформаторов. Для них главное - не конкретные личности (Ельцин, Гайдар, Черномырдин, Явлинский), а то, насколько благоприятна для них и их дела среда, которую могут создать эти личности, придя к власти.

Впрочем, рынок и рыночные реформы сами по себе автоматически не предрешают выбор в пользу договорных отношений с властями. Российская практика, как в той или иной степени и мировая, показала, что вполне возможен и вариант "вручения себя по договору". Ярчайший тому пример - скандально знаменитое АО "МММ" и масса ему подобных финансовых пирамид. Ведь, по сути, вся эта грандиозная афера стала возможной лишь в результа-

те веры определенной части населения (избирателей) в "мудрость и действия на благо общества" некоего лидера. Более того, крах АО "МММ" летом прошлого года совсем не помешал его отцу-основателю быть избранным в Государственную Думу, хотя политическая кампания Сергея Мавроди абсолютно ничем не отличалась от финансовой. "Я сделаю вас богатыми и процветающими" – в этом лозунге для понимания мотивов избирателей ключевым является местоимение "Я", то есть "не я – обыватель-избиратель", а кто-то другой вместо меня, тот, кому я вручу свои сбережения или свой голос.

Типологически электорат левых и националистических сил, в частности, КП РФ, АП, ЛДПР и им подобных мало отличается от последователей Лени Голубкова. Их всех объединяет политическая инфальтильность и отсутствие воли. Голосуя за идею, харизматического лидера, абсолютно нереальные обещания немедленной социальной (национальной) справедливости, стремительного и быстрого благополучия (величия державы), избиратели этого политического спектра на самом деле страшатся партнерских отношений, а, следовательно, и личной ответственности за свое будущее и свою судьбу.

Характерно в этой связи, что преобладающее большинство национал-коммунистического электората – люди преклонного возраста. Социологические опросы дают весьма красноречивый (и во многом парадоксальный) образ среднего избирателя левых и националистических партий. Это преимущественно старые люди (среди пенсионеров популярность коммунистов и либерал-демократов наиболее велика), подверженные ксенофобии (несмотря на то, что прожили всю свою жизнь в обществе, декларирующем приверженность принципам интернационализма), сторонники принципа "пусть мало, но всем", любители телепрограмм типа "Поле чудес" и лотерей (то есть при всей страсти к "справедливости" желающие быстро и без особых затрат разбогатеть), ненавидящие рекламу и считающие весь российский бизнес спекуляцией, почтительные к начальству.

В то же время потенциальный электорат правых блоков и движений ("ЯБЛОко", "Выбор России" и др., а сейчас, по всей видимости, к ним следует отнести и блок "Наш дом – Россия"), то есть "договорного" принципа государственного устройства, в большинстве своем – люди молодые, открытые, энергичные, честолюбивые. В этой связи, казалось бы, можно говорить об исторической предопределенности победы договорной модели в России. Вроде бы время работает на правых. Но проблема в том, что в отличие от левонационалистического электората, готового принять участие в парламентских выборах, вторые практически индифферентны к ним. Они в лучшем случае согласны принять участие в выборах президента.

Определение вектора

На сегодня в общественном сознании россиян фактически сосуществуют обе модели анализируемой нами культуры, причем численности приверженцев той и другой примерно равно. В этнологическом контексте с динамичными и относительно стабильными фазами развития подобная ситуация практически однозначно приводит к победе направления, которого придерживается новое поколение. В фазе обскурации, характерной ныне для российского этноса, колебание между двумя обозначенными полюсами весьма опасно.

В истории подобное имело место не единожды. Так, в III веке аналогичное сосуществование двух моделей (хуннского "договорного" и китайского "вручения себя") внутри не только одной страны (что имело место и до, и после этого), но и одного общества, завершилось гражданской войной и катастрофой. "Договорники"-хунны подверглись геноциду (во время истребления горбоносых хуннов "погибло много китайцев с возвышенными носами", как скупое сообщают китайские летописи), население страны с 50 миллионов сократилось до 15, а сам Китай на два века распался на множество враждующих между собой государств. Впрочем, подобный исход вовсе не обязателен для России конца XX века. Более того, в России появилась и с каждым последующим кризисом крепнет новая влиятельная сила, нацеленная на договорные отношения с властью – регионы. Исподволь начавшие набирать вес еще во времена противостояния Горбачева и Ельцина российские регионы, успешно

переварив предложенные Ельциным жирные куски суверенитета, ныне требуют новых. Теперь это сила, с которой уже не может не считаться любая власть (кроме, разве что диктаторской) и которую не может игнорировать ни одна политическая партия.

Начавшийся в последние месяцы очередной (предвыборный) раунд торга с регионами (особенно показательна в этом плане активность премьера Черномырдина – одного из наиболее реальных преемников Ельцина на посту российского лидера) – лишнее свидетельство усиления их роли во внутренней политике страны. По всей видимости, судьбу нынешних выборов (а, возможно, и будущего страны) на сей раз, действительно, будут решать регионы, кровно заинтересованные в окончательном переходе к договорной модели государственного устройства.

Г. С. Батыгин
Депутатское служение

Новоевропейская политическая утопия опирается на романтическое представление о высоком призвании парламентария, посвятившего свою жизнь осуществлению воли народа. В некоторой степени это призвание может быть уподоблено подвижничеству клирика, избавленного от мирских забот, и самодостаточности профессионала, руководствующегося исключительно критериями внутренней экспертизы. Сам образ народного избранника – необходимый компонент и народной утопии, и публицистики – являет собой эталон моральной чистоты и отрешенности от каких-либо низменных пристрастий. Вероятно, типичный для новоевропейского тоталитарно-демократического сознания (Д.Тэлмон) культ вождя с приписыванием ему сверхъестественных, нечеловеческих качеств формируется посредством аскетического очищения и идеализации личности, сумевшей преодолеть в себе низкое начало и обрести благодать, чтобы свершать таинства власти.

Политика традиционно рассматривается как сфера выхода за пределы частных интересов в область всеобщего. Ее смысл и цель заключаются в конституировании общественного интереса с помощью правила большинства, принципа пропорционального представительства, либо иной формы репрезентации предпочтений электоральных групп. Как правило, репрезентация осуществляется на основе плебисцитарного принципа – волеизъявлением максимально возможного количества граждан. Идеал парламентского права – агора, или площадь, где каждый имеет право голоса.

Кроме требований, предъявляемых к электорату, имеются требования к тем, кто уполномочен представлять его в законодательных учреждениях – депутатам. Воля народа репрезентируется особым типом социального действия. Вряд ли правомерно утверждать, что парламентарий, уполномоченный народом на представительство его интересов, руководствуется частными мотивами. Несомненно, подобная точка зрения, широко распространенная в современной западной политологии, исключительно удобна для построения рациональной модели поведения парламентария как актора,³ но постулат о частной мотивации политических решений разрушает сами концептуальные основы политического действия. По крайней мере, ясно, что каждый, кто благодаря откровению свыше, собственным усилиям, либо случайным обстоятельствам получил статус народного избранника, вынужден заняться не своим делом, а осуществлять интересы определенных групп, партий или всего народа. Эти интересы лишены "мирского", частного содержания, которое присуще интересу, например, предпринимателя, и придают действию ценностно-ориентированный характер. Иными словами, депутатское служение предполагает незаинтересованное осуществление интересов.

³ Швери Р. Теория рационального выбора: аналитический обзор // Социологический журнал. 1995. N 2. С.43-57.

Парламентарий не может уподобиться и профессионалу. Между профессиональной и парламентской деятельностью существуют не вполне отчетливые, но зато существенные различия: ни врач, ни инженер, ни научный сотрудник не делают содержанием своей работы осуществление каких бы то ни было интересов, в то время как депутат руководствуется волей и ценностями тех, кто уполномочил его делать это, и принимает их такими, каковы они есть без дополнительных обоснований.

Рольевые различия оставались бы существенными и в том случае, если бы, к примеру, существовала профессиональная подготовка по специальности "парламентарий". Однако этому занятию нельзя научить, и парламентарий рождается каждый раз заново, когда его действие репрезентирует интересы народа. Его призвание заключается как раз в том, чтобы быть выразителем не своей, а чужой воли. Техническая рациональность, отграниченная от оценки и интереса, уступает здесь место "народному выбору". Врач, исполняя свой долг, следует требованиями профессии, а не сочувствием к больному; следовательно, осуществляя предусмотренные уголовно-процессуальным кодексом действия, не берет в расчет свое личное отношение к подозреваемому; бюрократ оформляет решение, не задумываясь о его полезности. Парламентарий принимает обет всегда следовать чужим целям и руководствоваться волей тех, кто дал ему полномочия отождествлять свою волю со всеобщим интересом. Отсюда, в частности, следует, что политик обязан выражать интересы электората даже в том случае, когда его собственные интересы и представления противоречат им. Уметь делать смыслом своей жизни всеобщее - в этом и заключается аскетическое служение народного депутата, не говоря уже о том, что парламентская деятельность - тяжелый рутинный труд.

Смысл парламентской деятельности находит выражение в том, чтобы воплотить волю народа в нормах права. История цивилизации не знает такого общественного уклада, в котором не существовало бы института власти, но парламентаризм впервые дает "долю" власти каждому дееспособному члену общества. Тот тип государства, который присущ родовым и семейным структурам, еще не знает представительного права как области всеобщего интереса, отграниченного от интересов каждого из членов сообщества. Власть здесь принадлежит тому, кто персонифицирует ее в своих индивидуальных качествах: старшинстве, силе, хитроумии.

Важно отметить, что данный тип неполитического господства сохраняет свое значение в любой групповой динамике и присущ, в частности, динамике профессиональных сообществ: искусный врач обладает большим правом на господство в своей области, чем его менее подготовленный коллега; начальник обязан быть более квалифицированным, чем подчиненный, старший - умнее младшего. Иное дело - политика. Здесь господствует тот, кто сумел артикулировать в своих заявлениях, внешнем облике, манере речи, жизненной истории (скажем, в своем "Я") волю народа.

Выразить волю народа - не означает понравиться ему. Здесь возникает необъятное поле возможностей для политических шарлатанов, чье мастерство заключается в том, чтобы подчинить массу своей воле. Настоящий "избранник" тоже делает это, но не имея собственной воли и не стремясь никому понравиться. Все дело в способе легитимации (оправдания или обоснования) власти. Теократия, патримониальная власть и власть монарха легитимировались божественным миропорядком и не нуждались в одобрении со стороны народа. Плебисцитарная демократия требует, чтобы власть вручалась непосредственно "народом" и при таком положении дел политика рискует превратиться в рекламное предприятие, где "суверен" в лице миллионов избирателей должен выбрать понравившийся ему политический "товар". Хотя Жозеф де Местр совершенно недвусмысленно сформулировал идею, что порядок держится на страхе, западная политическая культура исходит из того, что властитель должен нравиться народу. Фундаментальное различие между политическим шарлатанством и призванием парламентария заключается в том, что шарлатан умеет нравиться публике, а профессионал нравится публике, не ставя перед собой подобной цели. Здесь угадывается нечто вроде аскетического требования искать Царства Божия и правды его, а остальное - приложится.

Можно спросить: при каких условиях политика, как выражение всеобщего интереса, может приобретать черты профессионализма? Умение производить эффект свидетельствует скорее об актерском профессионализме, чем о профессионализме политическом. Нам необходимо зафиксировать момент, когда парламентарий становится профессионалом. Хорошего знания ситуации, способности принимать взвешенные решения, скрупулезной постановки дела здесь явно недостаточно. Профессионализм не тождественен компетентности. Необходим определенный тип процедурной организации власти, при котором функции господства выполняются профессионалами. О подобном типе легитимации власти мечтали новоевропейские утописты, воодушевленные платоновским идеальным государством, где правят философы. Реже акцентировалась главная мысль знаменитого диалога: философия - не профессия и не должность, а умирание и отрешение от земной грязи. Они - философы - потому и вынуждены властвовать, что хорошо знают как ничтожество власти, так и неспособность "народа" выбрать настоящего властителя.

Новоевропейская рациональность создала такой тип организации, в которой политическое представительство приобретает выраженные черты профессионального служения. Во-первых, современное государство, основанное уже не на харизматическом, а на легальном типе господства, функционирует как учреждение, подчиненное целерациональным нормам. Во-вторых, это учреждение, в том числе парламентские органы, востребуют категорию профессиональных политиков - людей, которые, как пишет М.Вебер, "не хотели сами быть господами, как харизматические вожди, но поступили на службу политическим господам".

Вебер связывает тип профессиональной политической деятельности с западной цивилизацией и, действительно, только на Западе мы находим функционеров власти, выполняющих свое дело лишь в течение рабочего дня; в остальное время они вполне нормальные люди. В азиатском (возможно, евразийском) этосе парламентарий - это, скорее, тип личности, а не род занятий. Поэтому вопрос о профессионализме парламентариев не решается путем апелляции к факту получения ими денежного содержания. Они могут уподобиться чиновникам, но профессионалом политик становится лишь в том случае, когда он подчиняет свою волю не мистифицированной "воле народа" (которая обычно используется для оправдания неправовых действий власти), а этическим и техническим нормам позитивного права - долгу, которому надлежит следовать и народу, и "выразителю".

Иными словами, парламентарий обязан стать функционером и ставить своей целью подчинить "волю народа" принципам той технической рациональности (своеобразным правилам игры), которой и он посвятил свое мирское служение. Он - депутат - руководствуется уже не чувством, а техническим дискурсом и служит этому культу истово и независимо от обстоятельств. В некотором смысле депутату чуждо все человеческое. Он делает свое дело не за вознаграждение - это лишь довольствие, выделяемое за верную службу. Аскеза депутата становится тем, чем она была в средневековых монашеских орденах - исповеданием веры и призванностью, коротко говоря, должностью в прямом смысле слова.

Рациональная трактовка политических решений предполагает, что парламентарий, уполномоченный своими избирателями осуществлять определенные интересы, будет действовать как наемный функционер, не смешивающий собственные ценности и политические цели. Самая сомнительная посылка в объяснении действий парламентариев заключается в том, что они подчинены логике договора между электоратом и "представителем". В данном случае не исключено, что "представитель" сам покупает "голоса", обладатели которых не отдадут полного отчета в том, что делают.

Кризис легитимности представительной власти в России обусловлен как раз устойчивым стремлением использовать гражданское волеизъявление для сохранения власти предрержащих. Речь идет о том, кто обладает инициативой формировать политические институты. Преемственность политического устройства в советской и постсоветской России заключается в том, что "власти не только для себя организуют народное волеизъявление, но и опре-

деляют его предмет, а зачастую и результат".⁴ При этом распространяются миф о политической незрелости российского электората, который не понимает собственного блага, уверения в необходимости авторитарной формы правления по крайней мере в "переходный период", запугивания "красно-коричневой угрозой".

Как "народный выбор" преобразуется в политические решения? Политические решения разрабатываются административным аппаратом ("операторами", как назвал их Д.Уилсон), но "оглашаются" политиками-парламентариями. Политика манипулирования электоратом заключается, собственно говоря, в создании особой самореферентной (Н.Луман) коммуникативной среды, где электорату функционально приписывается (и тем самым объективируется) роль массового потребителя, выбирающего подходящий товар на рынке политических услуг. Существенное отличие заключается в том, что политический выбор предваряется пропагандистской атакой на массовую аудиторию. Народному избраннику волей-неволей приходится играть роль демагога.

Аскеза депутата сопоставима, следовательно, с самовоспитанием актера, разыгрывающего роль на политической сцене. Аскеза заключается в следовании "драматургическим" предписаниям, соответствующим роли депутата и отграничении ее от индивидуальных политических пристрастий. Так, актер, принимающий роль Ромео, вовсе не хочет убивать Тибальта, .. но вынужден делать это как принявший депутатский обет служения. Противное, т.е. самоидентификация парламентария с политическими ролями, ведет к вырождению и депутата, и института законодательной власти. Но если предположить, что вопрос об адекватности парламентского представительства и, следовательно, легитимности представительной демократии, решается посредством "image-making" и вообще в "драматургических" терминах, то "депутатское служение" нельзя трактовать иначе, чем разновидность фарса.

Отсюда следует, что "депутатство" и, если брать шире, парламент не может быть активной стороной, субъектом политического процесса. "Аскеза" депутата, если этот термин вообще уместен в данном случае, заключается в том, чтобы не воздействовать на народ, который - теоретически - остается сувереном. В принципе "аскеза" равнозначна подвигу и самоотречению, поскольку депутат в любой момент должен быть готовым к уходу с политической сцены. Несомненно, "любой политик мечтает прийти к власти путем всенародного признания, но не родился еще политик, желающий потерять эту власть даже по итогам демократических выборов".⁵

Критерий измены депутата своему долгу очевиден - как только у него появляется сомнение в том, что законная процедура выборов не соответствует "подлинным интересам народа", он превращается в актера, пророка, шута, шпехштаймейстера. Все эти роли выражают одно - претензию на то, чтобы стать вождем. Вождь не знает и не хочет знать занудных законодательных регламентов, в лучшем случае он использует их в качестве средства тактической борьбы, стремясь к неконтролируемой власти. Так выстраивается галерея больших и маленьких вождей, прикрытых депутатскими статусами и использующих конституционные нормы только до тех пор, пока они соответствуют частным и групповым интересам. Общая черта вождей, отличающая их от "парламентариев", состоит в том, что вожди не видят себе альтернативы и смотрят на власть как на собственность и личное качество. Если происходит что-либо неожиданное, они разочаровываются в народе.

Что значит "выражать интересы электората"? Идеальная электоральная система как необходимый функциональный элемент представительной демократии предполагает, что в выборах принимают участие все граждане, каждый из которых обладает "голосом" одного и того же веса. Предполагается далее, что партии, движения и иные достаточно многочисленные объединения граждан имеют возможность выдвинуть своего депутата в законодательное собрание. Таким образом, парламентское учреждение репрезентирует социально-

⁴ Веденеев Ю.А., Лысенко В.И. Политика и федеральные выборы // Государство и право. 1995. N 2. С.82.

⁵ Веденеев Ю.А., Лысенко В.И. Цит. соч. С.85.

политическую структуру общества. Если же регламент не обеспечивает нормального волеизъявления (например, абсентеизм), приходится принуждать электорат к формированию представительных органов. В Пакистане применяют уголовное наказание, в других странах налагаются штрафы, но кризис легитимности политических институтов в современном мире связан прежде всего с отказом значительной части населения принимать участие в выборах.

Первый и, возможно, самый главный вопрос, который определяет представительную демократию, – это стратификация электората. Обычно репрезентируются партийно-политическая и географическая структуры социального общества, но нельзя исключить половозрастной, национальной и профессиональной стратификации, которая осуществляется чаще всего посредством квот. Достаточно сложная система стратификации использовалась в советской избирательной системе (отбор кандидатов "сверху" в соответствии с квотами – вопрос иной). Естественно, что современная представительная демократия принуждает игнорировать реальную сложность политических предпочтений электората во имя эффективной бюрократии.

Многие группы избирателей не получают представительства в политических ассамблеях вообще. Обычно в качестве основного критерия репрезентации выступают географические регионы, однако фактически речь идет о представительстве территориально-административных единиц. Во всяком случае, они не тождественны региональным сообществам, представляющим собой скорее социально-культурные "солидарности", чем население районов, областей и республик.

Постулат о правомочности демократического избрания основывается на правиле большинства и предположении о возможности арифметической аргументации относительно народного представительства. Иными словами, предполагается, что "голос" эквивалентен индивидуальному политическому предпочтению и, следовательно, делегированию своего рационально понятого интереса представителю. Трудности возникают уже в процедуре отбора депутата из некоторого количества кандидатур: схема "да/нет" автоматически исключает из соревнования альтернативные версии, тогда как, например, ранжирование с переходом голосов от одного кандидата к другому дает шансы группам меньшинств на представительство в структуре власти.⁶ Какая из процедур обеспечивает законное представительство – неясно.

Другая причина кризиса легитимности представительной демократии связана с мотивацией выбора. Когда идея народно-правового государства только входила в европейский политический лексикон, невозможно было предположить, что делегирование индивидуального интереса и выбор своего доверенного лица в законодательном органе станут неотличимы от увлечения публики комедиантом, "раскрученным" массовой информацией. Сам смысл политического выбора растворился, исчез в соревновании за народные голоса. Более того, технология массовой пропаганды, применяемая партиями, движениями и институтами власти, фактически уравнивает эффективность политического выбора с эффективностью рекламного воздействия. Таким образом, народное представительство превращается в рационально организованное предприятие, основанное на принципах демократической калькуляции и деловой эффективности. Легитимация народного представительства сводится в последнем случае к эффективности электорального шоу. Парламентария, рационально реализующего волю электората, стал вытеснять герой экрана, главное требование к которому заключается в умении добраться до широкой публики и заполнить ее сны.

Вероятно, во всем мире институты парламентской политической власти претерпевают существенные изменения, превращаясь, по существу, в "факты" массовой коммуникации. Доверие к политическим учреждениям – симптом незаметно свершившейся революции. Проблема доверия парламентским институтам

⁶ Детальный обзор избирательных систем содержится в статье Дж.Циммермана: Zimmerman J. Alternative Voting Systems for Representative Democracy // Political Science and Politics. December. 1994. P.674-677.

остро стоит в большинстве демократических государств. В США, начиная с середины 30-х годов вплоть до начала 60-х массовые опросы фиксировали существенную поддержку федеральных политических институтов со стороны электората. Воодушевление перед властью, энтузиазм национального единения, бытовавшие во времена Эйзенхауэра и Маккарти, выразились в символе американской нации как сильнейшего в мире гаранта порядка и стабильности. Аналогичное единение народа и сильной имперской власти было свойственно в те же времена Советскому Союзу.

В последующие годы, вероятно, стала изменяться смыслообразующая основа народного представительства. В середине 60-х годов произошел надлом в политическом сознании. С того времени, как был убит президент США Дж.Кеннеди, доверие ко всем институтам власти, общественным организациям и корпорациям начало падать.⁷ Причины этого надлома, вероятно, не связаны непосредственно с тяжелыми эпизодами в политической истории США (война во Вьетнаме, Уотергейт, etc.), поскольку и в других странах были все основания констатировать кризис легитимности политических институтов. Кроме того, падение общественного доверия к политическим институтам началось задолго до Вьетнама и Уотергейта и затронуло не только политическую власть, но сами основания социального порядка.

Примечательно, что потеря доверия к политическому представительству обычно сопровождается ростом социальных затрат и политикой "заботы о народе". Крепкая власть, не сомневающаяся в своей незыблемости и безупречности, вызывает высокое доверие - именно по этой причине легитимность народного представительства может считаться в данном случае безусловной. Первый симптом утраты доверия - признание общественных проблем как имеющих значение для государственных интересов.

Например, до середины 60-х годов Вашингтон не считал себя ответственным за проблемы преступности, потребления наркотиков, состояние среды и не занимался даже гражданскими правами.⁸ Президенты Л.Джонсон и Р.Никсон, вероятно, впервые в истории США стали связывать свои политические программы с проблемами образования, медицинского обслуживания, расовым вопросом, преступностью.

Здесь важны не столько темы парламентских дебатов, сколько вектор политической деятельности. Он ориентировал парламентариев на прямой контакт с массами. Следующий вполне закономерный шаг заключался в том, что национальное правительство вменило себе в обязанность заботу о морали и нравах, воспитании подрастающих поколений, здоровье, предпринимательской деятельности. Объектом правительственной заботы стали не только индивидуальные граждане, но и производственные, торгово-финансовые, научные и культурные организации.

Ш.Айзенштадт заметил, что во второй половине XX века стали происходить локальные революции, затрагивающие какую-либо одну "ось" общественной жизни. Экономическая революция вполне может не сопровождаться сменой политических институтов, культурная революция и смена элиты не связана непосредственно с формой государственного устройства.

Не исключено, что в 1960-е годы в развитых странах произошла тихая политическая революция, выразившаяся в гибели политики как особой самодостаточной сферы самоконституирования общества. Политика превратилась в разновидность предпринимательства и, в некоторой степени в частное дело тех, кто ей занимается. Депутат, сделавший смыслом своей деятельности служение народу, подобен рыцарю печального образа.

⁷ Wilson J. Reinventing Public Administration // Political Science and Politics. December. 1994. P.668.

⁸ Wilson J. Op.cit. P.669.

В. Г. Иваницкий
Культурология и мифология депутатства
в базовых моделях и архетипах

"Счастливым баловень...
Привычный гость на пире
Неосязаемых властей."
Баратынский

" Рассматривая народ как существо духовного порядка,
мы можем назвать язык, на котором он говорит, его
душой, и тогда история этого языка будет значительнее,
чем даже история политических применений этого
народа, с которыми, однако же, история его языка
тесно связана."

(Из речи Кюхельбекера в парижском клубе "Атеней")

1

Этимология слова "депутат" кажется прозрачной. Далеко не так просто обстоит дело с семасиологией и типологией. Впрочем, и этимология прозрачна далеко не всем и не всегда. Приходилось слышать такие толкования: депутат – от "диспут" (дискуссия, обсуждение); депутаты, следовательно – те, кто говорит, обсуждает, спорит, а то и кричит, поднимая голос, о бедах и нуждах народных, – по пословице: "коли всем миром вздохнут, и до царя слухи дойдут" (1). Не тут-то было. Откроем авторитетнейший этимологический словарь русского языка М. Фасмера. (2). Он сообщает, что впервые данное слово зафиксировано на Руси в 1618 г.; в русский язык проникло "... согласно Смирнову, через нем. *Deputat* – из лат. *deputatus*". Латинское *deputatus* буквально означает "посланный", "посланник" (но, например, не посол или вестник), а *deputatio*, депутация – группа лиц, выделенная и посланная с поручением или просьбой. Неожиданно выясняется, что в русском лингво-ментальном пространстве ему соответствует специфически окрашенное "ходоки". И скорее всего – "просители", причем в высокой степени благонамеренные и верноподданные. Модель тут следующая: массы выделяют из себя представляющую их часть, дабы она следовала к власти, – чаще всего своей, но иногда и враждебной, в случае встречи народа с завоевателем.

Легко понять, что депутатство, членство в депутации или выполнение роли депутата не за страх, а за совесть – занятие весьма амбивалентное в смысле личного риска, шансов уцелеть: то есть, попросту, и очень почетное, и очень опасное. Посланники могли попасть в ситуацию опалы, даже заложничества. Случалось, их имена заносили потом в проскрипционные списки. Участие в депутации правитель мог счесть государственной изменой, неповиновением, бунтом. Косвенно эта типовая ментальная калька подтверждается событиями нашей недавней (октябрь 1993 г.) и дореволюционной ("Кровавое воскресенье") истории. Следует особо подчеркнуть, что питерский "крестный ход" с иконами и хоругвями в январе 1905 года, возглавляемый Гапоном, – классическая депутация в словарном, доставшемся нам от латыни, гимназическом смысле.

Как бы ни было сильно тогдашнее или нынешнее убеждение, что "глас народа – глас Божий", никому не пришло бы в голову назвать этих представителей народа "народными представителями" со всеми их юридическими и властными атрибутами, а саму депутацию – объявить выборным органом власти, имеющим законные полномочия. Столь же маловероятно было бы в этом ракурсе присвоение звания именно депутата представителю специально образованного совещательного или законодательного органа, обладающего реальной властью.

И однако... Слова имеют свою судьбу.

Но продолжим чтение словаря. Казалось бы, путь из латыни через немецкий прослежен... "Но немецкое слово (*Deputat*), - замечает честный дошный немец Макс Фасмер, - известно мне только в значении "доля; то, что выделено. Возм., русск. новообразование от более сл. слова, аналогично делегат: делегация" (2, С.499). "Эта "доля, то, что выделено" останавливает на себе внимание. Не ближе ли типологически такая модель "дележа" и "делегирования" власти (соответственно неким коллективным собранием, органом и от авторитарной высшей власти - этому органу) традиционному российскому пониманию институционального устройства отечественной властной пирамиды? Так князь-отец наделял своих детей-княжат уделами, а когда он умирал, они - часто в обход его завещательной воли - сообща делили на "съездах" отчину.⁹ Мы еще вернемся к данному вопросу.

Некоторая незаконнорожденность разбираемого нами термина рельефно выступает на фоне возможного образца словообразования: "делегат" (в корне латинское понятие, смежное не требующему комментария слову легитимность) звучит сильнее. Его полномочия неотторгаемы и источник их в праве. Делегат наделен ими снизу или сверху, в то время как депутат есть фигура только лишь облеченная доверием, - к тому же, чисто случайно и временно. Насколько серьезны полномочия депутата - решается в каждой конкретной ситуации; это зависит от того, снизу или сверху он получает их; но решающее соображение заключается в том, что это вообще следует решать, проверять и взвешивать. Напомним: речь идет пока о понятии, соответствующем семантическому словарному гнезду.

Займемся прояснением элементарной модели депутатства, представительства в нашем нынешнем понимании термина.¹⁰ Депутаты суть облеченные доверием выборные, обладающие коллективными правами свыше рядового члена общества, представляющие по принципу "часть - целое" некие силы, интересы, области, сферы. Это наиболее общая элементарная формула. Источник ее, как это часто бывает, лежит в наиболее архаичном пласте коллективного бессознательного. Такому пласту соответствует в России языческая ритуальная сфера. Предстояние - очень важный, можно даже сказать, ключевой ментальный конструкт для разбираемого нами вопроса. Сосредоточение в одной единице многих, мыслящихся стоящими за ней: представительство.¹¹ Но не менее важно и представлять (перед властью, Небом). Предстояние перед Богом, господином... (До сих пор сакральные моменты социальных ритуалов требуют стоячей позы - так велика сила слова. Верховные чины Церкви именуются официально "предстоятелями", а старшие по чину - "настоятелями". (Старшинство требует пред-стояния: отсюда метафорический оборот речи, имеющих в виду одновременно и заступничество, и отстаивание прав: "постоять за...") В этой позиции находился в древности, без сомнения, отец семейства, глава рода (а по его смерти - старший сын), исполняющий в те времена роль первожреца.

Интересно, что пока во всем сказанном о представительстве нет ни слова о Слове и это не случайно. В архаичной модели представительства

⁹ Русское "отчина" - исконно принадлежащая, доставшаяся от предков земля, собственность, власть, играло ключевую роль в российском правосознании. Отходительство власти и собственности, по мнению ряда авторов, легло в основание так называемого вотчинного уклада русского государства и определило характер власти. Серьезным очерком российской истории с этой позиции является (3).

¹⁰ К сожалению, невозможно по недостатку места проследить всю юридическую историю употребления слова "депутат". По всей вероятности, применительно к "Думе" оно является новацией. П.Столыпин, привыкший к номинативным формулировкам, обращался к думцам исключительно и только: "Господа члены Государственной Думы" (4).

¹¹ Стоящие за представляющей их фигурой именовались "захребетниками" (получающими за родственника нечто на обширном пире); отсюда появившийся позже иронически-пренебрежительный оттенок данного, сперва вполне нейтрального, народно-правового термина.

фактически нет речи. К примеру, средневековый брак по поручению, не требовавший присутствия жениха на церемонии (его роль играл посланный), не предъявлял, да и не мог предъявлять никаких требований к речевым, тем более, интеллектуальным способностям посланного. Ни говорить, ни талантливо говорить не требовалось. Не ожидали от него ни участия в поэтических турнирах, теологических или юридических диспутах, ни законотворческих инициатив, ни – как ни странно – всесторонней осведомленности о делах посланного. Молчаливого предъявления знака (перстня или грамоты), молчаливого наклона головы, начертания креста на хартии или ничего не выражающего замороженного "да" было совершенно достаточно. Молча он предстал, предъявляя себя, молча его принимали, отдавая поклон. Присутствие само говорило за себя: оно и было единственной ценностью.

Подобным образом выглядели первые "сессии" первых "совещательно-законодательных" (опять-таки в кавычках!) органов. Ритуально неподвижный повелитель, ритуальная трапеза (пир), высокопоставленные истуканы – министры... Решение, известное заранее, требует лишь символического освящения, особой процедуры, которая закрепит за ним статус Воли Неба или Народа.

Вот так и функционировали подобные "коллегии", и к этому зачастую вся их деятельность и сводилась. Читателю трудно поверить, что никакой иронии и, Боже упаси, осуждения, наше описание не содержит? Советскому человеку сложно отделаться от напрашивающихся ассоциаций, еще недавних воспоминаний; мы же описываем системную ситуацию, – и нить от ЦК КПСС тянется к сенаторам Государственного Совета, Вселенским Соборам, заседаниям Боярской Думы¹² с их иератической статуарностью.

Статуарная, молчаливая неподвижность, собственно, принадлежит уже сфере сакральных изображений присутствующего Тотема – божества или прапредка – то есть идолу. Материальное изображение представляет Тотем в видимой форме. Изображению, идолу, внешне копирующему (по мере возможности) формы божества или прапредка, "делегироваться" его силы, полномочия, присутствие и власть. Следовательно, перводепутата "перводепутата" в наиболее древнем пласте коллективного бессознательного, всего вероятнее, является идол, а перводепутата их собрания – "сходка" изображений божеств: в более узком смысле – лары и пенаты рода, дома; в более широком, нарицательном – пантеон. Или, если угодно – Олимп, храм, иконостас

Фигура, облеченная доверием – не только форма метафорического словоупотребления, но и буквальное раскрытие архетипической ментальной модели. Она указывает на вполне внешний по отношению к самому персонажу характер того доверия, которым он облечен. "Облечься" – значит одеться. А на уровне древних культовых церемоний – попросту "влезть в шкуру"...¹³ Форма и одеяние идола античности (скульптуры богов одевались и раскрашивались), также целиком и полностью внешние по отношению к материалу, из которого он состоит, к его внутренней сущности. Роль депутата – целиком внешняя роль для того внутреннего человека, каким он является в повседневной жизни. Так в фигуре депутата выявляется двойственность; структура же самого депутатства как занятия может обнаружить свою поверхностность. Его юридическое лицо (хорошо, если только юридическое) – маска с заданным, но непроницаемым выражением.

Однако, где Тотем – там и "табу". Фигура депутата окружена почти культовым почетом. Не потому ли депутаты неподсудны – в отличие от рядовых граждан, интересы которых они имеют честь представлять, российские депутаты, согласно законодательству РФ, защищены депутатской неприкосно-

¹² Этимология слова "дума" дает в славянских языках многозначительные смысловые "обертоны": "... думам (болг.) – "говорю", думати (сербо-хорв.) – "мечтать". По-украински дума – "народная песнь", по-польски – "гордость". Общее семантическое гнездо включает и такое значение, как "надутость". (2, С.552,573).

¹³ Роль шкуры, маски животного, влезания адепта в шкуру животного, как элемента мистерий, означающего перерождение, подробно освещена в литературе. (5)

венностью.¹⁴ Отсюда "харизматическое мироощущение" у некоторых депутатов. Не столько присяжными (аскетически сбросившими все личное) видят себя они, сколько полубогами, не подсудными людскому суду. Как далеко от "размышлений у парадного подъезда", какими мы начинали наш очерк. Ниже у нас еще будет возможность решить, насколько обоснованны подобные претензии на харизму и какого именно типа харизма "светит" депутатам РФ.

2

Древние историки сообщают, что народные собрания сперва происходили на ступенях храмов, склонах святых гор, вблизи культовых камней, капищ и священных рощ.¹⁵ Верили, что боги (духи, предки) участвуют в жреческих церемониях, народных сходках, царских советах. Этим же можно объяснить наличие во "всех присутственных местах" портретов верховных правителей.¹⁶ В символической картине мира периодически созываемые народные собрания, сопровождающиеся выяснением воли богов, позволяют считать себя гарантией правильного возобновления, поддержания всеобъемлющего Порядка. Вопрошания оракулов, гадания, а позднее голосования¹⁷ были инструментами и способами контактирования с непостижимым ... и (столь же часто) имитации такового. Однако традиция, видящая в поведении масс волю Божью, оказалась весьма живучей.

В 1705-1706 гг. в Астрахани вспыхнул казачий бунт "за брадобритие, немецкое платье, курение табаку и старую истинную веру"; вслед за Астраханью поднялся Терек. Однако донское казачество тех лозунгов не приняло или не захотело понять и восстания не поддержало. Получив известие об этом, Петр I пишет: "Письма ваши принял, из которых выразумел, что Всемилостивейший Господь не вконец гнев свой пролити, и оным уже чрез 25 лет губительным псам волю и в невинных кровях утеху подати изволил, и чудесным образом огонь огнем затушити изволил, дабы могли мы видеть, что вся не в человеческой, но в Его суть воле" (8). Трудно решить, чего тут больше: абсолютного неверия власти в добрую волю подданных или невозможности допустить мысль, что у них могут быть свои интересы.

Специальные божества Порядка (правдивого договора и кары за его нарушение) регулировали эту сторону жизни индоевропейцев. Чтобы не огра-

¹⁴ Фактически они образуют корпорацию, аналогичную в этом смысле адвокатской, врачебной, дореволюционным офицерской и церковной: по закону, прежде чем отдать своего сочлена мирскому суду, коллеги должны были на внутреннем "суде чести" убедиться в его виновности. Или (дабы не "выносить сора из избы") прикрыть дело. Во всех четырех случаях перед нами реликты жреческих прав: ведь старшие воины посвящены богу войны, юристы - служители богини Фемиды, медики присягали Эскулапу. Все четыре корпорации имеют особую форму одежды (вспомним парики судей и адвокатов в Великобритании, где и парламентские заседания в высшей палате не обходятся без реквизита). Таким образом, для них до сих пор верно "правило шкуры". Интерес к архаическим элементам в культуре (см. работы О.Фрейденберг, И.Франк-Каменецкого, В.Иванова, В.Топорова, Ю.Лотмана и др.) характерен для современной науки. "Сохранившиеся в современной культуре элементы архаики трактуются теперь как органические формы, обеспечивающие целостность человеческой культуры как таковой" (6)

¹⁵ Любопытно, что в противовес "вечевому" устройению, которое подчеркивают иные авторы, в русском фольклоре нет аналогов "ныхасу" или "тингу" (местам сбора, обсуждения новостей и восседания старейшин в центре селения), - разительное противоречие эпосу и легендам кавказских индоевропейцев или кельтов.

¹⁶ Замечательно сходство с иконой, которую вообще следует считать скорее медиатором (посредником) между человеком и Небом. Идеальное изображение - образец. Известно, что аутопрезентация политика несколько "иконообразна" (7) В этом контексте отзыв депутата, очевидно, равносильна "сечению иконы" или божка, что нередко случалось в России.

¹⁷ Начальный архетип голосования - негативен: "выборы наоборот". Народ изъявлял свою волю сперва лишь в остракизме. Тому имеются важные причины, однако собственно об архетипе выборов здесь мы много говорить не будем.

ничиваться привычным для подобной темы набором – Древней Грецией и Римом – и исключить произвольность толкований вследствие чрезвычайной запутанности вопроса о древнеславянском пантеоне, обратимся к Древней Индии. Ригведа содержит гимны богам Митре и Варуне. Эта пара божеств "... воплощает магико-юридическую функцию; Митра отличается от Варуны связью с социальными признаками, с идеей договора между богом и людьми, что подтверждается как анализом древнейших текстов, так и употреблении имени Митры в клятвах при договорах начиная с середины II тысячелетия до н.э; ср. также согдийские договоры или русские договоры со ссылкой на "мир". Социальная функция Митры получила яркое отражение в славянской общине – "мире". В "мире" идея божества как одной из договаривающихся сторон трансформировалась в идею чего-то, что утверждено им в силу договора". (9, С.309, 311.) Оба бога имеют солярную природу (Варуна в меньшей степени), часто воспринимаются как две ипостаси одного божества и ассоциируются с космическим законом. Варуна в отличие от Митры может иметь карательную функцию: наказание грешников, нарушителей закона, социального договора. Варуна – Митра характеризуются, в частности, следующими парными противопоставлениями: неблагой – благой; далекий – близкий; магия – юрисдикция; личность – коллектив; недруг – друг. Причем первое порождает второе. (В ряде мифов Митра-огонь рождается из вод Варуны-океана).

В общем виде мы рискнули бы определить их как гарантов и блюстителей правильной медиации (понимая термин "медиация" максимально широко). Есть все основания полагать, что, картинно выражаясь, на Митре-Варуне как на фундаменте стоят юрисдикция, правосознание, парламентаризм: древняя, – и в немалой мере современная, – демократия. Тут следует искать первичные модели и сакральную основу социальных ритуалов, парламентских процедур и общественных представительских институтов.

"Решать всем миром" – русская "вечевая" формула, как оказывается, весьма далека от анархии. Русское "мир" происходит от "Митра". Вот ряд аспектов "митраистской идеологии" – цитаты из работы В.Топорова. Митра собирает людей; Митра ("мир") несудим; Митра является властью; он – посланник и посредник (10, С.43–60).

Частный случай медиации – брак. Общее правило срабатывает и здесь, что весьма важно для дальнейшего нашего разговора. Нам следует учесть тесную связь комплекса Митра – Варуна с браком: "...Мир", подобно Митре, выступает как гарант и свидетель брачного союза. В русской номенклатуре свадебных чинов известно обозначение "дружки" – мировой .." (10, С.46). Можно вспомнить в этом контексте название должности – "мировой посредник", чья функция – примирять, сводить стороны, – а также "мировой судья"... Но сейчас речь не о том.

Ниже приводятся выдержки из гимнов Ригvedы, обращенных к Митре и Варуне, дающие внимательно наблюдателю ключ ко многим социальным и парламентским механизмам или, по крайней мере, их прототипам, – не исключая восхваления-рекламы, борьбы за влияние и "рейтинг", закулисных интриг, лоббирования, сыска... " Вы укрепили землю и небо своим величием, о Митра и Варуна, два царя... Принимая почитания, с сознанием непреклонной воли сидите вы двое, о Митра и Варуна, на троне среди молитвенных возлияний... Вы поместили соглядатаев в растения и поселения, вы, охраняющие, не мигая, разошедшихся врозь... Я готовлю новые песнопения, чтобы восхвалять вас... Да умножит своих сторонников тот, кто хочет приносить жертвы!.. Если мы обманем, как игроки в игре, знаем ли мы это на самом деле или нет, – все это отпусти, о бог... да станем мы мильми тебе, о Варуна!.. И вот я говорю с самим собой: "Когда же я стану близким Варуне?" (9, С.156). Примеры можно множить.

... Чего с лихвой достаточно, чтобы дать представление об одной важной типологической особенности любого медиатора: он необходим, но склонен к манипуляциям (не всегда невинным), может выступать в общей

картине мира в позиции трикстера.¹⁸ Он амбивалентен в высокой степени: способен волшебным образом помирить, но и посорить – и во всем не забывает преследовать личный интерес. В парламентских структурах государственного организма, каковые сами являются ничем иным, как медиатором между низами и верхами (или народом и верховным правителем), целиком медиаторная фигура депутата, занимая как ментальная модель ряд ниш в массовом сознании (от белого мага до колдуна, напускающего порчу; от "свахи" до "разлучницы"), являет собой нечто среднее между Котом-В-сапогах и Лисой.

3

"В самом начале наших учреждений мы наталкиваемся на огромную разницу с Западом. Там каждая область была плотно замкнутым целым, связанным особыми правами. Наша история не выработала никаких прочных местных связей, никакой местной организации. Немедленно по присоединении к Москве присоединенные области распадались на атомы, из которых правительство могло лепить какие угодно тела". (11) Несмотря на некоторое преувеличение (для того, чтобы Псков и Новгород "распались на атомы" понадобилось более века старательного ущемления и уничтожения), яркое описание такого порядка в почти незыблемом виде можно считать верным по крайней мере до времен Екатерины II, когда идея общества, как ее понимают на Западе, предполагающая признание государством права социальных групп на юридический статус и узаконенную сферу свободной деятельности, получила осуществление, – пусть формальное и недостаточное.

Хотя российской системе государственного устройства, управления и представительства за века удавалось совершать немало кульбитов и чуть ли не завязываться узлом, попытаемся, – поневоле кратко и неполно, – выделить "сухой остаток", руководствуясь прежним методом – при ретроспективном погружении в ментальные пласты останавливаться на наиболее общей архетипической модели.

Власть двухкамерна: наверху – князь с дружиной (император и его госаппарат); ниже – волости, "уделы" и их жители: одним словом, – "земли" (в советском варианте – регионы и "республики"). "То, что в современном русском языке выражается словом "общество", в словаре Московской Руси обозначалось словом "земля"...". (3, С.99).

Двухкамерность центральных законодательных и управляющих учреждений Европы (России в том числе) обнажает, как представляется, сложный комплекс политических, структурных и культовых мотиваций. Во-первых, вспомним, что "царей-богов", ответственных за магико-юридическую сферу именно два – Варуна и Митра. Во-вторых, налицо две диаметрально противоположных модели представительной (вариант: коллегиальной) власти. По первой верховный правитель сам делится ею сверху с избранным им узким кругом подданных; по второй – массы снизу делегируют полномочных представителей наверх для защиты своих неотъемлемых прав. Взаимная чужеродность описанных типов делегирования власти очевидна. Единства они не образуют. Без специальных усилий привести эти две автономные системы власти к "общему знаменателю" невозможно из-за их неконгруэнтности. Между ними, по выражению В. Подороги, пролегает складка.

В-третьих, для России мы можем проследить универсальную триаду подобий тождественно функционирующих моделей и механизмов:

1. Центр – периферия (столица-волости)

¹⁸ Трикстер – злой шутник, манипулятор, лжец, хитрец-демагог, играющий словом. Само слово выступает тут как медиатор. Эту роль в европейских сказках чаще всего играет лис (Лиса). Ср. терминологию В.Парето – политолога, разработавшего "теорию элит". Он пишет о старой элите – "львах" и новой элите – "лисах".

2. Князь+дружина - "вервь"¹⁹

3. Глава рода - семья (муж - жена с детьми)

В подобной структуре культурологически-нейтральной зоной может стать либо медиатор (трикстер), либо единый для всех абсолютный Закон. Общество должно либо терпеть медиатора как необходимое зло (что не в традициях православия и российской ментальности), либо между властью и обществом необходимо сформировать зону всеми соблюдаемого Договора (а это слабо вписывается в вотчинное мышление самой власти). Абсолютизму не с кем заключать какие-либо договоры, и тут - причина того, что называют слабостью или отсутствием гражданского общества в нашей стране. В бинарной оппозиции "мужское-женское" в России также долго не находилось никакой средней зоны: она была жестко табуирована.

А что же народная "вольность"? Глухих упоминаний о старейшинах, лучших, "нарочитых" людях, "высших по родовому старшинству (!) (происхождению), по власти в своем обществе и, наконец, по экономической состоятельности" (14) мало для того, чтобы абсолютизировать древнюю "демократию" Новгорода, где на вече собирались лишь "золотые пояса". Мы имеем дело скорее со "смешанной формой государственности", в которой участвуют два элемента: монархический - в лице князя или самодержца и народный - в лице веча. "Наша" древность, - читаем в Русских юридических древностях" Сергеевича, - не знает единого государства Российского; она имеет дело со множеством единовременно существующих государств. (12, С.58). Аналогичная картина и в мерном стекле большого котла: представительном органе, пытающемся совместить несовместимое: принцип национально-территориальной, "удельной" автономии земель с принципом центральной власти. Перед властью фактически "... остаются две возможности: восстановление единства и целостности владения путем борьбы и уничтожения сородичей или распад, дробление на ряд отдельных волостей-княжений". (12, С.33)²⁰ Отсюда недалеко до "инверсионных циклов" российской истории по А.Ахиезеру, у которого весьма последовательно "в оппозиции авторитаризму дана не демократия, а локализм." (15)

Территориальное, "земельное" и земское мышление весьма показательно. Вотчинная властная ментальность опирается на типологическую модель доминирования и владения, вытекающую из ключевого представления аграрно-магической реальности: базовую метафору плодородия - священный брак. При этом мужскому доминирующему элементу поставлен в соответствие властитель, женскому пассивному - земля, территория (с насельниками). "О Русь, жена моя !" восклицает у А.Блока князь Дмитрий Донской. "На седьмом въдъ Тройни врьже Всеславъ жребій о дъвицу себъ любу", - сообщает "Слово о Полку Игореве", - что значит: князь выбирает себе удел на княжение.²¹ Собрание представителей народа ("мира") у верховного правителя

¹⁹ Под вервью обычно понимают единицу земского самоуправления, подобно сельской общине. В свое время В.Сергеевич создал оригинальную концепцию взаимодействия князя с вервью, по которой "...народ сознает свою неспособность устроиться без князя и вместе с тем понимает необходимость дать ему высокое положение в своей среде, без чего не было бы возможно достижение целей призвания" (цит. по (12, С.181) Князь и вервь существовали как бы на договорных началах; по Сергеевичу, основой такого "симбиоза" был так наз. "ряд" (договор).

²⁰ В зародыше российского бунта также может присутствовать "делегатство". В описанном астраханском бунте заводчиками в числе прочих были: ярославец Я.Носов, симбирянин О.Твердышев, москвичи А.Анцыферов, Степан прозвищем "москвитин", нижегородцы Докукин, Скурихин, павловцы И. и В.Басиловы, угличане Ф.Калистратов, М.Назаров, астраханцы Артемьев, Ермолаев, Ганчиков, Яковлев, Севрин и др. (8).

²¹ См. также сатирическую раешную песню, где обыгрывается присоединение Сибири к Московскому государству: "Когда Москва женилась, Казань понела (то же, что "поять" - в значении "познать", "поймать", "взять замуж" - В.И.), Понизовные города в приданое взела: Иркутска, Якутска, Енисейский городок, А и Новгород был тысяцкой, А Уфа-та б.--, сваха была ...".

трактуются как пир, а обряд венчания царя на царство видится как свадьба. (И обратное: свадебный обряд именуется "венчанием").

Поскольку место "мужа" - царя-жреца в магическом браке с землей, олицетворявшей женское начало - принадлежит Президенту РФ, в мифологической картине мира (ее наличие в массовом сознании вне сомнений) депутатам достается роль гостей на пиру, на свадьбе власти и страны, - в лучшем случае свидетелей (шаферов- "дружек"), в худшем - "объедал-опивал", которых не очень-то и звали, но терпят, держат "для блезиру". Чем сильнее будет нарастать тенденция к театрализации российской парламентской жизни, тем в большей степени будут склонны актуализироваться выше описанные архетипы.

И еще. Как известно, в православном мире веры к Богу обращаются не напрямую, а через посредников: заступников и заступниц, - святых, угодников. Не мы, но они за нас молят Господа о даровании спасения и благ. Следовательно, роль промежуточного звена между народом и высшей властью можно считать институционально укорененной. Такая роль будет представительно необходимой, но реальной властью, по всей видимости, пахнуть не будет. Роль заступника, ходатая по чужим (а глядишь, и по своим) делам - типовая модель лоббирования? - вот к чему склоняется современное и будущее депутатство. Решение дилеммы "Депутат: власть или должность?" похоже, практически предопределено.

Что касается единства депутатского корпуса, то его ждать, всего вероятнее, не следует. Депутаты-профессионалы из Центра, баллотирующиеся от партий в провинциальных округах составят любопытный контраст слою местно-выдвинутых "лучших людей": хорошо известных в своих регионах предпринимателей, глав администраций, банкиров. Слова тут могут быть одинаковыми, но мелодии определенно разные: хора не получится. Первые будут походить на кочующих по уделам князей Др. Руси - "перелетных птиц государственности" - зовомых на власть то одним, то други городом; вторые - на посадников из числа "золотых поясов". И уже совсем очевидно, что при нарастании авторитаризма высших властей парламентское действие, увы, способно превратиться в "маленький кукольный театр демократии". Но не будем повторять расхожих истин.

Литература

1. Пословицы и поговорки русского народа. Из собр. В.Даля. М.1987, С.12.
2. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в 4 тт. Изд. 2-е, М. 1986, Т. 1.
3. Пайпс Р. Россия при старом режиме. (1974), М., 1993.
4. Столыпин П. Вам нужна великая Россия. М., 1991.
5. Пропп В. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.
6. Еремина В. Ритуал и фольклор. Л., 1991, С. 14.
7. Иваницкий В., Мещеряков А. Язык и власть// Дружба народов. 1992. №3.
8. Соловьев С. История России с древнейших времен. Т.15
9. Ригведа. Избранные гимны. М., 1972. Комментарий Т.Елизаренковой.
10. Славянский и балканский фольклор. М., 1989.
11. Милюков П. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1909, ч.1, С. 197.
- 12.Пресняков А. Княжое право Древней Руси. М. 1993, С.181.
- 13.Иваницкий В. Русская женщина и эпоха "Домостроя"// ОНС. 1995. №3.
14. Владимирский-Буданов М. Обзор истории русского права, 3-е изд. Киев; СПб., 1900. С.29.
15. Общественные науки и современность. 1992. №6. С. 75.
16. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. 2-е изд. М. 1977. С. 221-222.

**ЭТОС УСПЕХА:
РОССИЙСКОЕ ДЕПУТАТСТВО И РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРА**

**А.Ю. Согомонов
Аматерство в политике: российское депутатство
как способ репрезентации общества и власти**

"Аматерство в своей первичной сущности означает, что некий индивид способен жить во имя политики, а не за счет политики".

Макс Вебер

"Парламенты успешно функционируют до поры до времени, пока их составы преимущественно отражают имущественные и культурные классы, то есть покуда они состоят из политических "аматеров".

Макс Вебер

Аматерство в политике

Замысловатый заголовок данного эссе вынуждает нас начать с предварительных категориальных разъяснений. Аматерство – любительство, непрофессионализм – характеризует субъекты политического процесса (индивидуальные, коллективные), политические институты, как, впрочем, и специфические политические практики, а нередко – и весь политический процесс.

Термин "аматерство" чаще всего употребляется в нейтральном смысле. Социологически корректное значение термина – предельно просто. Им традиционно обозначается социальный тип политического актера, способного в силу своего особого экономического положения и социального статуса на постоянной основе заниматься политической деятельностью, не рассчитывая на последующие награды или за чисто номинальное вознаграждение. Короче говоря, аматерство – непрофессионализм – в политике изначально предполагало не столько отсутствие специальных знаний или навыков политического ремесла у политического актера, сколько способность индивида "жить во имя политики, а не за счет политики". Последняя формула представляется наиболее емкой и принадлежит перу немецкого социолога Макса Вебера.

Итак, базовая характеристика аматерства – непрофессионализма – в политике есть наличие экономической самодостаточности актера как *conditio sine qua non* его политической субъектности. При этом экономическая самодостаточность может гарантироваться либо собственностью, либо свободным статусом первичной профессиональной деятельности, либо сезонным характером основного занятия актера. Естественно, поэтому, аматерство в политике является столь же древним, как и сама политическая история человеческой цивилизации.

Общества, вырвавшиеся из традиционного состояния, то есть общества модернизовавшиеся, отличающиеся сложной стратификационной и профессиональной структурой – грубо говоря, общества предпринимателей и индустриальных рабочих – сталкиваются с непреодолимыми сложностями реализации аматерского сценария в политике и неизбежно проявляют в себе тенденцию к профессионализму политических актеров. В них аматерство становится маргинальным политическим феноменом.

Общества с еще более сложной, запутанной социальной структурой, общества с аморфной или невыраженной классово-структурой – особенно общества т.н. переходного типа, в которых еще живы традиции домодернизацион-

ного социетального состояния – скорее склоняются к построению политических режимов "прямой демократии", логически восходящих к идеалу политического аматерства. Частичная осовремененность и массовитость подталкивает их к профессионализму, но при этом культурные институты и культурные классы этих обществ все еще ратуют за принцип аматерства в политике. В результате, именно в таких обществах переплетаются оба принципа политической субъектности – "во имя политики" и "за счет политики". Как нам кажется, эта гибридность принципов политической субъектности отличает и общества, демонтирующие тоталитарные режимы.

В аматерстве, однако, заложена великая политическая опасность субстанциональной политико-технологической неадекватности, юридикотехнического иррационализма и, в силу этого, опасность субъектного вырождения в политический дилетантизм.

Усложнение политического процесса, требующее от актеров прогрессирующего роста специализированных знаний и умений, динамической рефлексивности, формирующаяся потребность в более строгой последовательности политического поведения приводят к дискретной преемственности аматерства в политике. Даже такие режимы, как режим "прямой демократии", практикуют политические назначения. В тех историко-культурных проектах, где политическая власть концентрируется в руках "назначенцев", политические аматеры постепенно, но неуклонно, перерождаются в "чистых" дилетантов.

Окончательный и, пожалуй, самый сокрушительный удар по аматерству в политике наносят политические партии. Соревнующиеся друг с другом за политическую власть партии знаменуют своим утверждением в политическом пространстве торжество принципа "за счет политики" в политической субъектности актеров. Политические аматеры не выдерживают конкуренции с системой рекрутирования правящей политической элиты из числа лидеров победившей (или победивших) партии. С историческим триумфом политической партийной системы в странах развитой демократии аматерство-в-политике из явления в политическом смысле стержневого превращается в политико-маргинальный анахронизм. Но это – в странах развитой демократии, хотя и в них в эпоху "высокой модернизации" наступает кризис партийной системы.

Общества т.н. переходного типа предельно последовательно эксплуатируют (наряду с профессионализмом в политике) как само аматерство, так и принцип "во имя политики" в процессах генезиса "новой" политической субъектности.

Репрезентация

Репрезентация в смысле политического представительства предполагает наличие группы индивидов – "представителей" – действующих в соответствии с определенными политическими и культурными практиками. Политические речи и поступки этой группы лиц воспринимаются как легитимные, а выстраиваемые ими в социуме властные отношения – как нормативно принимаемые обществом и властью.

В начале столетия Макс Вебер выделил четыре классических исторических типа репрезентации.

Присваиваемое представительство характеризует властную ситуацию присвоения права представительствовать со стороны "вождя", харизматического лидера (или группы лиц).

Сословное представительство предполагает, прежде всего, репрезентацию по критерию социально – групповых привилегий и прав (общество для этого должно быть довольно четко стратифицировано).

Назначенное представительство представляет собой полную антитезу сословному представительству и охватывает разные практики избираемых "сверху" или отбираемых в соответствии с нормами ротации представителей. Полномочия подобных избранников ограничены императивным мандатом, наказом, а сами представители всегда могут быть с относительной легкостью отозваны. Поскольку в массовых обществах политический режим "прямой демократии" установить не так просто, в них зачастую прибегают именно к назначенному представительству (от территорий, групп, организаций и т.п.).

Подобное несложно было наблюдать в высших большевистских представительных органах.

Свободное представительство является типом репрезентации общества через свободные выборы, предполагающие легальную временную ротацию как норму подтверждения мандата доверия, нелIMITированного ни императивно, ни инструктивно. Свободный представитель в своей деятельности оперирует только принципом свободы выбора в принятии ответственного решения и не обязан руководствоваться интересами тех, кто его избрал, то есть не является агентом своих избирателей. Парламентская репрезентация – классический пример свободного представительства, ибо легальная власть парламента базируется на деперсонифицированных и абстрактных этических и политических нормах.

Разведение этих четырех типов репрезентации дает возможность предположить, что сегодняшнее представительство в России носит по преимуществу гибридный характер. Явно тяготея к типу свободного, российское представительство как историко-культурный казус конституируется в политическом пространстве с активным привлечением систематических компонентов всех остальных типов репрезентации. Партии все еще не предопределяют политического расклада в стране (и, видимо, еще не скоро лягут в основу политической структуризации общества). Императивный мандат, как наследие большевистских Советов, полностью не стерт из коллективной памяти. По-прежнему практикуется присвоение представительского права.

Но главное, пожалуй, заключается в том, что парламент и депутатство парадоксально не совпадают друг с другом и, более того, представляют собой совершенно различные политические и культурные феномены: институциональная телеология парламентаризма и социокультурная телеология депутатства, хотя и не конфликтны, но принципиально нетождественны.

Разумеется, в идеале любое депутатство полифункционально. Однако, в сегодняшнем российском депутатстве репрезентативная составляющая является не только важнейшей, но и тотально господствующей, одним словом, – канонической. И в этом смысле, сегодняшнее российское депутатство (не парламент!) успешно и как отражение социокультурных "классов" российского общества, российской власти, и как корпорация, состоящая преимущественно из политических аматеров.

Российское Депутатство как способ репрезентации

Понимание природы сегодняшнего российского депутатства начинается с мыслительного эксперимента: разведения общественных ожиданий от депутатства и общественных притязаний самого депутатства.

Если рассматривать модель притязаний и ожиданий как модель сегодняшнего российского депутатства, то она представится обществу примитивнее развитой и многосложной телеологической доктрины парламентаризма, которая методически разрабатывается современной российской общественной мыслью. Интеллектуалистский подход – возьмем на себя смелость громкого утверждения – в определенном смысле неадекватен природе сегодняшнего российского депутатства. Эта неадекватность происходит, во-первых, из гипертрофированно нормативного отношения к депутатству как к корпорации легалистов, и, во-вторых, из неосознанного пренебрежения гибридной сущностью репрезентации, заложенной в сегодняшнем российском депутатстве.

Типичные критические нападки на депутатский корпус осуществляются без учета телеологической дивергенции парламентаризма и депутатства в России так называемого переходного периода. Эти нападки легко сводимы к нескольким вариациям на тему "Парламент никуда не годен, потому что депутатство ...". Приведем самые распространенные версии критических нападок, естественно, в весьма условной форме и авторской обработке.

(1) Депутатство обвиняется в непрофессионализме (далее совершается экстраполяция на парламент: "непрофессиональный парламент – некудышний парламент").

(2) Депутатство обвиняется в некомпетентности и, соответственно, в неспособности к законотворчеству (экстраполяция: "Российский парламент неадекватен своему предназначению").

(3) Депутатство обвиняется в недостаточной политической независимости и принципиальности, словом, в этико-политическом непостоянстве (экстраполяция: "Парламент - "фасадный" или "карманный", так как не отстаивает последовательно интересов общества перед властью, не контролирует исполнительную власть, соответственно, не способствует установлению баланса ветвей власти").

(4) Депутатство обвиняется во всевозможных "властных" грехах и пороках, наследственных и благоприобретенных (экстраполяция: Парламент в этико-политическом смысле как институция "новой" России не состоялся!).

Соблазнительно начать с заключительного обвинительного пассажа. Он у всех на слуху. Нет необходимости в том, чтобы воспроизводить здесь хорошо всем известный набор бранных эпитетов в адрес депутатского корпуса, благо эти обвинения кочуют из одного средства массовой информации в другой, из одних публичных разговоров - в другие. Если пристально взглянуться в этот бранный список, то несложно обнаружить, что по сути дела общество выдвигает обвинение в подмене депутатской корпорацией принципа "во имя политики" на принцип "за счет политики". И проблема, как нам кажется, заключается не в степени циничности и открытости, с которой принцип "за счет политики" реализуется депутатской корпорацией (корректнее - частью корпорации), а в конфликтности общественных притязаний и общественных ожиданий. Общество, в коллективной памяти которого накрепко засел образ "безнравственной" власти тоталитарного режима, настоятельно ждет от сегодняшнего депутатства нравственной жертвы "во имя политики", то есть модели аматерства в политике.

В то же время рыночное общество, которое постепенно формируется в России, жизненно нуждается в функциональном легальном порядке. Для этого "средний класс" через парламентскую репрезентацию типа свободного представительства, основанного на принципе "за счет политики" - стремится ограничить власть патримониальной верхушки, придать своему представительному голосу решающую нормативную (нормотворческую) силу и наладить репрезентативный контроль над исполнительной вертикалью. Словом, время как бы аннигилирует модель аматерства в политике в требовании репрезентативного профессионализма и процессуально-правовой компетентности, что неизбежно отражается в притязании депутатства "жить за счет политики". Не будем забывать при этом и то, что процесс формирования "среднего класса" в России несколько затянулся, а имущественная поляризация общества столь катастрофична, что об удельном представительстве "имущественных классов" в парламенте и речи быть не может, ибо в противном случае Россию ждет откровенно охлократический парламент. Таким образом, в своих рациональных основаниях модель "притязаний" и модель "ожиданий" вступают в явный культурно-политический конфликт.

Культурная репрезентация общества и власти

Пятый тип репрезентации, о котором также писал М.Вебер, есть представительство через агентов "групп интересов". В обществах "высокой модернизации" такое представительство означает участие в представительных органах индивидов, репрезентирующих самые разнообразные социальные и профессиональные слои общества. Парламенты, созванные на такой основе, в своих социополитических ориентациях могут варьироваться в широком диапазоне: от радикально-революционных до крайне консервативных. В представительных органах этого типа опасность индивидуального лидерства (или группы лиц) минимизирована. В них представитель "группы интереса" работает на постоянной основе и реализует своей деятельностью принцип профессионально-компетентного представительства - принцип "за счет политики". Представительство "групп интересов" количественно может не зависеть от демографических показателей самих групп, равно как и сами представители

вовсе необязательно должны принадлежать репрезентируемой группе, поскольку – повторимся – на постоянной и профессиональной основе представляют ее интересы. Разумеется, такое представительство в парламентах формирует весьма конфликтное поле интересов и, соответственно, антагонизм их профессиональных представителей, но именно их стратегия и тактика в представительстве каждой конкретной группы предельно предсказуемы, прозрачны, последовательны. Гетерогенность принципиальных представительских стратегий и тактик гарантирует в конечном итоге парламентские компромиссы, гомогенность и постоянство в политике представительной власти.

Возможен ли и перспективен ли этот тип репрезентации в обществе так называемого переходного состояния? Строго говоря, только он и возможен, однако это утверждение нуждается в более тщательной аргументации. К сожалению, объемы настоящего эссе не позволяют нам детально рассмотреть вопрос о посттоталитарном типе репрезентации, выраженном в сегодняшней представительной власти. Остановимся лишь на самых принципиальных моментах. Имущественных или социальных групп в социологически "классовом" смысле в обществе так называемого переходного типа по сути дела нет. В этом его сложности и определенные преимущества.

Общественный возраст социальных новообразований все еще "младенческий" и они, естественно, переживают серьезные проблемы идентификационного порядка. Зато в наследство от "развитого социализма" достались (а) отнесенная деклассированность основного населения, (б) развитая профессиональная структура и (в) довольно высокий уровень образованности населения основного рабочего возраста. Одних этих условий вполне достаточно для реализации рассматриваемого типа репрезентации общества через представительство профессионально-образовательных "групп интереса".

В последнее время стало модным говорить о том, что постсоветское общество в культурном отношении высоко гомогенно. Этот тезис в социологическом смысле предельно корректен, однако его принятие отнюдь не означает автоматического заключения о том, что сегодняшнее российское общество культурно слабо стратифицировано. Напротив, именно постсоветское общество демонстрирует значительную культурную дифференцированность, которая не столько в вертикальном, сколько в горизонтальном отношении разделяет общество на подчас радикально отличающиеся друг от друга "культурные классы". Критериями культурной стратификации при этом выступают "культурные стили" – в жизнеобразовании, потреблении, материальном и духовном производстве, мышлении и мировосприятии, в культурно-нравственной рефлексии, в конце концов. Вот почему совершенно всерьез можно говорить о культурной детерминации всех базовых сфер жизнедеятельности постсоветского человека. Сегодняшнее российское депутатство логически репрезентирует собой культурно пестрое пространство, в котором далеко не последнее место уделено представительству самой власти, как имманентного компонента российского общества, скорее сросшейся с ним, чем выкристаллизовавшейся в некий асоциальный и независимый феномен "чистой" политики. Культурно пестрое депутатство в логике данных рассуждений выступает чуть ли не единственным и главным гарантом стабильности посттоталитарного общества. Депутатство репрезентирует предельно адекватно "культурные стили", театрализует всю палитру нравственных точек зрения и даже культурное разнообразие самой власти находит в нем свое отражение.

Общественная динамика соответствует логике, компромиссов (культурно-нравственных!), которые проходят или не проходят через те или иные законодательные или политические решения. При этом самая большая опасность заключена в потенциальной возможности образования в парламенте так называемого морального большинства, способного нарушить баланс нравственных ролей и интересов, при котором приоритетно репрезентируемый "культурный класс" способен придать политике опасную этическую заданность. В условиях господства морального большинства в парламенте, с одной стороны, нарушится и без того хрупкое равновесие между принципами "во имя политики" и "за счет политики", с другой – представительство "по интересу" лишится репрезентационного смысла и, соответственно, возможности рационального форми-

рования "новой" российской политики как свободной игры интересов. К счастью, сегодняшнее депутатство в высокой степени нравственно гетерогенно, как нравственно неоднородна и сама власть. И эта неоднородность требует достойной репрезентации в парламенте. В свою очередь именно культурно-нравственные классы лягут (и постепенно ложатся!) в основу будущей партийно-политической структуризации общества. Сегодняшние партии еще по преимуществу - нравственные протопартии. Их различает не столько политическое начало, сколько нравственное отношение к политике. Несложно предположить, что политические шансы тех объединений и движений, которым еще не удалось обрести своей этической идентичности, сегодня не могут быть высоко оценены.

Л.А. Радзиховский

Банановый парламент: народные образы российского депутатства

В начале позволю себе немного поспорить с редколлегией Вестника. В программной разработке, предназначенной для авторов-участников проекта она (редколлегия) пишет: "Российская представительская власть по-прежнему не рассматривается обществом в качестве серьезного общественного явления и состоявшегося представительского института. Сегодня она воспринимается скорее неким "довеском" к уже успешно (?!) функционирующему централизованному государственному аппарату".

Если отбросить оценку государственного аппарата как "успешно функционирующего" (едва ли критерий личного обогащения господ чиновников так волновал редколлегию, а по всем другим направлениям успехи довольно скромны), то в целом с этой фразой не поспоришь. Меня только удивляет некая "прокурорская" интонация по отношению к плохому и глупому обществу, не способному понять все величие и прелесть Думы. Неужели, например, сами члены редколлегии относятся к этой несчастной Думе как-то иначе, скажем, считают ее "состоявшимся политическим институтом" и "серьезным общественным явлением"?

Дальше эти обвинения скверного общества, не понявшего, какую же прекрасную Думу оно (общество) имеет и не ценит, звучат из уст редколлегии еще сильнее: "Не будет большим преувеличением утверждение о неадекватном (подчеркнуто редколлегией - Л.Р.) отношении российского общества к представительской власти. При этом разочарование и безразличие (подчеркнуто редколлегией - Л.Р.) ... по сути характеризуют не только фундаментальную тенденцию в общественных настроениях применительно к ныне действующему российскому парламенту, но и вообще к депутатству, как значимому социополитическому явлению".

Давайте, все-таки, разводить две вещи - реальность и мечту. Есть Дума - вот эта, сидящая по адресу: Москва, Охотный ряд, дом №1 - Пятая Государственная Дума. Есть некий идеал - представление о том, каким был где-то давно (Древняя Греция), или далеко (Великобритания), или каким будет когда-нибудь в России, или, наконец, каким нигде и никогда не был и не будет, но должен быть (хотелось бы, чтобы был) сам институт представительской власти. Это немножко разные понятия. Рыбкин - не Ликург, Жириновский - не Катилина, хотя, конечно, сходство поискать можно (но - за особый гонорар, это работа мудреная!). В чем задача Вестника? Я, по крайней мере, вижу ее именно в описании современного российского парламента.

Вот тут, конечно, не могу согласиться с лапидарным народным обозначением "козлы!" (хотя бы потому, что это слишком обидно - ведь я и сам, некоторым образом, простите, депутат), но не могу, увы, согласиться и с мнением редколлегии. Что же тут "неадекватного" в разочаровании и безразличии общества? Вот если бы общество было "очаровано" Думой и сильно волновалось из-за нее, тут можно было бы говорить о неадекватности. Сидя в зале, где депутаты пересмеиваются в "минуты роковые" вотумов недоверия правительству, я могу лишь сказать, что или они истинные стоики, или же

сами проявляют высокую степень "безразличия и разочарования" к своей деятельности.

Надо сказать, что это более чем адекватное безразличие и разочарование основано не на "традициях" и "настроениях", а на чем-то много более точном и простом - на Конституции.

По Конституции 1993 г., Россия - банановая монархия с банановым парламентом. "Дума" - точное название и еще точнее ее порядковый номер - "пятая". Она, действительно, продолжает традиции российского парламента - этого беспомощного совещательного органа при царе. Так же точно и реальная (единственная) власть в России, исполнительная власть, продолжает традиции царской исполнительной власти.

Царь - Президент, царская канцелярия - администрация президента, охранное отделение - служба безопасности, корпус жандармов - ФСК, департамент полиции - МВД, ну и, Дума - Дума.

Дума не утверждает министров и не снимает их. Дума может вынести вотум недоверия только самой себе. Это блестяще показала "буря в стакане воды" 21 июня - 1 июля 1995 года. 21 июня Дума выносит вотум недоверия правительству, 22 июня правительство в ответ "выкатывает" вопрос о вотуме доверия себе, 1 июля Дума заканчивает свой "бунт на коленях". Это происходит в соответствии с традициями. "Председатель: "Государю императору ура!". (Долго несмолкаемые крики "ура!".). Объявляю заседание Государственной Думы закрытым. (Заседание закрывается в 2 часа 53 минуты пополудни).

В две минуты все было кончено. Вчера еще ... депутаты требовали от царских министров ухода, а сегодня сами покорно кричали "ура" тем, кто выгонял их.

Так историк повествует о роспуске Четвертой Государственной Думы, имевшем место быть 3 сентября 1915 г. 1 июля 1995 г. все происходило немного иначе, но по сути - точно так же. Пятая Дума не захотела кричать "ура", проявляя неуступчивость. Она предпочла проявить полнейшую уступчивость в политике, правда, при этом обойтись без криков в адрес Государя. За 10 дней Дума сменила свою точку зрения на противоположную - только лишь потому, что правительство и Президент нахмурили брови. 21 июня - вотум недоверия правительству, 1 июля - отказ от этого вотума. Да, смешно... И организация, прямо скажем, смешная.

Впрочем, совершая свой "подвиг благонамеренности", Дума, фактически, лишь показала пример законопослушания. Она еще раз доказала, что "знает свое место" - место в приходе власти, отведенное ей Конституцией РФ. И, кстати, нечего тут ссылаться на то, что Россия "президентская республика". Попробовал бы президент США или Франции откалывать такие штуки - распускать парламент, когда тот посмел заявить вотум недоверия правительству! Нет, никакой республикой - ни "президентской", ни какой-то иной здесь и не пахнет. Пахнет бананами - банановой республикой, банановой монархией, банановым парламентом.

И ждать от кого бы то ни было (избирателей, министров, депутатов Думы, иностранных журналистов, банкиров, генералов, путанок, шоферов и т.д. и т.п.) уважения к такому парламенту довольно странно. Пожалуй, уважительного (поневоле!) интереса можно дожидаться лишь от одной категории людей - от американских политологов, конспектирующих статьи Миграняна и Сатарова и корпящих над своими диссертациями в маленьких провинциальных колледжах, на тему "Пятая Государственная дума и развитие парламентаризма в России".

Вместе с тем, я не склонен во всем винить властолюбивого "царя Бориса", трусливых конформистов-депутатов и т.д. Нет, "дело не в сухом расчете - дело в мировом законе". В течение 1989-1995 годов Россия описала большую "петлю парламентаризма", которая и привела к тому жалкому положению "придворной Думы", которое мы наблюдаем.

1989-1991 годы - общий рост демократии в стране. Расширение политических свобод, укрепление прав человека, относительное ослабление роли бюрократии, возникновение и увеличение влияния парламентов. Вершиной ста-

ло 19 августа - беспомощный "мятеж импотентов", направленный против демократии. Сразу после победы начался спуск с горы, вначале незаметный, но все ускоряющийся. В 1992-1995 годах произошел откат по всем позициям: политическим свободам и политической активности общества, правам человека, резко усилилась роль бюрократии. Пожалуй, единственное, что пока еще сохраняется - свобода слова.

В соответствии с нашей темой отметим четкое сворачивание роли парламента. Ветвь парламентаризма, избранная в 1989 г., оказалась бесплодной. Из сундука традиций были извлечены "советы" - штука такая же далекая от нормального парламента, как далека от него и Дума. Две российские традиционные формы - "советы" и "дума" образуют как бы два глухих тупика, хоть и направленных в прямо противоположные стороны, а реальное поле парламентаризма лежит где-то совсем в другом месте...

Конечно, говоря о 1992-1993 годах нельзя не упомянуть о "роли личности Р.И.Хасбулатова в истории российского парламентаризма". Роль повара острых блюд была очень велика, но не стоит все-таки думать, что и всю кухню разгромили только для того, чтобы его оттуда выкурить. Важнее было другое - психология российского депутата. Она известна. С момента, как получают казенную машину... Госавтомобиль - все-таки роскошь, а не средство передвижения. И парламент - тоже роскошь, а не место работы.

"Подвезу даром. Пить не будете? Голые танцевать не будете при луне? Эх! Прокачу!

... Но почему вы думаете, что мы способны танцевать в голом виде?

- Тут все такие, - ответил шофер, выводя машину на главную улицу, - государственные преступники". Ну, скажем помягче - государственные деятели ...

Под руководством Руслана Имрановича депутаты лихо выплясывали в Белом доме, топотали на всю страну, и впрямь вообразив себя властью. Поскольку на их горе (по их категорическому требованию) все эти "танцы народностей" показывались по ТВ, то очень скоро любой нормальный человек в России окончательно убедился, что страна до парламентаризма, мягко говоря, не созрела.

Безответственные, самовлюбленные, наглые, противные, трусливые и коррумпированные бездельники - так благодарные избиратели характеризовали своих избранников. Вполне возможно, что будь у них возможность видеть заседания правительства или аппарата президента, их мнение о парламенте изменилось бы если не в лучшую, то в более спокойную сторону. Однако возможности сравнивать не было.

Так что разгон парламента (указ Ельцина N 1400 от 21.9.93 г.) имел психологическую опору в этих настроениях электората. Поэтому же голосовали и за Конституцию, превратившую парламент в Гайд-парк. И похоже, что этот авторитарный строй куда адекватнее для России - не зря же страна успокоилась.

Вместе с тем, как бы странно не выглядела Дума с Марычевым и Жириновским, она, конечно, значительно пристойнее Верховного Совета. Дело не в числе "чудаков". Дело в том, что резко снизился уровень амбиций, Дума в целом стала адекватнее. Не мнит себя - ни всемогущим органом управления, ни даже "нормальным парламентом". Но в пределах своих - почти нулевых - возможностей, она кое-что делает.

Далее я попробую систематически ответить на вопросы анкеты-программы, предложенной мне редколлегией, но с одной важной поправкой.

Анкета все время спрашивает меня не о депутатстве (или, точнее, не о том, как я сам вижу депутатов и депутатство), а о том, как преломляется российское депутатство в народном сознании. Вот уж о чем я имею самые туманные представления! Думаю, что плохо преломляется, а впрочем, выборы покажут. Но вот что я могу рассказать, исходя из своего опыта - как я вижу депутатов. Давайте примем для простоты изложения, что я - "типичный представитель", если и не всего Народа, то, по крайней мере, какой-то его части, скажем, той, что интересуется политикой. В этом случае мои оценки и наблюдения получают какую-то ценность.

1. Общая (инвариантная) модель депутатства.

Как всякая общая модель, довольно бледно выглядит. Кто такой депутат, который, хорошо зная все унижительное бессилие парламента, отчаянно борется за место в нем? Зачем он это делает?

Очевидно, что самый "благородный" ответ - чтобы принимать законы, важные для страны, чтобы, пусть и в этих условиях, приносить пользу и т.д. и т.п., - мягко говоря неточен. Я не хочу сказать, что таких мотивов вовсе нет. Нет, при прочих равных, депутат - как любой нормальный человек - хотел бы, чтобы стране было "хорошо", а не "плохо" (что он понимает под тем и другим - иной вопрос), хотел бы приносить пользу и т.д. Однако, реальность такова, что на вере в подобные идеальные устремления далеко в Думе не уедешь. Тот, кто пришел "дело делать", заниматься полезной и "тихой" (в сущности, не слишком политической, больше государственно-правоведческой) деятельностью по составлению законов, реально долго здесь не выдержит. Эффективность законов в России известна. И хотя, скажем, пятая Дума приняла Гражданский кодекс, увы, его живые результаты не скоро станут заметны в жизни россиян.

Более адекватен, больше соответствует поведению депутатов примерно такой ответ: депутат - это человек, пришедший в Думу делать политику. Точнее - не делать (это - совсем в другом месте), а пропагандировать. Определенные партии используют трибуну для пропаганды определенных идей. А точнее - пропагандировать себя, в связи с этими идеями. Конечно, 90% слов, сотрясающих Думу, дальше этих стен и этих стенограмм не идут, но это - нормальный процент шлама для любой деятельности. Одна-две реплики с крупных заседаний попадают на ТВ, а значит, в сознание людей.

Итак, не тихий законодворец, а шумливый актер политической тусовки и интриган в коридорах власти. Это уже теплее. Однако и такой ответ неточен. Кроме лидеров фракций (и их приближенных) большинство из 450 депутатов довольно мало интересуются общими политическими вопросами. Они отдают им дань приличия - и только. "Рядовой депутат" занят политической саморекламой, но, пожалуй, еще в большей степени, решением нормальных житейских вопросов. Карьера. Если для лидера фракции она неразрывно связана с успехом или провалом определенной политической линии, то для обычных депутатов их карьера зависит от более частных вещей - отношений с сильными мира сего министры, другие крупные чиновники, банки). Дума и есть та большая ярмарка тщеславия, где идет вращение нужных людей.

Общую систему приоритетов депутата можно определить примерно так:

А. Крупные карьерные движения. Участие в политических сенсациях, демонстрация правительству и Президенту своего образа "серьезного политика".

Б. Крупные денежные движения. Создания "фонда имени меня": какого-либо внебюджетного фонда, сисключительно благородным названием, получающего различные финансовые (налоговые, кредитные, таможенные и т.д.) льготы. Для бедняги-депутата этот фонд - такая же кормушка, как для счастливица-министра (и иных чиновников) - бездонная бочка госбюджета, бюджета его министерства, ведомства.

В. Популистские движения. Нельзя забывать и про избирателей. Между делом необходимо обязательно "светиться" в газетах, на экране, "раскручиваться". Больше того - приходится даже и со своими "активистами" из округа (или партии) поддерживать контакт, чтобы не плевать в колодец, из которого скоро придется пить.

Г. Обустройство быта. Речь не идет об элементарном пользовании "мелкими льготами" - бесплатной машиной (для рядового депутата - по вызову, председателям комитетов - постоянная), почти бесплатными санаториями для себя и семьи (снять дачу на лето - 300.000 руб), легким оформлением любых загранпоездов, выкупом "по остаточной стоимости" компьютера или, в рассрочку на пять лет, с внесением 30% сразу, "Жигулей". Это - автоматически. Обустройство быта составляют такие мелкие доводы, как

получение денег за "вкусные" голосования. Такса, в принципе, всем известна - 2 тыс. долларов за голос. Опять же, руководители фракций поставляя "заинтересованным" лицам голоса своей фракции "оптом", соответственно, и имеют много больше. По некоторым данным, до 20-25% от общего числа принимающих участия в голосованиях (по бюджету, вотумам доверия-недоверия, по разным льготам, по некоторым персональным назначениям и т.д.) получают высокую оплату за мучительный труд - нажать пальчиком на кнопку или опустить билет в урну (при тайном голосовании).

Вот примерно так строится работа "инвариантного" депутата. Да, ну, разумеется, лоббирование - пользуясь "проходимцем" (депутатское удостоверение, открывающее двери повсюду) пробивать вопросы в разных министерствах...

2. Типы депутатов.

Я бы выделил три: обычные, богатые, сверхбогатые.

К "обычным" депутатам можно отнести примерно 60% депутатского корпуса. По разным фракциям их число варьирует - больше всего "обычных" у коммунистов и "ЯБЛока", меньше всего - у аграриев и ПРЕС ("Выбор России" занимает срединное положение). Научные сотрудники, журналисты, профессиональные партфункционеры, врачи и - у коммунистов - даже "наладчик электролампового завода", термист приборостроительного завода" и т.д. (правда таких на 450 депутатов - с десяток, не больше). Эти люди в жизни устроены как большинство (верхняя все-таки половина большинства) избирателей. В любом случае, оценим их состояние (движимое и недвижимое) меньше чем в 100.000 долларов. Собственно, они - те, кто начинал демократическую революцию 1989 года. Правда, те нищие мэнэсы и профессора, кто начинал тогда, сегодня (за редкими исключениями - к таким "последним могиканам" я бы отнес из нынешних депутатов С.А.Ковалева, Л.А.Пономарева, Г.П.Якунина, М.М.Молостова и еще десяток бессеребренников) уже далеко не нищие. Депутатство 1989 и 1990 годов было одним из способов быстрого обогащения и перехода в номенклатуру. Поскольку все это делалось явно, при свете телекамер, избиратели по достоинству оценили рвение своих избранных. Теперь уже к таким вещам относятся вполне спокойно - ничего другого избиратель не ждет. И потому - не ходит голосовать ... за чужой карман.

"Богатые". Таких примерно 40% от общего числа депутатов (больше всего их процент в Аграрной партии и в ПРЕС, меньше всего процент - у коммунистов, ЯБЛока, "Женщин России"). Это люди, состояние которых можно оценить, условно - от 100.000 долларов и выше. Средняя прослойка для Запада. Люди, которые у нас в 10 и более раз богаче своих избирателей.

Определить их по профессии нетрудно. Предприниматели. Чиновники, занимающие "вкусные" места (глава администрации или его зам., министр или экс-министр), крупные адвокаты, руководители некоторых фондов с очень уж хорошими названиями и, наконец отдельные граждане, не подпадающие ни под одну из этих категорий, но ... очень хорошо известные (классический, набивший оскомину пример - несчастный Сергей Станкевич). По происхождению здесь представлены: экс-чиновники, бывшая высокая номенклатура (скажем, бывший зампред СМ СССР или РСФСР), "молодые волки" Жириновского, "демократы с человеческим лицом" (опять Станкевич?! Нет, не только он ...).

Ну, наконец, "сверхбогатые". Люди, чье состояние заведомо превышает миллионы долларов. Думаю, таких в Думе немало, может быть, процентов 10. Известны из них единицы (Мавроди, Тарасов, Семаго, Горячев), о них ходят легенды. Поскольку уж депутаты точно не афишируют свое богатство, провести грань между "богатыми" и "сверхбогатыми", особенно, когда речь не идет о предпринимателях, достаточно сложно. Злые языки относят к сверхбогатым, скажем, скромнейшего депутата А.Н.Шохина или же добродушного консультанта фирмы "Инекс-Интерэкспорт" Г.В.Кулика - но чего только не болтают злые языки... Во всяком случае, когда депутат-голодранец (автор этих строк) сидит рядом с депутатом-миллиардером (рублевым!), то это очень смешно. А одеты все примерно одинаково (скорее различаются по часам на

руках), да и машины почти одинаковые... Впрочем, иногда депутат вылезет и из "линкольна". А один раз я видел депутатскую машину (со знаком "ГД") марки "роллс-ройс"...

Наконец, особая категория - депутаты, прямо связанные с бандитами. Что ж - здесь можно упомянуть двух безвременно ушедших от нас коллег. Депутат Айдзердзис, "Новая региональная политика", русский, 1958, образование среднее, председатель совета банка "МДК-банк", г.Химки, и депутат Скорочкин, ЛДПР (ранее - "Союз 12 декабря"), русский, 1961, среднее, генеральный директор ТОО "Радуга", г.Зарайск (кстати, последний сам уложил из автомата двоих...). Говорят, что "банд-фракция" в Думе - порядка 5-10% депутатов. Не знаю, не считал.

3. Это относится и к вопросу о прогнозе.

Номенклатура устоялась. В новой Думе будет, думаю, 50% прежних депутатов (в основном из числа богатых), а новые народные избранники, просто по определению не могут быть никем, кроме "новых русских" (или их друзей). Если избирательная компания (элементарно - плакаты, листовки, подкуп избирателей, пресса, ТВ, агитаторы) стоит около 200.000.000 рублей, то - кого же могут выбрать? "Обогащайтесь - и вы станете избирателями", говорил в XIX веке французский министр-либерал Гизо. Обогащайтесь - и вы станете депутатом, можно сказать в России сегодня. При нынешнем законе возможен депутат богатый или/и богатыми купленный. Третьего не бывает (исключения - опять же, последние могикане, типа С.Ковалева или коммунисты, которых вывозит мощная партдисциплина и сама компания им почти ничего не стоит, оплачивается партией. В других, "буржуазных" партиях деньги кандидат в депутаты должен принести сам). Ну, и как сами понимаете, свои 200.000.000 надо за пять депутатских лет "отработать", "оправдать".

4 - 5 - 6. Как будут эксплуатироваться образы депутатов?

"Можно долго обманывать некоторых. Можно недолго обманывать всех. Нельзя долго обманывать всех" (А.Линкольн). Пять лет - это уже "долго". Сегодня избирателей обманывать глупо.

Избиратель знает (хотя бы понимает), что он избирает богатых и для богатых. Период "демократически-популистской весны" давно прошел (такая вера возродится лишь вокруг отдельных свежих суперпопулистов, типа Лебеда). Поэтому избиратель не хочет голосовать - он-то не хочет, чтобы его еще раз "использовали" на избирательном участке, "добровольно и с песнями".

Но та, условно говоря, половина, которая все-таки пойдет - за кого она проголосует?

Без любви действуют по расчету. Это будут, я думаю, самые разумные и расчетливые выборы.

За кого разумно голосовать? За тех, кто реально что-то явно понимает в законах (юристы) и в политике (известные политики). За тех, кто как-то глубоко связан с округом (директора, те, за кого агитируют директора). За тех, кто лично симпатичен - сегодня это имеет последнее значение, в 1989-1990 - было первым.

* * *

Авторитарно-номенклатурное государство бронзовеет. Оно заканчивает построение самого себя. Оно выкроило определенное место внутри себя парламенту и спешит заполнить его спокойной номенклатурной публикой (будь то сторонники правительства или оппозиционеры). И оно, это государство, точно назвало себя - не избирательный блок, а целую страну, систему, мировоззрение - "Вся Россия - наш дом". Этот блок не выиграет выборы. Но эта номенклатура (входящая в любые партии) выиграла исторический Выбор.

В.И.Бакштановский, Ю.В.Согомонов, В.А.Чурилов
ЭТИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО УСПЕХА:
КОДЕКС И КРЕДО РОССИЙСКОГО ДЕПУТАТСТВА

1. Три типа суждений о моральном измерении депутатства

Суждения о моральном измерении представительной власти могут быть очевидными, не очень очевидными и вовсе не ясными.

Совершенно очевидно, что власть как специфический социальный институт не способна сколько-нибудь эффективно действовать в качестве целостной организации, если она не оснащена правилами, нормами, регламентами действий. Такие процедуры, нормы, правила задаются уже при "закладке" фундамента представительной власти - в Основном Законе страны, который, следовательно, является главным, хотя и не единственным источником процедуры и регуляции. Затем эти нормы, процедуры, правила постоянно корректируются и дополняются самим законодательным органом. При этом он руководствуется соображениями целесообразности с учетом различных обычаев, национальных традиций в политической культуре страны, судебными прецедентами. Так определяется мандат депутата, то есть объем его полномочий, обязательств, его права, привилегии и иммунитеты.

Очевидно, что мы говорим сейчас о правовых, административных и даже технико-организационных установлениях. Они исследуются в рамках парламентского и административного права, а также политического менеджмента. Но уже менее очевидно, что такие установления каким-то образом взаимодействуют, сплетаются и даже в чем-то срастаются с неписанными и неформализованными моральными нормами. С небольшой долей риска их можно было бы назвать "невидимой рукой" политического рынка, - но при условии, что они предварительно видоизменились по форме, составу, конфигурации, будучи приложенными к такой до краев переполненной своеобразием сфере человеческой деятельности и отношений как политика.²²

И уже совсем не очевидно, какие феномены морального мировоззрения стоят "за спиной" подобных норм - от общих ценностных представлений вплоть до всего разноцветья нравственных идеалов. Такие феномены морального мировоззрения образуют *Кредо* российского депутатства.

Желая обрести твердую почву под ногами, представительная власть должна в первую очередь прояснить неопределенные по своей сути моральные нормы, профилировать их с учетом специфики депутатской деятельности, хотя бы отчасти формализовать и по возможности свести в целостные *этические кодексы* парламентского поведения. Такие попытки, думается, вполне назрели для российского депутатства. Кодексы - инструменты, предназначенные для того, чтобы "уложить" в достаточно четко обрисованные берега те поступки депутатов, которые трудно непосредственно квалифицировать и регламентировать с помощью одних только правовых норм и административных правил. Эти поступки должны соответствовать известному *стандарту* (модели, образцу, парадигме) порядочности, этичности парламентского и внепарламентского поведения депутатов, не просто рядовых граждан, а облеченных особым доверием избранных народа, обладающих властными полномочиями людей, от которых так или иначе зависит и судьба рядовых граждан.

В качестве контролирующей инстанции для наблюдения за соответствием поведения депутатов писаным и неписаным положениям кодекса, требованиям стандарта палатами создаются специально выбранные (или сформированные иным способом) *этические комитеты* или комиссии, выполняющие роль своеобразных рупоров группового и общественного мнения. Они, разумеется, могут называться и как-то иначе, но сути дела это не меняет. Сами комитеты или вся палата в целом, спикер палаты или ее руководящий орган могут устанавливать (по закону, а чаще по обычаю) фиксируемую письменно или

²² О природе политической этики см. наши статьи в журнале "Этика успеха", выпуски 2 и 3.

устно дисциплинарную ответственность за нарушения норм кодекса и определять соответствующие санкции (призывы к порядку, замечания, порицания, выговоры, лишения слова, сокращения жалования, временное недопущение в зал заседаний и т.п.).

2. Кодекс депутата: от этикета к этике

Обращаясь к содержательной характеристике этических кодексов депутатства (речь идет прежде всего о федеральных, а не о региональных органах представительной власти), выделим два существенных момента.

Во-первых, в подобных кодексах главное внимание обычно уделяется не столько собственно этическим, сколько *этикетным* (от французского - "малая этика") правилам - правилам общения депутатов друг с другом, с руководящими лицами палаты и со всеми иными участниками политического процесса (работниками исполнительного аппарата власти, представителями прессы, экспертами, лоббистами, партийными функционерами, должностными лицами парламента, обслуживающим персоналом и, конечно же, просто избирателями).

Это - правила бонтона, приличия, благопристойности, корректности, если угодно, правила любезности, деликатности, столь важные для тех, чья карьера во многом зависит от голосов избирателей. Эти правила достаточно либеральны и вряд ли кому-то придет в голову назвать их депутатским "домостроем". Однако неверно утверждать, будто *этикетные* правила *этически* нейтральны, ценностно не заряжены. Ведь они облегчают политическое общение, содействуют взаимопониманию, оберегают достоинство людей. В них пульсируют побуждения человечности, мотивы доброжелательности. Они направлены на пресечение грубости, невоздержанности, бесцеремонности, развязности в парламентских буднях.

Следование этим правилам составляет существенную часть этического стандарта политического поведения депутата, образуют, так сказать, культурно-нравственный минимум, скорее - "минимум миниморум". Не случайно во всех европейских языках в ходу речевой оборот - "непарламентские выражения". Иногда говорят об этике публичных выступлений депутатов (что еще Аристотель обозначал как особый этос риторика). Этикетные правила не относятся к области лишь внешнего лоска, приглаженности манер, приторно-фальшивой ритуалистике (хотя они и могут подчас скрывать за учтивостью и лощеными манерами лицемерие или просто безразличие к тем, с кем общаются).

Не хотелось бы впасть в назидательность, в сто раз проговоренное науучение. Многие в парламентском этикете самоочевидно для культурного человека, но депутаты довольно скоро, с одной стороны, обнаруживают в своей среде немало таких, кто страдает "иммунодефицитом" моральности, а с другой - выявляют и немало тонкостей (парламентский этикет существенным образом разнится от этикетов дворцовых, театральных, церковных, праздничного застолья и т.п.) и даже противоречий, что требует особого обсуждения возникающих затруднений на заседаниях этических комитетов.

Раскрывая содержательную характеристику этических кодексов, следует, во-вторых, подчеркнуть, что мы предпочитаем занимать сдержанную позицию относительно возможностей и задач этических комитетов при представительных органах власти. Они не вправе выступать в роли "судей" провинившихся депутатов за пределами процедурных и этикетных правил, вторгаться в вопросы собственно морального свойства.

3. Разрешим ли парадокс моральной оценки?

Известно, что именно мораль в ипостаси оценочного сознания недвусмысленным образом обязывает к предельной осмотрительности в оценках поступков других людей, тем более - в оценках их как людей добрых, либо злых. Дано ли отдельному лицу, группе, комитету по парламентской этике право выступать от имени Морали и судить-рядить кого-либо, кроме самих себя? Ведь сказано: "не судите, да не судимы будете" и "мне отмщение и аз воздам". Депутат должен отвечать за свои поступки как юридически вменяемое

лицо. А как моральный субъект, который несет ответственность перед своей человеческой и политико-профессиональной совестью?

Парадоксальность практики моральных оценок, по справедливому суждению одного видного российского философа заключается в том, что тот, кто мог бы выносить моральные оценки другим, не станет того делать, сознавая собственное несовершенство, а тому, кто готов выносить моральные "приговоры" другим, нельзя этого доверять (именно потому, что он готов это сделать, обнаруживая самодовольство и тем самым несоответствие для исполнения роли судьи).

Не закрывает ли эта парадоксальность саму идею *этических*, а не просто *этикетных* комитетов? Не означает ли сказанное мораторий на *оценочную* практику комитетов?

Прежде всего обратим внимание на известную традиционность или инерциальность использования прилагательного "этический" в применении к кодексу политического поведения депутатов, к названию соответствующих комитетов. Кодекс фиксирует лишь *минимум* моральных требований и этикетных пожеланий, да и то не в чистом виде, а только в связке с правовыми и административными нормами и с соответствующей ответственностью.

Не забудем и то обстоятельство, что в современной России, в залах и кулуарах ее парламентов (в думах, советах, собраниях и т.п.) неумное желание политиков использовать собственно моральные негативные оценки в приложении к своим противникам, оппонентам как личностям, к их выступлениям, программам и акциям, прибегнуть к прямой или косвенной (что случается гораздо чаще) форме морального самовозвеличения встречаются сплошь и рядом.

История парламентов мира, как известно, полна событиями скандального свойства, когда поведение депутатов было весьма далеким от сдержанности и воспитанности (ругань, рукоприкладство, неприличность одежд и т.п.). В России же на парламентских нравах сказались еще и разбуженные политические или околополитические страсти. Подобные страсти высвобождают энергию распада, импульсивность, податливость всевозможным слухам, ненависть, мстительность, злобу. Полемика нередко, как говорится, с полуоборота доводится до этического противостояния, до уровня моральной нетерпимости фанатиков, когда противники преподносятся публике даже не просто как люди, совершившие не очень благовидными поступки, но чуть ли не как носители сатанинских начал, как те, кто рискнул заключить "пакт с дьяволом".

При таких оценочном своеволии мораль из способа установления сотруничества и согласия между людьми и организациями становится своим антитепой. И тогда политическая игра в стенах российского парламента ведется без правил. Начинают противоборствовать не рационально исчислимые интересы, а плохо калькулируемые иррациональные страсти. Политические действия оказываются направленными (или без особого труда могут быть направлены) на разгром и уничтожение соперничающих участников политического процесса. Возникают нетерпимость, патологическая ненависть к другому, непонятному, чужому. Подобная игра завораживает тех, кто охвачен зудом политического экстремизма, даже если игроки при этом щеголяют приличным платьем и джентльменскими манерами.

Поспешим заметить, что нормы политической этики как раз и направлены на то, чтобы не допускать превращения соперничества, конфликтности во враждебность и озлобление. И тогда выигрыш одних в так называемой мягкой конкуренции хотя и может означать проигрыш других, но такой проигрыш не ведет к тотальному попранию интересов проигравших. Действие по правилам честной игры - не допускающей фола или игры на грани фола - цементирует устои политического порядка в целом, дает новые шансы для последующих выигрышей, выявляет дополнительные возможности продуктивного диалога, открывает новые, подчас неожиданные перспективы стратегического свойства.

Презумпция честной игры такова: принятие всеми депутатами норм и ценностей политической этики успеха в качестве и побудителей к деятельности, и ее ограничителей, способность сбалансировать и то, и другое, а также понять, где и когда надлежит отказаться от применения правил поли-

тической целесообразности (в первую очередь от самого страшного из них: "По отношению к врагу дозволены все средства", то есть на врага не распространяются правовые и моральные запреты, его можно экспроприировать, притеснять, а если он не сдастся, то его можно и уничтожить, испытывая при этом знаменитое "чувство глубокого удовлетворения") в пользу их гармонизации с императивами морального плана. Те же, кто не принимает этих норм и ценностей, не следует им, оттесняются на периферию парламентского спектра, морально табуируются.

Вот теперь вернемся к парадоксальной ситуации: как же быть со сферой собственно моральной компетенции этических комитетов, с их вполне понятным притязанием на роль собственно морального оценивания?

Если моральные универсалии или, как иногда их величают, "Абсолюты морали" предлагают "не судить", запрещают претензии на неблагодарную роль "нравственного судьи", всячески поддерживая непоказную скромность, то партикулярные моральные кодексы, различные отрасли *прикладной этики* (профессиональные кодексы, политическая мораль, этика предпринимательства, этос управления, этика воспитания и др.), преодолевая парадоксальность морали, уже не содержат подобных самоограничений. Все они, как только станут проповедовать абстиненцию от оценочных практик, немедленно утратят свое назначение в социуме – быть незаменимыми моральными средствами обеспечения эффективности и успешности специализированной человеческой деятельности.

Нормативно-ценностная регуляция на основе данных кодексов, хотя в них добро и зло не отделены друг от друга однозначно, без полутонов, имеет *притязательный* характер. Иначе говоря, предполагает обязательность, долженствование, не только направленное субъектом на самого себя, но и повернутые во вне, относящиеся к другим. И этим своим свойством она роднится с правом, *не утрачивая*, впрочем, специфичности собственно моральной регуляции и ориентации поведения. Нам в этой связи представляется уместным утверждать о существовании в поле политической деятельности *этико-правового кондоминиума* над действиями политиков, что – тут нас покидают всякие сомнения – целиком относится и к институту российского депутатства.

Этически комитеты парламентов различных масштабов поэтому могут и должны не просто заниматься профилактикой девиаций, но и высказывать оценочные суждения по поводу тех или иных поступков (проступков) депутатов. Они могут и должны сопровождать выносимые оценки не только духовными санкциями типа неодобрения или порицания, ограничения коммуникаций, но – как уже говорилось – и санкциями институциональными, формальными, заранее определенными и отнюдь не стихийными.

4. Парламентская этика в России: запаздывающее развитие

Дело, однако, совсем в другом. Этикетные провинности и даже отклонения от этического стандарта поведения, как правило, в сторону понижения, во многом очевидны, прозрачны для восприятия, тем самым они не создают особых затруднений при оценивании. Есть "факты" и есть "трафареты". Но мы уже заявляли, что за стандартом и всяческими минимумами просматриваются нравственные коллизии повышенной сложности, поступки с необычайно высокой запутанностью мотивов, обстоятельств и последствий, решения, полные драматизма, когда обычные позитивные и негативные оценки оказываются мало пригодными для того, чтобы охватить ими нравственные оппозиции такой специфической деятельности как "парламентская работа". Эти коллизии коренятся в противоречиях политической и нравственной культуры общества (парламент – их одновременно незамутненное и искривленное зеркало). Они предполагают трудные нравственные искания, тесно связанные как с национальными особенностями сознания и психологии парламентариев, так и со спецификой становления российского парламентаризма.

В отличие от парламентаризма стран Восточной Европы и некоторых государств, возникших на территории бывшего СССР, российский парламентаризм так и не смог до сих пор проявить интенсивный поиск национальной (но не

этнической или этно-имперской) идентичности. Кредо российского депутатства остается несфокусированным, крайне расплывчатым, не проясненным как для него самого, так и для общества, интересы которого и отражает представительная власть (во всяком случае именно так это манифестируется). Ведь речь идет не о нравственных достоинствах или недостатках депутатов (хотя и это весьма существенно) и не об имидже, который они охотно демонстрируют общественному мнению, и которым, как им мнится, они располагают реально, но о противоречиях в нравственной культуре общества, отраженных в этике российского парламентаризма.

Каким образом сложилось такое положение вещей? Если прибегнуть к шпенглеровской идеи о "псевдоморфозе", то история России последних трех столетий может быть представлена в виде догоняющей модели развития, при этом страна значительно рискует оказаться в положении Ахиллеса, тщетно пытающегося догнать черепаху. История России характеризуется преимущественно подражательным, прямолинейно-поверхностным и нетворческим характером заимствований, когда присваиваемые формы цивилизованного бытия упрямо не желают корреспондировать со своим содержанием, когда те, кто субъективно выступают за модернизацию, на деле препятствуют ей. В то же время казалось бы выступают против "заморского чуда" модернизации, способны объективно ей содействовать.

Радикальный перенос на наш скудный подзол политических институтов либерально-западной, техногенной цивилизации не был и в "розовую", преисполненную эйфорическими ожиданиями стадию, и в последующие стадии современного реформирования фундирован соответствующими социокультурными сдвигами и преобразованиями. В итоге в очередной раз была воспроизведена циклично-прерывная ситуация раскола общества, не произошло необходимого для плавной эволюции политической системы синтеза традиционализма и модерна.

Не был налажен, как иногда пишут, социокультурный диалог сознания (или текста), активно усваивающего рационализированные механизмы права и морали (их рационализация происходит одновременно или с небольшим опозданием с рационализацией производства, связей с природой и с другими сторонами деятельности), с бунтующим подсознанием (или подтекстом), в дальних углах и подвалах которого сохраняли продленное бытие архаические пласты и традиционные ценности, в том числе общинно-соборного демократизма и этатизма, но отнюдь не государственного демократизма. Это подсознание продолжает испытывать неистребимую (во всяком случае, пока) тягу ко всякого рода мессианизму и социально-нравственным утопиям, к визионерству и мистериозности.

В политической сфере все социокультурные расколы, вся инверсионность движения (возвратность, маятниковость, перемещения и пр.) ощущаются в большей степени, нежели в других областях общественной жизни. Не удивительно, что страна сравнительно безболезненно восприняла почти все формы и формулы, структуры и механизмы современного парламентаризма, но не спешила освоить ни соответствующую политическую логику, ни ценностный язык политики, ни соответствующую этику.

Когда говорят, что современная Россия на скорую руку приняла устаревшие формы капитализма - как в свое время она приняла христианство, - но только в их вещественной и социально-экономической ипостаси, не сделав того же в отношении главного их движителя, "духа" капитализма (по терминологии М.Вебера), то эта мысль с удвоенным основанием может быть применена к области политической демократии. Предпринимательские традиции у нас, хотя тоже были в загоне, но оказались развиты неизмеримо больше, нежели демократические традиции в государственном управлении; худо-бедно, но были эмбрионы как предпринимательской этики, так и трудовой морали. Этого нельзя сказать об этике парламентаризма. Парламентские институты были трансплантированы чуть ли ни в одноразовой операции, тогда как порождающий и развивающий их дух оказался не востребуемым. По крайней мере в объемах, достаточных для одухотворения деятельности этих институтов. До

сих пор он, как не только нам кажется, не сумел прописаться в национально-культурном контексте.

Собственно говоря, дух и этику парламентаризма нельзя "освоить" в виде какого-то привлекательного и хорошо упакованного серийного продукта духовного импорта. Можно и безоговорочно нужно использовать мировой опыт парламентаризма, но насадить его нельзя ни коим образом: эффект отторжения последует без промедлений или не заставит себя долго ждать. Зерна опыта должны упасть на хорошо взрыхленную и обильно удобренную почву, чтобы дать всходы, а не на такую почву, где парламентские традиции или вовсе "не ночевали", или их семена были тщательно выполоты. Мы не желали бы очутиться в стане "особпутистов" и "эксклюзивистов". Ясно одно: данная этика должна быть продуктом инновационного акта, чтобы органически вписаться в нашу культуру, а не навязываться ей на манер петровских ассамблей. Это должен быть акт творчества именно российской, а не мировой демократии. Скорее всего, становление парламентской этики протекает крайне вяло.

Подобная констатация тем более верна, если мы говорим не об одном только кодексе парламентского поведения, который сравнительно легко принять и даже исполнять хотя бы частично, а о кредо, о нравственной философии российского парламентаризма как главном нерве, сердцевине депутатской этики. Хотя – будем справедливыми – по ряду признаков можно предположить, что нулевой цикл его созидания, инкубационная фаза поиска национальной идентичности парламентаризма уже миновала. Может быть осторожности ради лучше сказать, что возник ряд предпосылок для такого созидания. Прежде всего, в форме взносов в фонд общедемократических традиций, поступивших из сферы культуры, из "низовой" демократии и "малых" парламентов: федеративный парламент не варится в собственном соку, впитывая идущие извне демократические импульсы.

5. О нравственной философии российского депутатства и правилах честной политической игры

Попытаемся хотя бы пунктирно наметить главные сюжеты нравственной философии депутатства, лежащие в основе его кредо. Сразу же приходится уточнить, что мы не рассматриваем здесь этические координаты деятельности российского парламента в целом. Мы не занимаемся сейчас атрибуцией политических взглядов депутатов, программ парламентских фракций, принятых палатами решений, деклараций, законов и т.п. с точки зрения их нравственного смысла и значения.

Такая попытка неминуемо увела бы в безбрежную тему взаимодействия политики и морали. Пришлось бы определить нравственную "цену" того или иного политического курса, возобладавшего в парламенте, если в нем доминирует сплоченное большинство, и "цену" консенсуса, если в нем нет доминирующего большинства. Пришлось бы определиться с моральной легитимацией как политического курса, так и консенсуса, устанавливать способность общественной нравственности контролировать политическую деятельность органа представительной власти. Все это само по себе исключительно важно, тем более, что полностью отграничиться от политической практики в ее соотношении с моралью просто невозможно, особенно если обсуждаются кодекс и кредо политического поведения депутатов, содержание и границы их должностования и меры ответственности за него.

Политическая этика – напоминая о сказанном выше – формулирует и защищает правила честной политической игры. Они очень своеобразно увязываются с правилами политической целесообразности и политического искусства. И те и другие правила имеют деонтическую природу. Политик обязан быть успешным деятелем, ориентироваться на достижение своих целей по принципу максимальных результатов при минимальных усилиях. Долг депутата – отстаивать именно такую установку. В противном случае вся его легислатура просто обесмысливается.

Однако, ориентация на достижение программных целей и задач, достижение политического успеха (не обязательно громкого) лишь тогда нравственно

оправдана, когда не нарушается другое, не менее существенное должествование – необходимость соблюдения правил честной политической игры (не лицемерить, не обманывать, держать слово, выполнять взятые обязательства и т.п.), независимо от того, выгодно или невыгодно это делать в каждом конкретном случае. Понятно, игра при этом сразу же усложняется и с этим ничего не поделаешь! Соединить критерии успешности с критериями честности – лишь в конечном счете сплавляемые стратегии поведения – не так то просто. Но нельзя и уклониться ни от одной из них – достижение успеха не вообще в политике, а в честной политической игре является прямой обязанностью политика, частью его духовной амуниции (мы сейчас не затрагиваем вопроса об источниках такой амуниции – ими могут быть нравственное воспитание, полученное в детстве, при вторичной социализации, под влиянием какой-то среды, заразительного примера и т.п.).

Проще всего исповедовать деонтику политической необходимости, якобы дающую депутату индульгенцию на моральное отступничество и призывающую только по возможности минимизировать отказ от моральных ценностей. Политическая практика – сие известно всему свету – изобилует примерами подобного рода. Обычно под благовидным предлогом: где-где, а уж в политике без подобного оппортунизма нельзя добиться реализации благородных целей ("хотели как лучше"). Под эти предлоги подвешиваются стремления осклабить чуть ли ни всю страну, государство, какую-то отдельную группу населения и т.п. На такой почве легко вызревает феномен политического двуличия, лицемерия и цинизма, которых вскорости перестают стыдиться и подчас ими бравируют, почитают за доблесть, когда соревнуются в мастерстве по этой части в духе римского авгуризма. Забывается старинная и веками проверенная мудрость, согласно которой самая наиблагая цель, достигаемая лишь бесчестными средствами, быстро превращается в свою противоположность.

С другой стороны, нельзя смешивать честность с грубой прямолинейностью, негибкостью, наивностью, противопоставленным политику. Лавирование, компромиссы, умение комбинировать, находить хитроумные ходы – вещи совершенно необходимые депутату, но они вовсе не означают одобрения беспринципности, моральной нечистоплотности, бессовестности, трюкачества, демагогии, отказа от действий с "чистыми руками". Подобно тому, как можно было победить в безупречно честном рыцарском поединке или на дворянской дуэли с очень высокими ставками при проигрыше, так и в политике не раз было доказано, что можно вести честную игру и добиваться успеха.

От депутата требуется честность не только по отношению к обещаниям, данным избирателям, не только честность по отношению к "своим" (членам фракции, партнерам по коалициям, членам партии или движения), но и по отношению к "чужим" – к политическим оппонентам и даже противникам.

В качестве ответной реакции на практику морального отступничества от правил честной игры на политическую честность, весьма, к слову сказать, отличную по своим последствиям от честности бытовой, возникает ажиотажный "спрос". Недавно один наш видный политический деятель даже заявил по телевидению: дело не в новых идеях и не в программах, а в том, чтобы власть на своих вершинах была честной, не вралась и не воровала! Понять его можно. Но как-то забывается при этом, что власть, в том числе и власть представительная, должна быть эффективной, социально выверенной, ответственной и профессионально исполняемой. Когда же возникает дефицит на честность, тогда она становится самым ходовым товаром на политическом рынке и предметом опасных популистских спекуляций. С чем оказываются неразлучными самовосхваления парламентских "крикунов", да так, чтобы, как говорили прежде, белизна их риз слепила взор наблюдателю. С популизмом связана и коварная игра на естественной неспособности рядового избирателя разобраться в тонкостях политики, быть сведущими в ее профессиональных "тайнах".

Стремление согласовать установки на успешность своей деятельности (повторим – они тоже имеют характер непреложного морального требования, что часто упускается из вида) с политической честностью нередко ставит депутатов перед труднейшим моральным выбором, когда приходится поступить –

ся одной нравственной ценностью ради осуществления другой - нет иного достойного пути без подобной жертвы. Депутатам, не заглядывая в "святыни" кодекса, предстоит самим сделать верный выбор, то есть сопоставить противоречащие в конкретной ситуации друг другу ценности и взять на себя всю ответственность за выбор, за его ближайшие и отдаленные последствия (политическая этика - это прежде всего консеквенциональная, а не мотивационная система).

Если депутат - не пассивная, демонстрационная фигура в политике, неведомо как очутившаяся на парламентских скамьях и в полудремотном состоянии отбывающая свою представительную повинность (из таких образуется депутатское "молчаливое большинство", более возбуждающееся от шумных политических акций, нежели от кропотливой и "скучной" работы в границах законотворческой "каторги" со слабо выраженным игровым началом), то ему не уклониться от действий в пограничных ситуациях морального выбора. Нет таких не просто сибаритствующих "сидельников", да "молчаликов-траппистов", а реальных политиков, которым судьба благоволила бы столь очевидным образом, чтобы избавляла их от тягостной необходимости производить моральный выбор между ценностями и нести за него ответственность в полную меру. А это означает политический риск (избирательной кампанией, карьерой, имиджем, честным именем, состоянием) и выбор непременно тяжким грузом ложится на политическую совесть депутата (бремя вины перед другими и - скажем несколько высокопарно - перед страной и историей, самоосуждение, метаноя с изменением собственного "Я").

6. Бремя морального выбора: скромность самооценки

Справиться с бременем морального выбора и, по существу, с освоением кредо депутатства, его социальной миссии позволяет систематическое преодоление депутатами неадекватно преувеличенных самооценок и представлений о собственной исключительности, которые по требованию выдают "охранную грамоту" избраннику, когда тому оказывается удобнее уклониться от нравственной ответственности за содеянное. Хотя у парламентариев нет сильного ощущения личной власти, которым подчас располагает даже мелкий чиновник, у них есть ощущение значительности как собственной персоны, со сверхпрестижностью своих депутатских занятий, так и того, что творится в залах заседаний и в рабочих комнатах различных парламентских комиссий. Кажется, будто в этих помещениях могут решаться любые (а не строго определенные Конституцией) вопросы и там чуть ли ни делается История (ироническая фраза не предназначена девальвировать роль парламента в "производстве" исторических событий).

Политическая этика требует, чтобы депутат не почитал себя за жалкую марионетку лидеров фракций и исполнительной власти. Но она вместе с тем трезво предлагает оценивать депутатские права и возможности, предотвращая грех собственной заносчивости, выноса своих поступков за скобки общеобязательных нравственных суждений, импульсивное или намеренное уклонение от морального выбора с его непредписываемой "инстанциями" суверенностью решений и оценок. Такое требование политической этики облегчает и достижение компромиссов, столь необходимых для того, чтобы парламент функционировал как слаженный механизм, равно и для того, чтобы не идти на путь беспринципных компромиссов.

Между тем, в отечественной ментальности еще очень сильны предубеждения относительно компромиссов как нравственно оправданных и, тем более, достойных решений в конфликтных ситуациях. В сознании части депутатов еще не разрушена своеобразная диафрагма, которая задерживает все, что могло бы вести к смягчению политических (и персональных) конфликтов внутри и во вне парламентской жизни, что содействовало бы отысканию промежуточных позиций, с которых можно было бы вести переговорный процесс и не допускало бы применения варварского правила "все или ничего". И даже оправдывало бы компромиссы критерием выбора "наименьшего зла".

Вместе с тем, в той же ментальности, в которой компромиссы клеймятся как "измена принципам", "ловкачество", "попустительство" и прочее в лек-

сике двухцветного манихейского мира, удивительным образом уживается ориентация на бесконечное лавирование по бурным водам политического моря, когда стратегия как бы улетучивается, испаряется в тактике компромиссных забот или готовности подменить компромиссы уклонизмом, просто стовором, что превращает "меньшее зло" в зло абсолютное.

7. Бремя морального выбора: дух парламентского корпоративизма

Освоению ценностей и социальной миссии депутатства как условия для разрешения проблем морального выбора способствует дух корпоративизма, как составная часть нравственного кредо. Палаты российского парламента вполне подходят под обычное определение корпорации как относительно замкнутой ассоциации, которая на определенных условиях выражает интересы своих членов и защищает их. Это обстоятельство уже оказалось осознанным депутатами, несмотря на межфракционное противоборство, на отсутствие "символической общности" (в терминах евразийства) и зависимость от разделяющих депутатский корпус внепарламентских факторов (влияние интересов избирателей, которые представляют всевозможные группы давления, лоббистские команды, воздействие дисциплины партийных организаций и т.п.).

Однако, есть немало поводов думать, что при этом корпоративная идентичность наших парламентариев еще не осенена подлинным духом свободного объединения. Она больше побуждает припомнить об обособленном от предгражданского общества группизме с его желанием оградить себя от испытания риском, со стремлением получать побольше различных благ, не утруждая ориентацией на достижения политической системы и на свободное развитие самих корпорантов. Хотя внутри парламента, по всей видимости, так и не утвердились ценности патернализма и вассалитета рядовых по отношению к элитам палат, однако дают о себе знать настроения группового эгоизма, солидаризма, не ведающего самоограничений. Это весьма рельефно проявляется в случаях решения вопросов о парламентской неприкосновенности.

8. Бремя морального выбора: жизненное и профессиональное призвание

Нравственное кредо российского депутатства содержит ценности жизненного призвания. Лапидарная его формула гласит: социальная миссия представительной власти заключается в ответственном служении делу выражения и защиты общественного блага во властных структурах, не допуская авторитаристского отчуждения власти от пока еще инертного и расколотого общества, игнорирования его интересов и настроений, сужения социальной базы власти, маргинализации общества и личности по отношению к властным структурам. При этом служение общественному благу еще должно быть каким-то образом сочленено с пока непроясненным корпоративизмом, партийными и территориальными интересами и столь же неясным лоббизмом. Именно служение общественному благу и никакому иному лежит в основе морального выбора в ситуациях конфликта ценностей.

Понятно, что такое служение может потребовать от депутатов в ряде случаев самоотверженного поведения, чему лучше всего способствуют аскетическая мотивация политической активности и соответствующий нравственный идеал. Но самоотверженность, столь же очевидно, не может быть принципом политического поведения в повседневной деятельности парламентариев. Она не должна жестко противопоставляться личной заинтересованности депутата, чей нелегкий труд в общем-то неплохо оплачивается и связан с некоторыми материальными льготами. Депутат – не "святой" и не "отшельник", а потому оплата его труда означает "честное пропитание" профессионала и оказывается одним из источников независимости его политического поведения.

Хуже, если подобная заинтересованность сопровождается не искренним интересом к самому делу, побуждается не мотивами служения ему, а лишь декорацией подобного служения: публичность деятельности парламентариев

подталкивает их к тому, чтобы постоянно демонстрировать свою неиссякаемую озабоченность состоянием общественного блага. И делать вид, будто собственные материальные, карьерные, престижные, властолюбивые соображения их ни капельки не беспокоят. Другой вопрос, демонстрируют ли они такую озабоченность с подлинным артистизмом или же делают то же самое бездарно и постыдно, заигрывая с отсталой в культурном смысле частью электората (в скобках заметим, что парламентская жизнь неизбежно театрализуется, становится по своему привлекательным зрелищем и в том нет прегрешения, если только при этом не утрачивается эстетическая мера).

Этику интересует, понятно, не показная ответственность за исполнение своих обязанностей, не способы переноса ответственности с отдельных лиц на всю парламентскую корпорацию или, скажем, на фракцию, а неподдельный дух призвания. Такой дух органически соединяет призвание жизненное с призванием деловым, воплощает профессионализм депутата как политика и как законодателя, не позволяя профанировать профессиональное искусство политика, превращая его в шарлатанство, в грубые приемы популизма и манипулирования сознанием избирателей. Он не только помогает смягчить последствия "нервной работы" депутата, свыкнуться с ее прозаическими аспектами, но и создает заслон недоброжелательности и некомпетентности в этой работе, не позволяет депутату беспечно отлеживаться на парламентской "печи", накапливая энергию для постпарламентской карьеры: ему суждено расточать ее прежде всего в стенах парламента за весь срок, на который он избран.

Дух этот - свидетельство жизненного предназначения в том смысле, что "политиком не становятся, а им рождаются", что служение делу предполагает наличие ряда особенностей ума и характера, которые, конечно, можно и развивать, но для этого их надо сначала иметь. Депутаты поэтому различаются не только политическими цветами, но и по степени понимания ими стоящих перед парламентом проблем, по уровню профессионализма и по нравственным основаниям принимаемой ими ответственности.

Служение делу в целом содействует смирению, а не сознанию собственной исключительности, о чем уже говорилось ранее. У преданного делу человека сильно выражено желание глубокого душевного равновесия, удовлетворенности своей деятельностью. Это характерно для всякой творческой личности, но такое равновесие на парламентском поприще, к сожалению, достигается с трудом, постоянно нарушается, разбалансируется.

9. Служение делу и самореализация

Разумеется, служение делу - явление однопорядковое с самореализацией человека. Но нельзя не признать существование известной асимметрии между "одухотворенным прагматизмом" служения делу и самореализацией человека. Допустим, художническая натура склонна предпочитать самовыражение, тогда как люди с политической жилкой предпочитают сделать выбор в пользу служения делу. Соответственно, для достижения успеха в служении делу необходима мобилизация морально-деловых качеств личности, тогда как для успеха в самореализации необходим весь человек - "с головы до пят". Возникает нужда в предъявлении всех его моральных качеств.

Служение делу, как и музам, не терпит суеты, однако ранг самореализации, думается, все же выше ранга дела. Самореализация депутатов происходит как в парламентской работе, так и в досуговой деятельности и именно она чаще всего ставит человека в позицию критики самого себя, критики своего служения, той этики служения, которой он следует (благостная самоирония). Она вовлекает человека в наиболее сложное из всех существующих и возможных искусств - творения самого себя. Преданность правилам этого искусства не позволяет обмануть, "переиграть" самого себя: ставкой служит не только дело, но и вся жизнь. И прав был американский философ Эрик Хоффер, когда восклицал: "Насколько самопожертвование проще самореализации!".

После всего сказанного о нравственном кредо депутата возвратимся к задачам этических комитетов парламента. Им предстоит труднейшая работа по этической экспертизе и консультированию принимаемых решений в сложных

нестереотипизированных нравственно-конфликтных ситуациях, когда сталкиваются ценности различного достоинства и различного значения в поликультурном пространстве нашей страны, а выбор одной из ценностей не увеличивает этического достоинства других и даже может их попираť. Комитеты обязаны распространять хорошо выверенные в профессиональном и адекватные в этическом смысле представления об основах и нормах кодекса парламентской корпорации, культивировать ценности и оценочные трафареты этого кодекса, наблюдать за тем, как эти ценности и правила честной парламентской игры "работают" в реальной деятельности политиков. На плечи комитетов выпадает и задача по реформированию кодекса по мере накопления практического опыта существования российского парламентаризма и кристаллизации его традиций.

Д.А. Юрьев

Блеск и нищета российского депутатства

Эта статья посвящена исследованию феномена нового российского депутатства, возникшего в ходе политических реформ 1988-1989 годов, с точки зрения его политической состоятельности (несостоятельности). Ни у кого не вызывает сомнений, что политическая роль "депутатства" на рубеже так называемой перестройки оказалась в чем-то решающей. Но, пожалуй, ни одно другое явление политической жизни общества того времени не получило столь разноречивых, зачастую противоположных оценок. От "первой трибуны демократии" и "высшего органа народовластия" до "главного тормоза реформ" и "нового воплощения КПСС", от одной защиты Белого дома до второй - все эти оценки и действия людей вытекают из парадоксальной, двойственной природы самого явления.

Попробуем проанализировать эту двойственность и некоторые реальные последствия ее проявления с точки зрения развития политического процесса, связанного со становлением новой российской государственности в 1989-1995 годах.

1

Парадоксальность и двойственность системы представительных органов власти в нашей стране после 1917 года - подчеркивались самоназваниями государства и населения: Советский Союз, Советская Россия, советский народ, порожденными словом "Советы" (Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Советы депутатов трудящихся, Советы народных депутатов), названием представительных органов власти.

Уникальная в мировой истории "парламентская топонимика", изначально сакрализирующая органы народного представительства, сочеталась с откровенно демонстрируемым фасадным характером этих органов, изначально служивших исключительно декорацией (в лучшем случае - вспомогательной структурой) для подлинных органов власти (комитетов КПСС и иных структур номенклатурной системы). Характерно, что номенклатурная система, относясь к Советам с циничным пренебрежением, в то же время вполне серьезно и даже с некоторым надрывом осознавала и именовала себя "Советской властью".

Этот парадокс создал одну из осей внутрисистемного напряжения, которая послужила причиной нестабильности и развала прежней системы в ее традиционной форме. Следует подчеркнуть, что возможность использовать в целях политической борьбы против всевластия коммунистической партноменклатуры классический коммунистический лозунг "Вся власть - Советам!" стала мощным рычагом воздействия со стороны населения на процесс затеянной номенклатурным руководством внутрисистемной перестройки.

Советы, которым инициаторы политической реформы, формально начатой решениями XIX всесоюзной конференции КПСС летом 1988 года, отводили исключительно роль инструмента для повышения эффективности партийно-государственной власти, неожиданно стали приобретать характер высоко поднятой легальной площадки для публичной политики, оппозиционной власти КПСС.

Вдобавок ко всему, пытаюсь застраховаться от возможных негативных последствий излишних демократических эксцессов, авторы конституционной реформы 1988-1989 годов создали, как им казалось, непробиваемую систему формирования верхушки советской пирамиды - систему, предназначенную для гарантированного сохранения контроля за формой и кадровым составом соответствующих структур. Однако положенные в основу системы принципы прямого и неравного представительства, основанные на попытке в обновленном виде использовать некоторые формы организации "Советской власти" в ее первые годы, привели к последствиям, совершенно неожиданным и прямо противоположным задуманному.

Создание, наряду с Верховным Советом, стоящего над ним гипертрофированного "высшего органа власти" - Съезда народных депутатов СССР (и РСФСР), "полномочного принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос", стало бомбой замедленного действия, подложенной номенклатурой под систему обеспечения собственного всевластия.

Уже само обозначение "народных депутатов" не "депутатами Совета" (народными представителями, делегируемыми в состав того или иного Совета), а "депутатами СССР (РСФСР)", то есть народными представителями, народными избранниками безотносительно какого-либо конкретного органа власти, резко затруднило характер управления их волеизъявлением и сформировало (возможно, на подсознательном уровне) представления о Съезде депутатов как о некоем наконец-то возникшем прообразе Земского собора (или Учредительного собрания), призванного и могущего положить конец номенклатурной узурпации власти в стране.

Конкретным выражением таких политико-психологических представлений стали проекты Декретов о власти (академика Андрея Сахарова на союзном Съезде в 1989 году и группы депутатов во главе с Владимиром Варовым на российском Съезде в 1990 году), прежде всего ориентированных на делегитимацию системы управления, ядром которой по-прежнему были органы коммунистической партии, и на самоопределение Съезда депутатов в качестве высшего народного представительства, возвращающего в своем лице власть, отбираемую у КПСС, всему народу в целом.

Несколько карикатурной, но очень характерной иллюстрацией таких представлений (доведенных, правда, до абсурда), - проект Закона о депутатском статусе, предложенный одним из запомнившихся народу союзных депутатов Александром Оболенским (он прославился своим несостоявшимся самовыдвижением в качестве альтернативы Горбачеву в ходе первых выборов Председателя ВС СССР). По проекту Оболенского, народный депутат СССР, избранный от избирательного округа, приобретал там полномочия чуть ли не "комиссара Конвента" времен якобинской диктатуры - он должен был получить право приостановки решений любого органа местной власти и некоторые иные функции "вершителя судеб". Столь же характерен факт, связанный с поправкой депутата Геннадия Бурбулиса к официальному проекту Закона о статусе депутата, где к длинному списку прав и обязанностей депутата предлагалось добавить право "разрабатывать и издавать законы" (любопытно, что официальная комиссия этот момент при разработке проекта упустила).

Таким образом, предпосылки особой роли союзно-российского депутатства на рубеже 80-90-х годов были заложены уже самой природой псевдосоветской власти и навязанной партийным руководством реформы 1988 года. Эти предпосылки оказались в полной мере реализованы в первые же дни работы союзного (май 1989) и российского (май 1990) съездов.

Уже на союзном Съезде появилась группа депутатов, которая, несмотря на свое очевидное меньшинство, стала вести себя как моральный победитель по отношению к "агрессивно-послушному большинству". Эти депутаты с первых же минут начали реализовывать совершенно новые, революционные для оставшегося в тот момент тоталитарным, однопартийным государством Советского Союза функции:

- общественного контроля за деятельностью власти (вплоть до возбуждения публичных дебатов и даже публичного расследования по вопросам, связанным с незаконной деятельностью представителей власти - например,

комиссии по событиям в Тбилиси, делу Гдьяна-Иванова, секретным протоколам Риббентропа-Молотова);

- публичной критики кадровой политики власти (выступления А.Собчака и ряда других депутатов по поводу предложенных Политбюро ЦК кандидатов на высшие посты, отклонение кандидатуры на пост председателя комитета конституционного надзора и пр.);

- легального и защищенного от преследований места публикации альтернативных официальным взглядов и точек зрения;

- участия в общественной экспертизе разрабатываемых властью нормативных актов (с возможностью приостановки их принятия и даже внесения в них изменений в соответствии с общественными настроениями).

Заметим, что на этом этапе "депутатство" было не только не тождественно "власти", но и в чем-то альтернативно ей, выступало в качестве механизма воздействия населения на "власть". "Законотворчество" в списке первичных функций "депутатства" практически не фигурировало и, главное, практически не осознавалось населением и самими депутатами как первая и основная задача депутатской деятельности. Уже в тот момент проявились первые признаки будущего кризиса советско-российского депутатства.

Ориентированность на революционные функции, на роль учредительного собрания, изначально не вписывалась ни в какую долгоиграющую систему демократического парламентаризма, альтернативную тоталитарной системе. Вместо буржуазной парламентской говорильни, совершенно верно (хотя и не без тавтологии) отмечал в 1988 году генсек Горбачев, - страна получила наш, советский орган народной власти", лишенный внутренних стабилизационных ресурсов и способный к конструктивной деятельности исключительно в условиях жесткого противостояния внешней угрозе.

Уже к началу 1990 года (момент учреждения поста Президента СССР на III союзном Съезде) стало очевидным, что позитивная, творческая потенция этого сообщества депутатов исчерпана. Не столь ярко и наглядно, как затем на российском Съезде (все-таки реальная власть еще сохранялась в руках партийного руководства), осуществив свои первые революционные функции и воздействовав преимущественно на настроения рядовых граждан, депутатский корпус Союза как бы исчерпал себя (причем чуть ли не к исходу I Съезда) и стал первым наглядным выражением того явления, которое можно было бы назвать "демократией одноразового пользования".

2

Судьба российского депутатского корпуса оказалась куда более драматичной и богатой масштабными последствиями как для самих депутатов, так и для страны.

Под влиянием первых союзных Съездов и под воздействием общественного мнения конституционная реформа в РСФСР была избавлена от наиболее одиозных форм партийного контроля за результатами выборов: не предусматривались "окружные предвыборные совещания", дававшие на союзных выборах возможность произвольно отсеивать неугодных властям кандидатов - все депутаты избирались только от округов.

На I съезде народных депутатов РСФСР, созванном в мае 1990 года, члены КПСС и беспартийные присутствовали как в группах "коммунистов", так и в "Демократической России", причем каждый депутат выступал на выборах с собственной программой. Однако практически всем кандидатам пришлось пройти через борьбу с несколькими соперниками, зачастую - в два тура. Почти все депутаты набрали в итоге более половины голосов участников голосования (остальные получили более 40% голосов).

Меры компартийного противодействия "демократической угрозе" на выборах свелись к их информационной блокаде. Впрочем избиратели имели определенные способы борьбы против "фактора случайности". Во-первых, они могли "поправиться" во втором туре голосования. Во-вторых, у них существовал четкий критерий отбора - большая часть кандидатов, как правило, была вынуждена обозначать, "за кого" они: за представителей традиционного одиозного аппарата или за "новых людей", "демократов" и "сторонников Ельцина".

В результате, как правило, решение избирателей носило осмысленный характер, а депутаты оказывались куда более жестко связаны этим решением граждан, нежели на то рассчитывало тогдашнее руководство и они сами. Неожиданная для многих победа Ельцина на выборах Председателя ВС РСФСР отразила именно эту вынужденную связанность избранников со своими округами, невозможность для большинства из них, прошедших предвыборную горловину, проигнорировать общественное мнение.

Избирательная кампания 1990 года была обустроена властями именно так, чтобы в российский парламент прошло как можно меньше профпригодных людей. Спринтерские сроки выборов, "игольное ушко" ограничений собраний по выдвижению, информационная блокада и т.д. резко повысили роль случайного фактора при формировании депутатского корпуса. Времени на глубокое понимание программ и деловых качеств кандидатов не было, и для победы на выборах оказывалось достаточно "значка" типа "за Ельцина", "хороший директор - даст нам жилье", "за коммунистов" и т.д.

Поэтому "демократическое крыло" депутатского корпуса, действовавшее в течение первого года сплоченно и направленно, на самом деле было разнородным и разрозненным, составленным из разных людей, зачастую не имеющих - ни административного, ни милицейского, ни военного опыта, политических способностей, основанных на глубоком понимании процессов в стране и обществе, ни ответственности за дело, которая должна превышать стремление к самоутверждению. Короче, опыта и способностей, вырабатываемых многолетней (и отсутствующей в нашей стране) традицией независимой общественной самодеятельности.

Соответственно, "демократическое крыло", не имея привычки к цивилизованной регламентации политической практики, по необходимости воспроизвело в парламенте атмосферу митинга, подменив парламентскую демократию демократией вечевой. Такая демократия вполне соответствовала, с одной стороны, ситуации усиливающейся борьбы за власть, а с другой - непарламентской сущности Советов как органов, обладающих всей полнотой власти, своего рода многоэтажных "революционных Конвентов". Соответствовала "вечевая демократия" и амбициям многих демократических депутатов - этих партизан "холодной гражданской войны", их направленности на обладание хотя бы частью распорядительно-распределительных и контрольных полномочий.

Так или иначе, но с начала своей деятельности Съезд народных депутатов РСФСР приобрел некоторые черты органа власти и управления или органа управления оппозиционным движением против действующей власти.

Когда летом 1990 года в Белом Доме появились сотни депутатов, собиравшихся заниматься какой-то реальной (а не ритуальной) деятельностью, - это придало ситуации вокруг российского парламента совершенно новаторский характер.

А тут еще персоналии. Яркие, интересные люди - и не очень яркие, блестящие политики - и не очень умелые, люди совершенно нового типа и стиля, пришедшие к власти без разрешения и принявшие за дело вопреки мнению тех, чье разрешение и мнение еще недавно бетонной стеной ограничивали пределы возможного. А главное, люди из совсем иной социальной среды - и создающие совершенно иную политическую среду, а вернее - не иную, а первую, потому что тоталитарная система - это принципиально внеполитическое явление.

Благодаря совокупности всех этих факторов российское депутатство стало резко отличаться от депутатства союзного. С одной стороны, российское депутатство не находилось в таком фокусе воспаленного общественного внимания. Отдельные действия, слова и поступки, которыми человек мог прославиться и войти в историю на I союзном Съезде, на российском Съезде погоды не делали. Не было и таких возможностей приобрести общенациональную известность. Из-за "вторичности" российской избирательной кампании и уклонения от участия в ней, с подачи "пророка" Г.Х.Попова (напомним, он предрек безусловное поражение демократов на выборах в депутаты РСФСР) и

наиболее известных "межрегионалов", на российском Съезде оказалось значительно меньше, чем на союзном, ярких и "статусных" фигур.

Но, с другой стороны, права и возможности российского депутатского корпуса сразу же оказались несопоставимы с псевдоправами депутатов союзных.

Российский съезд, помимо своей воли, приобрел совершенно новые функции: 1) координирующего органа политической борьбы с правящим режимом; 2) источника реальной власти некоторых исполнительных структур (реальные, а не мнимые выборы высших должностных лиц республики); 3) источника ряда нормативных актов; 4) принципиально нового кадрового резерва, альтернативного номенклатурной системе "подбора и расстановки кадров".

В этой ситуации эффективность и результативность деятельности депутатского корпуса РСФСР на какое-то время приобрели неожиданный, даже феноменальный характер. Мизерной группе откровенных противников власти КПСС, несмотря на мощную организационную структуру противостоящих им прямых посланцев Старой площади, удавалось решать фантастические задачи, делать казавшиеся невозможными шаги в ключевых направлениях, подрывать власть КПСС и навязывать партгосноменклатуре невыгодные ей решения.

За период с мая 1990-го по июнь 1991 года удалось добиться избрания главного "врага" руководства КПСС - Бориса Ельцина - на высший пост в республиканской иерархии; сформировать частично лояльное по отношению к Ельцину и курсу "демократических реформ" правительство; осуществить ряд действенных мер по деполитизации и департизации, по обеспечению государственного суверенитета России и разворачиванию экономических реформ; наконец, добиться радикальной политической реформы, итогом которой стало введение поста президента РСФСР, избираемого всем народом.

Одной из причин такой яркой состоятельности первого года российского депутатства была социально-политическая ситуация в стране.

В составе корпуса народных депутатов РФ 22, 36 и 21 % депутатов на момент избрания занимали должности, соответственно, в высшем, среднем и низшем эшелонах управления, и только каждый пятый депутат был представителем рядовых профессий. До июля - августа 1991 года курс российского Съезда являлся результатом сложного переплетения интересов представителей широких слоев населения, стремящихся к ликвидации несправедливой номенклатурной системы, к подлинно демократическим преобразованиям, и интересов представителей значительной части среднего и низшего звеньев номенклатуры, недовольных своим подчиненным положением в закосневших рамках иерархии союзных и партийных структур. Это привело к тому, что российский Съезд, хотя и с огромным трудом, преодолевая активнейшее сопротивление посланцев ЦК КПСС, делал шаги, которых не ожидали высшие номенклатурные руководители. Последние исходили из вышеприведенного анализа социально-профессионального состава Съезда. Например, В.Воротников в своем интервью "Правде" накануне I российского Съезда прогнозировал поддержку позиций "ДемРоссии" 21% депутатов, что точно соответствовало числу представителей рядовых профессий.

Однако после августовского путча, в связи с распадом союзных структур и запретом деятельности КПСС, ситуация в российском депутатском корпусе резко изменилась. Вместо ожидавшегося триумфального выхода на главные роли второй и третий эшелоны номенклатуры столкнулись с попыткой радикальных политических и экономических реформ, которая, если бы завершилась успехом, в корне подорвала бы основы экономического, политического и социального существования номенклатуры, навсегда лишила бы ее привычного привилегированного положения.

В этой ситуации произошла естественная консолидация еще недавно противостоящих друг другу депутатов и политических сил. Социальная структура Съезда получила, наконец, исчерпывающее политическое воплощение, предсказанное В.Воротниковым в 1990 году. Верховный Совет и бывшая союзная экономическая элита стали проводниками политических интересов номенклатурного слоя.

С введением в июле 1991 года президентства, поддержанного многими демократами по инерции борьбы за усиление позиций демократического движения, против номенклатурно-коммунистического "Центра", неожиданно произошло катастрофическое для многих превращение "Конвента" (высшего органа власти) в "Конгресс" (орган законодательной власти). Оказалось, что цивилизованный законодательный контроль - это не вечевое всевластие, не шляхетский беспредел множества суверенных "не дозволяем!", то есть вовсе не то, что только и насыщает смыслом существование политических дилетантов, частью не способных, а частью - просто не успевших еще стать профессионалами.

Естественной реакцией на такое изменение, в сочетании с отмеченными выше человеческими качествами определенной части депутатского корпуса, стала рефлекторная оппозиция депутатского корпуса любым действиям независимой исполнительной власти, главная вина которой - ее независимость.

Внутреннее устройство номенклатуры, основанное на одноканальной ответственности низших перед высшими при полной безответственности самых высших, как раковая опухоль пронизало изнутри структуру советской демократии дилетантской системой, понимающей разделение властей как разделение власти и ответственности, всякий раз перекладывающей ответственность сверху вниз (и в сторону) на правительственных "мальчиков для битья", - и в результате не отягощенной никакой ответственностью.

Кроме того, к моменту начала функционирования российского президентства произошла существенная модификация социального статуса подавляющего большинства депутатов.

Если в 1990-91 годах, говоря о социально-профессиональной принадлежности депутата, мы брали в расчет только его должность на момент избрания: за год не могло в корне измениться социальное самоощущение человека, тем более, что принадлежность к российскому депутатскому корпусу (в отличие от союзного) в тот момент не означала еще автоматического приобщения к власти (скорее, к "легальной оппозиции"), а навыки социального поведения, сформированные всей предшествовавшей жизнью депутата, превалировали над его только начинающим складываться новым самоощущением "государственного человека", - то теперь ситуация кардинально переменялась.

Полгода работы "в должности" главного Совета страны, реальные властные полномочия, отсутствие "старшего брата" в лице более (ранее) привилегированного союзного ВС - все это превратило к началу работы первого после распада СССР VI Съезда народных депутатов России (апрель 1992 г.) бывших профессоров вузов, директоров предприятий и т.п. в высших номенклатурных чиновников не только по должности, но и по самоощущению и социальному поведению.

Более того, депутатский корпус из средоточия оппозиционных, бунтарских "антисоюзных" настроений превратился в реальный источник власти и - что очень важно, связанных с ней повышенных возможностей и привилегий. Начала складываться новая корпоративная общность людей - Съезд российских депутатов, - объединенная, поверх ранее бытовавших барьеров, общностью социальных интересов, стремлением к консервации своих социально-профессиональных возможностей и повышенного статуса.

Так или иначе, одномерная политическая структура российского депутатского корпуса, порожденная одномерным же социальным противостоянием в стране между верхушкой партноменклатуры и подавляющим большинством "непривилегированного" населения, оказалась искажена (на фоне усиления и обострения прежнего противостояния в рамках общеполитической ситуации) процессами модификации социального статуса депутатов, сводимыми, во-первых, к появлению у них автономных корпоративных интересов, меняющих политические приоритеты на приоритеты личной заинтересованности, а во-вторых, к отрыву от нужд и интересов избирателей.

При этом кажущаяся независимость двух - "номенклатурной" и "депутатской" ("неономенклатурной") реакций самозащиты на самом деле была фикцией: обе "оси" уводили депутатов от защиты интересов народа, от демократических преобразований в противоположную сторону, где две прежние крайности - номенклатурный и "демократический" социальный реванш, - как формы обеспечения социальных притязаний их носителей, смыкаются и оказываются двумя сторонами одной медали: стремления не допустить установления подлинной демократии в политике и экономике, при которой репрессивно-распределительные функции государства (а следовательно, привилегированное положение госчиновников) сводятся к минимуму, а в перспективе к нулю.

Кроме того, самозамкнутость депутатского корпуса, утрата реальных связей с избирателями в сочетании со своеобразным моральным и культурным уровнем корпорации в целом привели к резкой персонификации политики. Мощным дестабилизирующим фактором во взаимоотношениях между депутатами и Президентом стал обман их карьеристских ожиданий. Привыкнув к самоощущению "главного кадрового резерва", попав под дурманящее воздействие нестандартной (по советским меркам) депутатской карьеры, приведшей многих из самых глубин провинциальной жизни на авансцену власти, продолжая ощущать власть в рамках тоталитарной традиции как высшую и главную ценность, как единственный источник благополучия и многообразных привилегий, многие депутаты восприняли "неназначение" их в структуры исполнительной власти не просто как личное оскорбление, но и как глобальное политическое предательство со стороны "приведенного ими к власти" президента Ельцина.

Характерна психологическая деталь - жизнь рядовых избирателей оказалась настолько далека от народных избранников, что совершенно выпала из поля их зрения, поэтому все происходящее в стране, включая двойную победу Ельцина на референдуме в марте и на выборах в июне 1991 года, депутаты проецировали внутрь залов заседаний Верховного Совета и Съезда и никаких иных социальных, политических и иных факторов просто не желали видеть.

Начался период агрессивного противостояния депутатского корпуса Президенту, правительству и "курсу реформ". Все это на короткое время создало иллюзию "превращения системы Советов в главный тормоз реформ". Более того, на фоне временного исчезновения (из вида) явных и реальных центров власти в лице органов КПСС-КГБ, внутри депутатского корпуса, этой весьма небрежно подобранной группы людей, в определенный момент - после августа 1991 года - возник соблазн вообразить себя "высшим органом советской власти". В рамках созданной почти исключительно в демонстрационных целях "парламентской" структуры наступило взрывоопасное соединение реальных 9и почти не ограниченных) законодательно-распорядительных функций, порядков жестко выстроенной иерархической конторы с доведенной до предела личной (в том числе имущественной) зависимостью каждого работника-"депутата" от вышестоящего начальства (в лице Спикера Всея Руси Хасбулатова) и порожденного случайностью отбора основной массы "избранников". В результате от Белого Дома повеяло чем-то угрюмым и опасным. Одурманенные то ли запахом "наркотических веществ", то ли вкусом недоприватизированного жилья, озабоченные решением проблем многочисленных родственников и прочих соплеменников, "избранники" за короткое время значительно превзошли по скорости криминализации своих кремлевских предтеч из союзного депутатского корпуса.

Наиболее откровенно внутреннее самоощущение депутатского корпуса в этот период констатировал сам Руслан Хасбулатов, сформулировавший в конце августа 1993 г. тезис: "Советы - это и есть народ на современном этапе".

Все это вместе взятое не было и не могло быть ничем иным, кроме как лишь одним из отражений общей перегруппировки сил, перегруппировки, ставшей элементом социальной самозащиты "управляющего слоя". Ни в какой момент своей истории "партия" не воспринимала всерьез "парламентские" (и вообще легальные) формы своей деятельности. И неужели же "система Советов", насквозь пропитанная "бывшими" номенклатурными функционерами, могла в одночасье, вопреки базовым основам политической ментальности и социального поведения этого весьма инертного, консервативного сообщества, стать

главным тормозом или чем-то там еще главным? Конечно, нет. Порядок и способ формирования, персональный состав и история деятельности ВС РФ безвариантно аттестуют его как одну из типичных оргструктур "запрещенной КПСС". Тоталитаризация российского Съезда, его превращение в инструмент номенклатурного реванша – все неминуемо вело к самолишению Съезда функций реального центра власти, к исключению депутатского корпуса из сферы возможного влияния на политическую ситуацию, к фактическому политическому самоуничтожению российского депутатства призыва 1990 года.

Связь с избирателями оказалась нарушена необратимо. Уже к середине 1992 года депутатский корпус полностью оторвался от общественных настроений, поскольку социальное давление народа не имело конкретных форм, а воспоминания о выборах у самих депутатов поблекли. Это стало совершенно понятно избирателям и позволило им в апреле 1993 года в условиях значительного падения уровня жизни и экономического кризиса не колебаться при ответе на вопросы референдума. Выбирая между реальной властью, допускающей ошибки и ухудшающей условия жизни, и структурой, узурпирующей права народа и пытающейся стать его заместителем во взаимоотношениях с властью, и тем самым лишая народ возможности влиять на власть, – граждане, не колеблясь, выбрали власть и проголосовали против полностью саморазрушившегося, абсолютно несостоятельного российского депутатства 1990 года.

Это позволило Ельцину в сентябре 1993 года при молчаливой поддержке большинства народа "прервать осуществление законодательной, распорядительной и контрольной функций Съезда народных депутатов РФ". Более того, граждане, измученные невменяемым и агрессивным поведением депутатов, потребовали от Президента России "защитить их от этой проклятой Конституции" (имелась в виду Конституция, дающая бесконтрольные полномочия Съезду депутатов). В последние дни своего "посмертного существования" депутаты стали вдохновителями вооруженного мятежа в Москве и едва не ввергли страну в гражданскую войну. В кризисной общественной ситуации Президент утвердил "Положение о выборах" депутатов нового парламента.

4

"Положение о выборах", утвержденное в 1993 году и воспроизведенное в новом законе, стало основой первой в истории России после 1917 года многопартийной избирательной кампании. В кратчайшие сроки было объявлено о создании 35 "избирательных объединений", из которых только 13 сумели собрать требуемое количество подписей. Во всех избирательных документах фигурировали названия объединений (зачастую красочные) и имена первых трех лиц каждого списка (зачастую известные, многие были привлечены в последний момент для придания политически невнятного списку личностной привлекательности).

Преодолели пятипроцентный барьер и разделили между собой 225 депутатских мест восемь объединений. "Свои избиратели", устойчиво поддерживавшие вполне очевидную им позицию и политику, а не случайным образом подавшиеся на телевизионные обещания и обаяние личностей, – по нашему мнению, были только у списка КПрФ и – с поправкой на раскол среди избирателей-демократов – у "Выбора России". Кстати, именно коммунисты и "Выбор России" получили наибольшее число сторонников, избранных по одномандатным округам. Почти не оказалось одномандатников среди жириновцев – "партия-победитель", ЛДПР выехала исключительно на телевизионной псевдохаризме Владимира Вольфовича и не имела бы никаких шансов при реальном соревновании с партийными активистами других партий и беспартийными в округах.

За списки объединений, представлявшихся "демократическими" ("Выбор России", "ЯБЛОКО", ПРЭС, РДДР, ДПР), проголосовали 39,7% участвовавших в голосовании (20,1% от общего числа избирателей), за списки "центристов", умеренно-демократической альтернативой "курсу реформ" ("Гражданский союз", "Женщины России", "Кедр", "Будущее России – новые имена"), – 12,8% (6,5% от общего числа), за представителей радикальной оппозиции (АПР, КПРФ, ЛДПР) – 43,3% (21,9%). Против всех проголосовали 4,2% (2,1%) избирателей, и 49,4% от общего числа избирателей не голосовали.

После формирования в начале 1994 года думских фракций (из числа депутатов как списочников, так и одномандатников) и обозначения их позиций стало ясно, что приблизительный расклад сил в Думе таков (имеется в виду шкала политических позиций, которая существовала в России на рубеже 1993-1994 годов): 22% мест - у "демократов" ("Выбор России", "Союз 12 декабря"), 12,8% - у "центристов" (ПРЕС, "Яблоко"), 1,8% мест - у независимых депутатов и, наконец, 63,4% - у "оппозиции" (ЛДПР, АПР, КП РФ, ЖР, ДПР, "Российский путь", "Новая региональная политика").

Характерно, что 225 "списочных" мест в парламенте оказались распределены между депутатами, не несущими личной ответственности ни перед одним российским избирателем. Нет способа обеспечить соответствие позиций этих депутатов позициям и требованиям голосовавших за "списки" избирателей (депутаты-списочники свободно переходят в другие фракции). Нет устойчивых социальных связей "партийных фракций" с общественными группами и слоями. Расклад сил в Думе, вопреки солидарному мнению большинства российских "политологов", никоим образом не отражает "срез современных настроений в обществе".

Голосование "по общефедеральному округу" стало голосованием действительно абсолютно тайным, поскольку полной тайной для избирателя было то, за что он голосовал. Навязанная избирателям фиктивная многопартийность привела к тому, что в целом "демократически" настроенный электорат (поддержавший проект Конституции) оказался запутан (причем запутан умышленно) и избрал по партийным спискам "оппозиционное" большинство.

Анализ результатов выборов 1993 года по партийным спискам приводит к выводу: предложенная избирательная система стала шагом назад даже относительно ситуации 1990 года и ближе всего находится к "демократии" образца Съезда народных депутатов СССР. Тогда, в 1989 году, руководство КПСС, "позволив" под своим контролем выдвигать "как правило, больше кандидатов, чем имеется мандатов", подстраховалось закреплением за собой и своими сателлитами одной трети (а не половины) депутатских мест, заполняемых через "партийные сотни". При этом квоты для "сотен" - "общественных организаций" - устанавливались руководством КПСС директивно.

Все отличие системы 1993 года от системы 1989-го - в принципе исчисления квот. Там - произвол компартийной верхушки. Здесь - "генератор случайных чисел", рулетка, когда люди выбирают из более чем десятка до толе неизвестных им "объединений", подающих себя, как правило, таким образом, чтобы максимально замаскировать свои реальные особенности и отличия от соперников (если есть что маскировать).

Действительно, за депутатов, победивших в одномандатных округах, проголосовало, по нашим данным, 31,4% избирателей, принявших участие в выборах. Против этих кандидатов, т.е. за других кандидатов и против всех, проголосовали 68,6% участников голосования. Депутаты Госдумы представляют результат выбора -15,1% от общего числа избирателей. Некоторые депутаты прошли в Думу решением "большинства" менее чем 10% от числа участников и менее чем в 5% от общего числа избирателей округа. Только благодаря однотуровой системе в Думу прошли некоторые кандидаты-экстремисты, поддержанные наиболее консолидированным экстремистским меньшинством, не имевшие никаких шансов на поддержку здравомыслящего большинства во втором туре (Невзоров, Н.Лысенко, Жириновский и пр.). Фактор случайности, принцип "вавилонской лотереи" стал определяющим не только в "списочной", но и в "одномандатной" части избирательного процесса. Госдума стала парламентом абсолютного меньшинства, где сознательно выраженные позиции абсолютного большинства участников выборов проигнорированы.

Как это ни парадоксально, успех псевдопартий в борьбе за принятие их варианта закона о выборах ведет к разрушению зачатков партийной системы в России. Более того, ничто не нанесло перспективам российских партий большего ущерба, чем применение "списочной" системы в декабре 1993 года и утверждение нового закона в 1995 году.

Соблазн пройти в Думу, стать парламентской фракцией сразу, минуя стадию реального становления партии, стадию создания социальной базы и

эффективной инфраструктуры, завел в тупик даже те организации, которые имели к концу 1993 года хорошие стартовые условия – например, коммунистов и "Выбор России". Оказавшись в парламенте, никто из них не стал наверстывать упущенного хотя бы задним числом. Сведя партийную деятельность почти исключительно к деятельности фракционной, внутрипарламентской, причем – благодаря специфике и уровню действующего депкорпуса – к деятельности самодовлеющей и самозамкнутой, "партии" практически не использовали предоставленное им время – целых два года – для того, чтобы зафиксировать себя в общественном сознании, собрать социально значимые и постоянно действующие команды активистов на местах. Ни у одной из действующих в парламенте "партий" не возникло – менее чем за шесть месяцев до выборов! – постоянной социальной базы, превышающей 10% электората. А это значит, что в декабре 1995 года Россию вместо выборов ждет новый телевизионный тотализатор. За списки партий будут агитировать не убежденные сторонники, приобретенные в результате тщательной двухлетней работы в каждом дворе, а деньги случайных спонсоров, вложенные в более или менее профессионально сработанные телешоу.

5

Создается впечатление, что победа сторонников радикальной политической реформы осенью 1993 года, в том числе ратовавших за профессионализацию парламентаризма и реальную многопартийность, подтвердила окончательную несостоятельность российского депутатства.

Депутатство в общественном сознании окончательно окарикатурилось. Традиционное и лишенное "советского" флера название "Государственная Дума" стало ассоциироваться с балаганом Жириновских и Марычевых. Привычный тон комментариев журналистов и иных представителей интеллигенции в разговорах о Думе и думских дебатах заслуженно стал презрительно-нисходительным. Состав демократически, легитимно и многопартийно избранной Думы оказался гораздо ниже по качеству, профессионализму и вменяемости, чем состав "главного тормоза реформ", едва не ввергнувшего Россию в гражданскую войну, – Съезда народных депутатов.

Казалось бы, такая Дума (наряду со своеобразным, неуправляемым и своекорыстным "Сенатом" – Советом Федерации) должна стать куда более мощным дестабилизирующим фактором в общественно-политической жизни страны, чем прежнее депутатское собрание.

Однако, мы вынуждены констатировать, что при безусловной правильности вышеприведенных категоричных оценок, сегодняшний российский парламент в очередной раз парадоксальным образом демонстрирует наряду с несостоятельностью вполне наглядную состоятельность российского депутатства.

На парламентском уровне происходит причудливое переплетение разрушительной, псевдополитической сущности той политической "элиты", которой удалось взять под контроль Государственную Думу, с новыми, функционально предопределенными качествами этого первого в истории современной России органа законодательной власти, действующего в рамках и на основании писаного закона – Конституции и жестко ограниченного рамками принципа разделения властей.

В результате проявления действенности Конституции в части принципа разделения властей оказывается, что орган, который по составу, уровню профессионализма, степени гражданской ответственности и демократизму избирательной системы уступает прежнему Съезду народных депутатов, по существу перестает быть угрозой для государственности и, более того, хотя и с низкой эффективностью, выполняет определенные Конституцией ролевые функции, формирует законодательную базу, проявляет стабилизирующие возможности и пр.

Сегодня на счету у Государственной думы, помимо истерик Жириновского, позорной амнистии путчистам и иных "достижений", не только значительное число вполне приемлемых законов, но и куда более позитивное достижение – законотворчество. Вряд ли сегодня можно представить себе политика,

да и просто грамотного человека, который, отвечая на вопрос о сущности депутатства, об этом забудет.

Новое российское депутатство начинает все в большей степени воспроизводить традиционные недостатки и комизм всякого народного представительства в современном цивилизованном мире, проявляя черты не только законодательной палаты, но и всеми признанной общегосударственной "палаты №6", где представители различных групп общества имеют возможность от своего имени и от имени своих избирателей побиться головой об обитую мягким войлоком стену и освободиться от стресса в безвредной потасовке с коллегами, не доводя дело до опасного общегражданского конфликта.

Так или иначе, парадоксы российского депутатства целиком укладываются в общую схему трудного поэтапного становления правовой российской государственности и, как ни наивно это звучит, свидетельствуют о сохранении и даже повышении вероятности позитивного развития страны.

НОМО LUDENS:
ПРАВИЛА ИГРЫ В РОССИЙСКОЕ ДЕПУТАТСТВО

Б.Г. Капустин
Грядущие выборы и правила шумпетерианской демократии

Разумеется, данная статья не претендует на объяснение современного политического процесса в России на основе шумпетерианской модели демократии, но стремится помимо экспликации самой этой модели – к показу ее применимости к российской действительности. Объяснение требует серьезной аналитической работы, развертывание которой предполагает освобождение мышления от некоторых концептуальных установок, уводящих его по ложному следу. В настоящей статье речь идет о следующих четырех установках.

Первая установка. В посткоммунистический период никаких существенных изменений в структурах и логике функционирования общества не произошло. Сменились лица, декорации, ампутированы некоторые рудиментарные и для "прежней системы" органы²³.

И как бы не разочаровывали результаты уродливых рыночно-демократических реформ, нельзя игнорировать то обстоятельство, что сложившаяся политическая система (оставляем в стороне тектонические потрясения от распада СССР, ликвидации структур и функций "государства благоденствия", перераспределения собственности и т.п.) морфологически и физиологически иная, чем та, которая существовала до 1991 года²⁴. Опасно упускать из виду то, что борьба за более радикальную и открытую народу демократию (если таковая развернется) пойдет не против "остаточного тоталитаризма", а против шумпетерианской демократии и, соответственно, должна учитывать специфические правила ее функционирования и защитные механизмы.

Если мы хотим быть реалистами, нужно видеть возможности ее "улучшения" или обезвреживания с точки зрения "низов" и осознать, что на оперативном пространстве политики только это может быть практическим делом "низовой демократии". Подобное "улучшение" предполагает расширение состава участников элитного пакта и стимулирование конкурентной борьбы между ними (включая обособление элитного политической элиты от финансовых, индустриальных и прочих интересов, превращение ее в полноценное, пусть не менее эгоистическое, чем другие, действующее лицо драмы российской власти).

Можно ли добиться того, чтобы, несмотря на столкновения личных устремлений, "последние настолько парализовали друг друга, чтобы в публичном поведении людей результат был таким, как если бы они не имели подобных злых устремлений" (6). Вопрос в том, какие возможности предоставляют для этого грядущие президентские и парламентские выборы и как их использовать.

²³ Как пишет А. Кочетов, "нет различия между "коммунистическим" прошлым и "демократическим" настоящим; можно обоснованно предположить, что социальные структуры тоталитарного общества и нынешнего посттоталитарного общества в сущности те же". (1) Близкий взгляд выражают некоторые западные "постсоветологи": " В очень реальном смысле, который не был тогда (в 1989–1991 годах. – Б.К.) очевиден, старый режим никогда не был опрокинут" (2).

²⁴ Такое противопоставление не предполагает признания существовавшего строя тоталитарным, во всяком случае, в том смысле, какой придают этому понятию отечественные "демократы". Следствием "тоталитарной" мистификации прежнего строя стало непонимание того, который сменил его. О трансформации "тоталитарной модели" в западной советологии и ее связи с другими концептуальными моделями (3, 4, 5)

Вторая установка. Политический строй в России является авторитарным или, во всяком случае, тяготеет к превращению в таковой²⁵, что на языке политической науки можно обозначить как "не полностью институционализированный авторитаризм" или "авторитарную ситуацию" (8). Если авторитаризм не отождествлять с любыми попытками давления и зажима, встречающимися в любом обществе, а придавать ему простейшее понятийное содержание, ассоциирующееся с вытеснением из политики оппонентов группы власти при сохранении относительной свободы частной жизни, то не понятно, в каком смысле следует говорить об авторитаризме или даже "авторитарной ситуации" в современной России.

Не ясно ни то, какие группы нынешней властвующей элиты заинтересованы в установлении авторитарного режима, если верно предположение о том, что они эффективно реализуют свои интересы в рамках существующей системы шумпетерианской демократии, ни то, какими средствами такой режим может быть установлен, учитывая всеобщее разложение государственных структур, включая силовые. Те же симптомы растущего авторитаризма, на которые обычно указывают сторонники этой идеи (типа дисбаланса ветвей власти, их сращивания с коммерческими интересами, усиления "теневых центров силы" и вообще "уход реальной власти в тень" (9), оказываются либо нормальными чертами шумпетерианской демократии, либо явлениями, "вписывающимися" в нее и не составляющими с необходимостью "авторитарный синдром".

Главное, что приверженцы данной установки мыслят современную Россию в рамках абстрактного противопоставления авторитаризма и демократии, которое вообще "снимается" шумпетерианской демократией. Из такого противопоставления вытекает ложный вывод о том, будто Россия по-прежнему находится в пространстве выбора альтернатив, что, на мой взгляд, исключает возможность разработать реалистическую тактику новой российской демократии.

Третья установка. Россия находится в состоянии перехода от тоталитаризма к демократии. Причем, как считает, например, Г. Бурбулис, несмотря на "несовпадение объективных результатов с идеальными целями демдвижения", этот процесс развивается по естественному пути, так что "неверно было бы говорить сейчас о каких-то заблуждениях или ошибках демократического движения" (10)²⁶. Оставляя в стороне бессодержательное клише о "тоталитарности" рухнувшего в 1991 году советского строя, следует признать, что этот подход позволяет уловить динамику формирования шумпетерианской демократии в России.

Я согласен, что "демократы", с которыми был связан Г. Бурбулис, действительно, практически не сделали ошибок, пройдя путь от подмены политической реформы реформой экономической (осень 1991 года) – к развалу Союза (декабрь) и расстрелу парламента в октябре 1993 года, после которого шумпетерианская демократия, по-видимому, обрела качество безальтернативности, и в этом смысле процесс может быть представлен как "естественный".

Методологически данная установка крайне уязвима потому, что уходит своими корнями в "естественноисторический", телеологический и однолинейный эволюционизм XIX века, который едва ли может восприниматься всерьез в теоретическом дискурсе конца XX века. Хотя продолжающееся бытование эволюционистской установки после ее концептуальной смерти в некоторых социальных дисциплинах служит предметом интересных исследований в области социологии знания и науковедения (12).

Однако важнее другое. Установка на понимание нынешнего состояния России как переходного закрывает возможность познать механизмы и закономерности функционирования существующего строя как сложившегося в основных чертах. Рассмотрение же переходности как естественного ("иное не дано")

²⁵ Так, М. Малютин пишет: "Перспективы прямого авторитарного правления в 1995 году требуют серьезного анализа" (7).

²⁶ Представление о неизбежности посткоммунистического пути России вкупе с признанием неожиданности многих результатов развития бытует среди части западных "постсоветологов". (11)

процесса апологетически перекрывает постижение того, как, кем, при каких условиях могут быть созданы альтернативы российской шумпетерианской демократии.

Четвертая установка. В современной России сложился уникальный политический и экономический строй - "номенклатурный капитализм-демократия", по терминологии Г.Водолазова и Ю. Буртина (10, С.41-46). Он возник в результате поражения "антитоталитарной" революции "низов" или предательства ее перестроечными и постперестроечными "верхами" и является в своей основе (при многих второстепенных изменениях) продолжением доперестроечного уклада с присущими ему отношениями отчуждения и эксплуатации. Этот строй лишен всяких ресурсов саморазвития и самопреобразования.

Концепция "номенклатурного капитализма-демократии" в ряде существенных моментов совместима с концепцией шумпетерианской демократии. Хотя собственно "номенклатурная" составляющая этой концепции представляется той данью публицистичности, которая в большей мере затемняет, чем проясняет важные параметры шумпетерианской демократии и прежде всего - структуру и логику функционирования пактного элитного альянса, а также его отношения с другими потенциальными и актуальными центрами силы и народом. Но важнее другое.

Во-первых, нынешняя политическая система России отнюдь не уникальна. Борьба за ее преобразование, возможно, за выход из нее в сторону радикальной демократии предполагает не исправление провинциальной российской ошибки, не повторение чьего-то уже имеющегося опыта, не возврат на некую "столбовую дорожку цивилизации", а эксперимент, практически еще не осуществленный на Западе, а потому могущий обладать буквально мировым значением. Без осознания новаторского смысла этого предприятия, возможность которого коренится не в мифической "инаковости" России или ее мессианском предназначении, а в том факте, что из-за специфических условий Запада шумпетерианская демократия там оказалась более функциональна для развития общества, чем в нашей стране, выработка стратегии нового демократического движения вряд ли возможна. Во-вторых, большим упрощением - в духе марксистских прогнозов о готовом вот-вот наступить коллапсе капитализма является представление о неспособности российской версии шумпетерианской демократии к саморазвитию. Если даже она не способна к этому по логике интересов "свободно конкурирующих" элит (что тоже под вопросом), ее нужно заставить "саморазвиваться" давлением "низов", как капитализм в прошлом заставила "саморазвиваться" борьба угнетенных классов, и это оказалось единственным реальным методом демократического развития общества, от которого выиграли "низы".

Большая вера в возможность изменения и выживания шумпетерианской демократии, чем та, к которой склонялся сам Шумпетер, - существенное условие реализма, а то и самого появления нового российского демократического движения.

Грядущие выборы вряд ли будут праздником на его улице. Сомнительно, что они станут хотя бы днем его рождения. Неплохо, если бы они явились свидетельством того, что шумпетерианская демократия в России "всерьез и надолго", которое подтолкнет к размышлениям о необходимости его зачатия.

Литература

1. Kochetov A.N. Sources of the "New" Social Structure // Sociological Research. May-June. 1994. Vol. 33, № 3. P.87.
не 1994, p. 87.
2. Dallin A. Where Have All the Flowers Gone? // The New Russia: Troubled Transformation. / Ed. G. Lapidus. Boulder: Westview Press, 1995, p. 247.
3. Almond G., Roselle L. Model Fitting in Communism Studies// Politics and the Soviet System/ Ed. T. Remington. Basingstoke: Macmillan, 1979, pp.170-224.

4. Barber B. Conceptual Foundations of Totalitarianism // Totalitarianism in Perspective: Three Views/ Ed. C.Friedrich. New York: Praeger, 1969, pp. 3-52.
5. Walker E.W. Sovietology and Perestroika: A Post-Mortem // Beyond Sovietology: Essays in Politics and History / Ed. S.G. Solomon. Armonk, New York: M.E. Sharpe, 1993, pp. 226-247.
6. Кант И. Соч. в 6 т.т. Т. 6. М.: Мысль. 1965. С. 285-286.
7. Малютин М. Партия власти: что год грядущий нам готовит? // Россия: экономика, политика. 1995, N 1, с. 55.
8. Linz J.J. The Future of the Authoritarian Situation // Authoritarian Brazil / Ed. A. Stepan. New Haven & L.: Yale Univ. Press, 1973.
9. Телень Л. Россия все еще перед выбором // Россия: экономика, политика. 1995, N 1, с. 4-8.
10. Демократия в России: самокритика и перспективы // Общественные науки и современность. 1995. N 2, с. 45.
11. Malia M. The Nomenklatura Capitalists // The New Republic, 1995. May 22. P. 17-24.
12. I. Wallerstein. Should We Unthink Nineteenth-Century Social Science? // International Social Science Journal. November 1988. Vol. XL, № 4. P. 525-531.

А.М. Салмин

О современном депутатстве

Моим друзьям -
депутатам V Государственной Думы

После министра без портфеля и вице-президента современный парламентарий - самая загадочная фигура в публичной политике. Если отказаться от казенных и интеллигентских стереотипов, обнаружится: народный представитель, избранный чтобы законодательствовать, то есть депутат - не всегда то, за что его принимают в учебниках политологии и предвыборных программах.

Люди неодинаковы, и раз на раз не приходится, но обычный депутат парламента, по первому, во всяком случае, впечатлению - персонаж, не пользующийся особым почтением как раз у тех, кто сделал его тем, кто он есть: у собственных избирателей. Ничего не поймет в духе представительных учреждений тот, кто не присутствовал на встречах парламентариев со своим электоратом.

Ритуальное уничтожение депутата согражданами - явление все-таки периодическое. Зато пресса, в том числе электронная, на страже постоянно, и безответный, в сущности, депутат (судиться - себе дороже, хотя бы потому, что смешно) - ее излюбленная мишень. Отношения депутата и прессы могла бы прояснить виктимология, если дисциплина с таким названием - действительно наука.

Недостаточная импозантность депутатской персоны особенно видна на фоне оживляемого ее присутствием величественного института - парламента. Контраст, впрочем, отчасти мнимый и во всяком случае преувеличенный. Некоторая несерьезность депутатского образа изначально задается именно "болтливой" (parlament!) природой самого заведения: народные витии, в отличие от партнеров по другим ветвям власти, в нормальные времена не судят и не казнят. Они в лучшем случае лишь судят-рядят, "штампуют законы" - обычно кем-то другим написанные и, конечно, "болтают". Такая работа, если за нее платят деньги, не может не порождать кривотолков. Зависть - сильный социальный регулятор.

Повсеместно парламента заседают в самых помпезных зданиях столиц, не считая, разумеется, замков в диснейлендах. Боннский Бундестаг и наша Государственная Дума СЭВовского периода - понятные исключения, как край-

ностью в противоположном смысле является вашингтонский Конгресс, соорудивший некогда для себя самый высокий дом в городе и запретивший кому бы то ни было претендовать на большее.

Носители исполнительной власти и, гораздо реже, судебной, всегда отзываются о законодателях с глубоким уважением, с некоторым почтительным придыханием, если, конечно, эти последние не переходят границ, прочерченных конституцией, здравым смыслом и долговременным соотношением сил. Однако восхищению духом и традициями парламентаризма недостает, как правило, простой душевной теплоты или хотя бы волнения, с которым влиятельные меньшинства не только в народе, но и в правящем классе, склонны говорить о любом сколько-нибудь примечательном "крепком мужике", побывавшем у кормила исполнительной власти или пробирающемся к нему. Что бы ни писали о разделении властей аспиранты и post graduates, властью в любом народе величают власть исполнительную.

Не прибавляет депутату авторитета и дефицит у него власти личной: такой, которой можно при случае и злоупотребить - хотя, разумеется, можно и добродетельно воздерживаться от злоупотребления ею.

Личной властью в подобном смысле обладает даже самый последний чиновник, а также судья самой низшей инстанции. Депутат же властен, но властен по-особому, лишь как часть законодательного целого. Есть, правда, еще парламентская неприкосновенность и кое-какие привилегии, всюду разные: полезная, но не внушающая особого уважения компенсация личного безвластия. Imbecilli - так, кажется, называли в Риме неспособных носить оружие.

Любая официальная власть сама по себе условна и подчас эфемерна. Некоторые учреждения, однако, по самой своей природе не только притягивают к себе сильных в том или ином смысле людей, но и наделяют их дополнительной силой, создаваемой специфическими ресурсами института в сочетании с законной или фактической доступностью этих ресурсов для сотрудника. Парламент не таков. Властная "масса покоя" отдельного депутата в личном качестве стремится к нулю.

Взять хотя бы анекдоты: в них обычно не бывает абстрактных "премьер-министров", "президентов" или "председателей судов" (верховных или конституционных) - только "Коль", "Горбачев" или даже, как рассказывают, "Зорькин". Зато во всех странах полно веселых историй про безымянных или мнимонареченных - Иванова, Лягушанина, Рабиновича и т.д. "членов парламента" (Думы, Кнессета, Народного Хурала и т.д.). Анонимности в анекдотических историях избегают лишь записные парламентские чудачки.

Властвовать вообще опасно. Действительный властитель отвечает головой перед законом, толпой и армией. Везде и всегда, где и когда возникает такая потребность, парламенты разгоняют и, бывает, расстреливают. Депутатов при этом, подержав сутки в казарме или кордегардии, отпускают на все четыре стороны. Это хорошо, но надо иметь в виду, что звание депутата расстрелянного парламента само по себе не является ни позорным, ни почетным.

Власть парламентария частична, косвенна и анонимна. Его политическая и юридическая вменяемость относительна. Надо ли удивляться поэтому, что многие недоумевают - или притворяются, что недоумевают - отчего столько достойных, ни в чем предосудительном не замешанных людей стремятся каждые четыре - пять лет быть избранными в высший законодательный орган, пройдя через болезненную, нередко унижительную и почти всегда дорогостоящую процедуру выборов.

Одна школа социального психоанализа объясняет это явление танатосом - таинственной силой, влекущей политическое существо к естественной и неизбежной гибели. Другая склоняется к интерпретации явления в терминах садомазохизма. Последователи Э.Фромма могли бы, пожалуй, приписать его особой профессиональной разновидностью бегства от свободы: естественному для среднего политика стремлению избежать ответственности, налагаемой административной и, в еще большей степени, судебной властью. Такое объяснение следовало бы признать недостаточным. Разумеется, во всех странах,

особенно в бывших коммунистических, немало государственных мужей нарциссического, интеллигентски-журналистского склада, для которых отправление власти тождественно ее презентации. Но при этом всюду, не исключая и посттоталитарные государства, у большей части соискателей депутатского кресла (стула, места на скамье) преобладают все же иные мотивы.

Если отвлечься от высоких побуждений, жизненно важных для одних, но лишь стилистически - для других, то доминирующим мотивом нормального кандидата в депутаты является карьера - не поприще депутата само по себе, а политическая карьера в самом широком смысле. Депутатство оказывается лишь ее ступенью.

Иногда началом - пропуском в большую политику: чем-то вроде банкета после кандидатской защиты для начинающего ученого. Или, что серьезнее, своего рода инициацией: выход на публику, добровольная отдача себя на ее прихотливый суд - неповторимый и необратимый опыт. Не только в армии, но и вообще в любой организации нельзя стать "дедом", не побывав "молодым". Депутатство может оказаться и вполне достойным завершением карьеры, а в этом случае речь обычно, хотя не обязательно, идет о верхней палате: сенате или палате лордов. Иногда парламент становится для государственного мужа своего рода домом родным, то есть местом, где редко живут, но куда время от времени возвращаются из более или менее длительных и успешных странствий по округу и миру.

Так было не всегда, и нередко сегодняшние начинающие политики - а у нас едва ли не все начинающие - ориентируются на некий идеальный, обладающий разве что особой национальной спецификой парламент, о котором говорят их более опытные коллеги из других стран. Это не очень полезно, потому что мотивы политиков, обосновывающих и оправдывающих парламентаризм, и политиков, стремящихся попасть в парламент, достаточно различны. Причем в обоих случаях речь не обязательно идет о низменных мотивах.

Современный парламент сложился не сразу, он - результат трех последовательных открытий, сделанных известными или безымянными авторами с разрывом в несколько столетий. Значение открытий в политике обычно недооценивают, хотя нет никаких оснований считать, что они делаются в этой области реже, чем в других.

Первым открытием, относящимся к парламенту, было, само изобретение парламента, то есть соединение идей представительства и законодательства в одном постоянно действующем институте. Сегодня не так легко представить себе, что эти идеи вовсе не обязательно должны интегрироваться и большую часть писаной истории просуществовали, находясь в более или менее случайных отношениях друг с другом.

Второе открытие известно любому школьнику. Именно открытием назвал в свое время А.Гамильтон идею разделения властей в версии Монтескье.

Третье открытие анонимно. Это переход парламента из проективного в реактивный режим повседневной работы. Проективно, то есть навязывая свою идеологию и свою волю обществу, действовали английский парламент времен Кромвеля, американский Континентальный Конгресс, безусловно - французский Конвент и часто все наши четыре дореволюционные Государственные Думы, хотя у них для этого было очень мало фактических оснований. По их стопам - и с тем же успехом для себя, хотя и с меньшими издержками для страны - пошел и Съезд народных депутатов Российской Федерации. Чаще всего большинство сегодняшних парламентов действует реактивно, то есть с большей или меньшей прохладцей откликаясь на текущие потребности общества (чьим поверенным в делах все чаще выступает правительство) в законотворчестве, охотно контролируя исполнительную власть, а также выступая в роли главного общенационального политического клуба. Последние десятилетия подчеркнули несколько женственный характер законодательной власти, основывающейся на представительстве.

В перечисленных открытиях есть какая-то маятникообразная логика, когда последующее как бы смягчает крайности, производимые предыдущим, и не исключено, что очередным станет изобретение универсального алгоритма, со-

вмещающего проективный и реактивный режимы неким полезным для общества образом.

В связи с переосмыслением функций парламентов, общая эволюция представительных учреждений в последние десятилетия была троякой.

Во-первых, уменьшилось значение верхних - наследственных или/и почетных палат, а их главной задачей в большинстве случаев становится пользование правом отлагательного вето.

Во-вторых, нижние, народные палаты все меньше ориентировались на верхние в их первоначальном виде.

В третьих, границы между ветвями власти все больше размывались.

Разделение властей - важнейшая догма политической теории, но отнюдь не жизненный принцип отдельного политика. Более того, не кто иной, как парламентарий, по крайней мере современный, бросает серьезнейший вызов самому классическому принципу разделения властей. Делает он это, правда не лично (лично, как мы видели, он вообще мало что может), а на групповой основе. Именно на групповой, а не на институциональной, что не то же самое. Если быть вполне точным - на партийной и фракционной.

В традиционном государствоведении к партиям относятся несколько пренебрежительно и в то же время настороженно: как к обнищавшему аристократу с чертами вырождения, занявшемуся экспериментальной педагогикой. Происхождение их и в самом деле не лишено благородства. Оно, по крайней мере, достаточно старое.

Партия стара как общество, при том, что выглядит намного моложе. Речь идет в данном случае не о делении людей на партии, хотя рассчитывались на "первый-второй", "казаков-разбойников" всегда. Прообраз партий можно найти в детской игре, в шумерском городе Урук, в древнем - конечно, не в сравнении с Шумером - Новгороде: всюду, где существовала или существует более или менее спонтанная, неконтролируемая полицией жизнь. По-настоящему важно другое: партия - одна из форм вертикальной организации общества, выросшая из родства, иерархии, бюрократии и потеснившая их в области политики.

Относительно позднее выделение собственно партий и их выход на авансцену порождает, в частности, и современный тип "политического существа", в том числе - в его депутатской ипостаси.

Классическая теория разделения властей, созданная в допартийную эпоху, не предполагала, что парламент, правительство, пост главы государства и даже высшие судебные должности могут контролироваться в некоторых случаях одной и той же партией. Сегодня такие ситуации не только реальны, но являются скорее правилом, чем исключением. Чтобы компенсировать связанные с ними неизбежные и очевидные издержки, были созданы более тонкие механизмы собственно политического и квазиполитического регулирования: идеология и практика "сдержек и противовесов", контрвластей, разделения властей по вертикали, контроля со стороны mass-media, возник институт омбудсмена и кое-что еще. Современная полития - многомерный, сложно устроенный саморегулирующийся организм.

Еще вопрос: могла бы действовать на практике классическая концепция разделения властей и не спасло ли ее "партийное перерождение" (и последующая реакция на него) от того, чего мы в России напрообовались в 1992-1993 годах - превращения ветвей власти в центры притяжения различных сил и интересов. Другими словами - от трансформации самих государственных институтов в своего рода партии со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Как бы, однако, ни складывалась история политических институтов вообще, сегодняшний депутат живет в мире политических ассоциаций, то есть добровольных объединений.

В рутинной парламентской жизни депутаты различаются принадлежностью к фракции в гораздо большей степени, чем к комитету, подкомитету или комиссии своей палаты.

В демократии идеально-типической, то есть сконструированной из наиболее, хотя, возможно, и односторонне развившихся подсистем реальных политических организмов, "лицо" народных избранников в еще большей степени

определяется партией, частью которой является обычно фракция. Во всяком случае политологи говорят как о чем-то существенно важном именно о партийном, а не о фракционной принадлежности депутата.

То, что партийность важна, подтверждается и житейскими наблюдениями: там, где партии специализированы идеологически и где идеология – это не только мода или корыстная попытка эксплуатации темы, заимствованной из чужого опыта, партийную принадлежность депутата нетрудно определить даже по чисто внешним, стилевым признакам, особенно если их соответствующим образом оттенить.

До эпохи феминизма говорили: чтобы лучше узнать женщину, достаточно хорошо отозваться о ней в разговоре с ее подругой. Может быть, это просто метафора, передающая дух парламентских кулуаров. Живое представление о депутатах какой-то фракции удобнее всего составить, переговорив с их партнерами, особенно идеологически близкими. Кто хочет проверить – пусть попробует, например, сделать комплимент жискардистам в голлистской компании.

Сегодня депутат – это, во-первых, партия, во-вторых тоже партия, в-третьих фракция и лишь в четвертых, – палата парламента с ее внутренней структурой. Это, конечно, очень общая формула. Важной может оказаться еще религиозная или этническая община, где-то – клан или корпорация. Но в любом случае в наши дни они замаскируются, скорее всего, под партию, ее крыло или филиал.

Именно партия – кто бы за ней ни скрывался – позволяет современному политику делать карьеру, приводит его в муниципалитет, в парламента, в важнейшие учреждения исполнительной власти. Она же может довести и до тюрьмы: большинство чисто политических скандалов с уголовным продолжением связано в наши дни с партийной кассой. Партия относительно уменьшила значение депутатского мандата, сделав его как бы конвертируемым и более или менее ликвидным, как выражаются сейчас некоторые публицисты.

В связи с эволюцией парламента и, особенно, развитием партий политика становится все больше профессиональной. Сегодня, понятное дело, в большинстве стран трудно отыскать помещика, служащего где-то или заседающего в парламенте благодаря привилегии или по семейной традиции. Но именно политика превратилась в профессию и призвание, а не депутатство как таковое.

"Профессиональный парламента" (как антоним не то непрофессионального парламента, не то законодательного собрания людей, занятых законодательством по совместительству) может быть и существует в природе, но "профессиональный депутат" – фигура полумифическая и слегка пугающая. Так, в сущности, и должно быть, ибо это *contradictio in adjecto*. (противоречие между определяемым словом и определением).

Сегодня власть депутата (а любой политик или государственный муж – это прежде всего носитель хотя бы потенциальной, предполагаемой власти) в основном связана не с парламентом. Влиятельный и/или уважаемый политик редко обязан своим влиянием и популярностью исключительно парламентской деятельности.

Времена Шеридана и Байрона давно прошли и, кажется, не только в этом отношении. Да и раньше роль парламентской трибуны в жизни публичной личности, наверное, несколько преувеличивалась. Тот же Шеридан был, в конце концов, не только автором лучшей (по мнению Байрона) парламентской речи, а известнейший деятель Конвента, Максимилиан Робеспьер, вообще прославился не благодаря речам.

За некоторыми очевидными исключениями (руководящие должности в палатах и некоторых комитетах и комиссиях, распоряжающихся деньгами, безопасностью и репутациями) парламентский мандат сам по себе почти не добавляет власти. Парламент, однако, увеличивает возможности ее приобретения или умножения где-то на стороне. В этом смысле он почти ничем не отличается от закрытого клуба или, как пишут знающие, видимо, люди – от масонской ложи. Так называемый лоббизм – одна из сфер, в которых и отдельный депутат иногда может что-то значить. Лоббирование, между тем, вовсе не

обязательно синоним коррупции. Едва ли не любой парламентарий в какой угодно стране с удовольствием объяснит каждому готовому слушать разницу между цивилизованным и нецивилизованным лоббизмом.

От десятилетия к десятилетию депутатство все меньше напоминало судьбу и все больше – роль. Что еще важнее – роль довольно скромную, но такую, хорошее исполнение которой открывало перед актером довольно заманчивые перспективы, позволяя и самому институту действовать без потрясений, характерных для его ранней истории. Как и на театре, в политике не так важно содержание роли – если, конечно, она не вовсе ничтожная – как ее исполнение. Нельзя сказать, какая роль лучше – Фальстафа или Генриха, обе должны быть сыграны достойно, чтобы получилось зрелище. Любая из них, изрядно сыгранная, может открыть дорогу к роли Гамлета.

Наверное, разумно, если готовясь к роли, актер сразу же прочитает ее до конца. Не менее разумно, если он одолеет всю пьесу. Говорят, есть еще актеры, которые именно так и поступают.

Кандидату, конечно, полезно знать, что такое современный депутат (в данном случае – синекдоха, обозначающая не столько современный парламент в целом, сколько его ядро, в принципе действующее соответственно представлению о современном парламенте). Это некий ориентир, задаваемый сегодняшним стандартом независимо от местных условий. Понятно, что не менее полезно понять конкретную роль – в социологическом смысле – депутата у нас в стране сегодня. Так, чтобы оценить хозяйственный потенциал любой страны, ее ВВП может и должен быть выражен в твердой – пусть условной – валюте. При этом, чтобы проводить какую-то разумную экономическую политику, следует брать в расчет инфляцию и прочие благоприятные и неблагоприятные особенности времени и места.

Свой вклад в реалистическую коррекцию роли современного депутата, то есть ее переложение на любые местные – не обязательно наши – нравы, вносят как минимум четыре обстоятельства.

Во-первых, специфика понимания права, закона, творить который главная, по определению, обязанность парламента как корпуса и депутата как его члена.

Во-вторых, особенности восприятия сути самого парламентаризма: как видится в данной стране роль высшего законодательного органа.

В-третьих, избирательная система, а если брать шире, то способ, которым кандидат попадает в парламент.

В-четвертых, нечто плохо уловимое и почти столь же трудно выразимое: своего рода "корневая система" депутата (с этой метафорой не рекомендуется заходить слишком далеко), сеть его общественных связей и обязательств.

То, что у нас закон – что дышло, не новость. Важно понять, зачем это нужно, и стоит ли что-то делать, чтобы изменить положение. Нынешние песимисты, в числе которых, естественно, некоторые культурологи, как всегда ссылаются на неисправимое особое понимание права в нашем Отечестве, в то время как более передовые философы права компаративистского толка выделяют в незападном мире несколько зон с разным, но, в принципе, столь же своеобразным, как наше, пониманием. Крайние оптимисты, в общем, остаются верными максиме К.Н.Леонтьева, когда-то сказавшего: "Если мужик договора не исполняет, то это не по особой благодати, а просто его надо сечь!". Наконец, умеренные оптимисты в конце XX века полагают, что мы переживаем переходный период и аккуратное обращение с законотворчеством поможет постепенно превратить закон из мнения законодателя (без дополнительного подкрепления равносильного, если не равноценного, воле нарушителя закона) в действительно исполняемую норму²⁷

Интересно посмотреть на человека, который сегодня решился бы крупно побиться об заклад, поставив на один из этих вариантов, как на предподре-

²⁷ Паппе Я. О статусе актов законодательной власти в переходном обществе // Институт коммерческой инженерии. Исследования и разработки. М., 1994, Вып.3.

деленный. За последние 100 лет мы, кажется, стали осторожнее, хотя вряд ли поумнели. И если последняя позиция и выглядит немного привлекательней, чем остальные, то вовсе не потому, что более убедительна. Просто в ней нет ничего особо противного нравственному чувству и здравому смыслу. Трудно не согласиться с тем, что закон лучше беззакония - если антонимическая пара именно такова - и что закон должен соотноситься с условиями времени и места, опираясь по возможности на силу власти, когда она есть, или хотя бы на молчаливую поддержку общества, если больше опереться не на что. Возможно, здравый смысл и нравственное чувство - лучшие помощники законодателя, нежели научный прогноз и вера в философский идеал.

Что касается парламентаризма, то сегодня, как впрочем, и в начале этого, да и в середине прошлого века, бытуют крайние взгляды на то, является ли этот институт органически чуждым отечественной политической традиции или нет. Это неудивительно, так как с одной стороны, за прошедшие десятилетия он у нас все еще не укоренился, а с другой, за это же время привился там, где, по логике его противников, привиться, как и в России, не мог. Вероятно, решить эту проблему без разделения современного парламента на составляющие просто невозможно. В России, как и повсюду, есть - ее просто не может не быть - традиция представительства, "предстательства" перед властью. Забвение ее - почвенническое или западническое редактирование истории. Даже при большевистских Советах тогдашние вполне послушные депутаты в некоторых случаях помогали своим избирателям, играя роль, более подходящую омбудсмену уездного масштаба, чем современному законодателю.

Нам еще предстоит внедрить у себя все или некоторые открытия, связанные с основной линией становления парламентаризма. Как и любые открытия, они носят скорее технический, чем ценностный или культурный характер и поэтому нет причин, по которым они могли бы заведомо быть отторгнутыми обществом. Но нет - и быть не может - аргументов, которые убедили бы, что они непременно будут приняты. Существует много полезных, красивых и притом недорогих вещей, которые почему-то не прививаются в некоторых уголках, например, в Англии. Привьются у нас эти открытия или нет - вопрос теоретический. Но очень непрактично поступают те наши депутаты, которые хотят быть современными законодателями, забывая о том, что особенно ценят в них избиратели, не имеющие омбудсменов и не пользующиеся плодами других политических открытий и полезных заимствований.

По той же причине не очень практичными оказались и те законодатели, которые из естественного эгоизма раз за разом отстаивали голосование по партийным спискам в ущерб более понятным избирателям округам.

Наконец, о депутате как человеке приватном, то есть неполитическом. Становясь современным парламентарием, например членом Государственной Думы, некий Иван Иванович, разумеется, не делается бесплотным или/и бессмертным и, за редчайшими исключениями, даже не начинает считать себя таковым. Теория, согласно которой искусственный отбор методом всеобщего, равного, прямого и тайного голосования ведет скорее к ухудшению породы, чем к ее улучшению, в целом не выдерживает критики. Складывается впечатление, что государственные люди вообще в среднем лучше, во всяком случае, нормальнее, чем их изображают в программах новостей. После избрания у них сохраняются (а иногда и появляются) какие-то естественные обязательства, не вытекающие из законодательских и прочих парламентских функций.

Никогда не следует забывать о человеческом измерении политических институтов и о простых человеческих слабостях государственных мужей. Партии - партиями, программы - программами, но есть нечто такое, что роднит многих законодателей поверх фракционных барьеров и придает парламенту несколько корпоративный дух. И это общее - не только желание послужить Отечеству. Многие заметили - в последнее время особенно - неготовность большинства депутатов, среди которых крайне мало социально самостоятельных людей, идти на такое обострение отношений с исполнительной властью, которое грозило бы им немедленными перевыборами. Еще раньше были замечены попытки безо всяких на то оснований перенести сроки выборов. В этих по-

пытках удивляла не их робость, а то, что вопрос вообще решились обсуждать публично. Все это, конечно, приближает депутатов к избирателю, делая их более понятными, что не очень кстати: в парламентарии, вопреки распространенному мнению, средний избиратель ищет не сходства с собой, а честности.

Такие недуги не лечатся газетными инвективами, простыми административными и законодательными мерами. Да и эпохальные сдвиги не дают в этом смысле особых гарантий. Принадлежность к знаменитому среднему классу – не более чем возможность – и только возможность – независимого поведения депутатов. Как бы то ни было, в обозримом будущем надежды на политическую стабилизацию лучше связывать не со средним классом, а, скорее, с ограниченностью возможностей парламента и, соответственно, с уменьшением претензий к нему.

Парламент – недешевое удовольствие. Чтобы его себе позволить, надо не быть скрягой и иметь здоровые нервы. Если общество захочет сохранить представительные учреждения, или, по крайней мере, не станет слишком решительно возражать против их существования, оно должно нести кое-какие повинности. Придется платить за работу парламента, его расточительность, его жадность, его ошибки. Необходимо будет смириться с бранящимся, обвиняющим всех и вся, иногда дерущимся и при этом не слишком трудолюбивым и щепетильным собранием.

Исполнительной же власти придется охранять народных избранников от опасностей, невзгод и их собственных избирателей, оберегать их от соблазнов и помогать словом и делом, чтобы не было им жгуче стыдно за неправильно потраченные деньги налогоплательщиков, и чтобы в конце своей по возможности не слишком бурной карьеры каждый министр или сенатор мог сказать о себе, приосанившись и вздохнув: "Что же, я был неплохой депутат!".

А. В. Фадин

**Имитационная демократия в переходном обществе:
мировой контекст**

Россия как переходное общество

Институты представительной демократии в современной России являются в некоторой степени наследниками первых опытов начала века (далее не заглядываем, хотя такой взгляд также имеет право на существование). В положении выборно-представительных институтов первой волны и в нынешних существует множество параллелей и даже буквальных совпадений, подмеченных и многократно описанных специалистами.

Интересно, что врожденная анемия этих институтов в России вписывается не только в историческую вертикаль отечественной истории, но и в мировую панораму экспансии демократических моделей, прежде всего, в "переходных обществах".

Постсоветская Россия – по всей видимости, переходное общество. Ее доиндустриальная традиционность практически дотла разрушена более чем столетней модернизацией. Индустриализация и урбанизация создали совершенно новую Россию, по множеству параметров соответствующую развитому Северу – это промышленная страна с преимущественно городским (более двух третей) и грамотным населением, с крайне низким (последние годы – минусовым) демографическим ростом, с сопоставимыми характеристиками качества и уровня жизни, стандартизованным набором материально-вещной бытовой среды, идеальных культурных образцов (фильмы, читаемая литература, одежда и пр.) и досуговых занятий.

В то же время эта модернизация взамен разрушенной все еще не создала новой органичности: в стране пока (и уже) не сложилось органичной целостности экономических, социальных и политических структур. Отчасти по-

тому, что российско-советская модернизация несет в себе множество характеристик опоздавшей модернизации, отвечающей в первую очередь на вызовы внешнего мира (контуры, сроки и сам характер советской индустриализации, например, в гораздо большей степени определялись военным противостоянием с Западом, нежели интересами развития страны).

Модернизация в России не создала ни внутреннего источника, ни механизма саморазвития, она не переработала культурного кода российской жизни, хотя и породила – вопреки воле и даже предвидению тех, кто ее проводил – массовые социальные слои, воплощающие и/или ориентирующиеся на "западнические" ценности, стандарты потребления, образ и стиль жизни, культурные образцы. Эти слои, весьма относительно совпадающие с границами генеральной совокупности квалифицированных работников, я весьма условно обозначаю как "советский средний класс" (ССК). Именно он стал "пехотой перестройки", той социокультурной общностью, на которую в действительности – чаще всего бессознательно – опиралась политика реформистской номенклатуры.

Импорт политических институтов

Судьбы представительных институтов в переходных обществах достаточно трудны. Их малая эффективность и политический вес в обширной "переходной" зоне мира, в которую входят значительная часть стран вчерашнего "третьего" и "второго" мира (посткоммунистические режимы Центральной и Восточной Европы), а также новые индустриализованные страны (НИС) и даже отчасти южно-европейская периферия развитого Севера, являются общим местом, предметом шуток и политического фольклора.

В каждом случае, естественно, существуют свои факторы, делающие представительные институты малоэффективными, но есть и некий общий знаменатель, позволяющий как-то объяснить несколько мистическое сходство ситуаций в Румынии и Южной Корее, Беларуси и Сингапуре, России и Турции, Украине и Бразилии. Это неорганичность самой политической системы, имеющей как бы "неисторический" характер.

В этой зоне мира (мы здесь рассматриваем ее как некую целостность, хотя по многим признакам она распадается на множество сегментов) современные представительные институты практически нигде не были порождены исторической эволюцией традиционных институтов власти. Даже там, где существовали исторические прецеденты или развитые формы сословно-представительных учреждений (например, Земский собор в России, Сейм в Польше и пр.), вовсе не они породили современные парламенты. Наоборот, преемственность между историческими, автохтонными формами сословного представительства и нынешними представительными институтами была прервана даже там, где они сохранили традиционные названия, символику и мифологию.

Современная парламентская форма была фактически импортирована из нескольких западноевропейских стран "исторического парламентаризма". Правда, для большинства стран самой Европы вне этого исторического угла парламент в современных его формах – также объект заимствования, но там характер переноса форм политической организации происходил в течение более чем трех веков, т.е. фактически всю европейскую историю после Реформации и особенно – после Французской революции. Однако главное заключается в другом: на Западе процесс этот шел как бы послойно и параллельно с рыночной модернизацией и структурированием гражданского общества. На каждом этапе новые политические формы организации интериоризировались, становились для общества "своими", адекватными его социально-экономическим структурам. "Послойный импорт" как **импорт** совершенно не воспринимался – и потому не отторгался. Но происходил и "реэкспорт" политических идей и нововведений (достаточно проследить взаимовлияние британской и французской представительных систем в XVIII–XIX веках). Все это создавало такую мощную взаимосвязь европейских политических систем, настолько синхронизировали процесс развития демократии в этой зоне мира, что сегодня мы без каких-либо сомнений как о чем-то целом говорим о западноевропейской или евро-американской политической культуре и демократической традиции.

Конечно, западноевропейское ядро с колоссальным трудом и отставанием втягивало европейскую периферию (вспомним судьбу представительных институтов, например, на Иберийском полуострове). Случались катастрофы типа национал-фашизма, капиталистические страны "второго эшелона" (типа Германии, Италии) пытались провести модернизацию вне или помимо западноевропейских политических норм. Но даже они вынуждены были симулировать представительные институты (см. гитлеровский Рейхстаг!) и избирательные механизмы как единственный признаваемый источник легитимности в современном мире.

В целом вектор и расписание европейской истории укореняли представительные институты в самой ткани общества, обеспечивали такую их демократическую органику, которая воспроизводила эти институты после каждого отката или краха.

Напротив, в странах оказавшихся вне процесса органического развития (а их большинство), импорт политических моделей был предпринят в том же догоняющем или имитирующем режиме, в каком там пытались провести и модернизацию. Импорт политических моделей проводился, как правило, в "собранном" виде, как готовое изделие. Парламенты более или менее копировали Вестминстерскую модель - в Японии после революции Мэйдзи, в Индии после обретения независимости, в большинстве бывших британских колоний в Африке и Азии после деколонизации. Конституции в большинстве латиноамериканских стран, соответственно, списывались с американской.

Эта трансплантация форм политической организации стала общей характеристикой новейшей истории, наряду с формированием всемирной технотронной цивилизации, созданием общемировой транспортной, коммуникационной и финансовой инфраструктуры. Собственно, эта "униформизация" превращается в один из оснований понятия "всемирная история".

Всего несколько стран (вне европейской цивилизации, прежде всего на Аравийском полуострове), сохранивших неразложенную традиционность, пока смогли избежать этого импорта политических форм и сохранить традиционные монархии как главный институт легитимной власти. Очевидно, это явление уникальное и временное (события в Национальном собрании Кувейта демонстрируют вероятный сценарий ранних стадий политической модернизации в таких странах). Даже общества, которые пока нельзя назвать "переходными" (основной массив "третьего мира", постсоветская Средняя Азия, исламистские ретро-утопические режимы типа иранского), не могут сопротивляться давлению этой мировой нормы и моделируют властные структуры более или менее "под нее".

Причина очевидна. Демократия и ее представительные институты как весьма формальная схема и совокупность процедур - не принадлежность какой-то культурной традиции, а распространяющееся как степной пожар социальное изобретение, которое не признает границ и "снимает" альтернативы в подавляющем большинстве обществ. Поскольку лидирующие в социально-экономическом и военно-техническом смысле общества не только демонстрируют эффективность этой нормы, но и навязывают ее, в XX веке импорт политических форм приобрел характер мощного и безальтернативного процесса. Но только в созревших для этой формы/рамки обществах она прочна и наполняется адекватным смыслом.

Имитационная демократия

Понятно, что импорт западных политических институтов не мог означать для большинства стран-"импортеров" воспроизведения реальных социально-политических процессов. В действительности трансплантация модели означала имитацию или симуляцию процессов, однотипных западным. Сохраняя внешний контур, "рамку" заимствованных моделей, национальная реальность наполняла ее совершенно иным, "автохтонным" содержанием.

"Вестминстерский" парламент в Индии становился местом политических торгов национально-религиозных и национально-кастовых квазипартий. В Японии - вплоть до 90-х годов (точнее до раскола ЛДПР и потери ею монополии власти) - такой же "вестминстерский" по форме парламент был механизмом

прикрытия торга и перераспределения власти между полуфеодальными территориально-политическими кланами и корпорациями. (Потрясающий эпизод возвращения в парламент осужденного за взятки экс-премьера Танаки трудно представить себе в евро-американской традиции, в Японии же это возможно, ибо для местной политической клиентеллы Танака - региональный политический босс, защитник интересов территориальной корпорации; и мораль здесь не причем).

Один из самых стабильных в мире парламентов, сработанный "под Вашингтон", - мексиканский Конгресс, который в течение почти 80 лет был скорее формой легализации монополии власти ИРП, нежели реальным местом игры и согласования интересов.

Еще нагляднее пример латиноамериканских парламентов (за исключением, быть может, чилийского), существовавших "с перерывами на диктатуры" более 150 лет. В большинстве случаев внутри этих институциональных рамок происходила борьба олигархических корпораций и группировок.

Важно, что несмотря на откаты и катастрофы каждый раз в этих странах восстанавливалась институциональная рамка. Если формальная рамка институтов и процедур держится достаточно долго и прочно, а модернизация продолжается, то рано или поздно она начинает играть активную роль и процессы политического структурирования общества вписываются в нее. Вместо декларированной политической модели, наложенной на общество, развивающееся совершенно по другим законам, возникает новая органика, синтезирующая импортированные формы и реальную социальную практику.

Сколько нужно времени для подобного синтеза? Сказать сложно, но понятно, что для укрепления самой рамки должны пройти несколько избирательных циклов и ротация политических поколений. Японии понадобилось около ста лет (с перерывом), чтобы импортированная форма начала заполняться органичным ей содержанием. Бразилии, Аргентине, Чили, некоторым другим крупным странам бывшего "третьего мира" понадобилось несколько десятков лет.

Однако само по себе удержание институциональной демократической формы - не гарантия, а всего лишь необходимое условие. В Мексике после почти 70 лет стабильного политического функционирования конституционного режима и представительных институтов (если считать с обретения независимости, то более 150 лет) - эта рамка так и не наполнилась адекватным содержанием. И Национальный Конгресс, несмотря на размягчение системы политического контроля и явный "кризис верхов", все еще является не местом реального выяснения отношений групп интересов, а скорее, символическим прикрытием авторитарного президентского режима.

Стоит отметить, что при недостаточном уровне модернизованности и отсутствии соответствующих традиций прочность рамки часто компенсирует внешний каркас "имперской" нормы и международных отношений. Как это происходит, можно наблюдать на примере "восточноазиатских драконов", где особые отношения с США и Западом вообще, с одной стороны, и противостояние коммунистическим соседям заставляло авторитарные по сути "диктатуры развития" (Южная Корея, Тайвань) придерживаться избирательных процедур и держать институциональную рамку как основу своей политико-идеологической идентичности.

Для большинства переходных стран-обществ этот процесс не только не закончен, но даже "расписание" его никак не гарантировано. Рамка импортированных политических институтов может просто "не отвердеть" из-за постоянно меняющихся правил игры, или слишком частых уступок авторитарному искушению, или открыто декоративно-символической функции представительных институтов (мексиканский конгресс, сингапурский парламент, ВС СССР и т.п.). Причем, степень экономического успеха здесь не играет принципиальной роли. Подчас она бывает прочнее и стабильнее в допереходной (квазитрадиционной) зоне мира, хотя это не говорит о реальной демократии в обществах.

Россия: кризис непредставленности

В нашей стране массивный импорт организационных форм с Запада начал Петром, однако это был импорт не политических институтов, а бюрократического аппарата. Его механизмы перенимались сначала из Швеции, затем весь XVIII век – из Германии. Параллельно с развитием массовой государственной бюрократии, "освобождением" дворянства и появлением первых ростков гражданского общества проникала идея необходимости представительной власти (Сперанский, Радищев, декабристы). Несмотря на апелляцию к старорусской сословно-представительной традиции (Земский Собор), ее энергетика шла все же из Европы, и Николай I совершенно рационально в течение 30 лет пытался изолировать Россию от любых контактов с Западом. Дореволюционные Думы, будучи сословно организованными, пытались, тем не менее, именно этой энергетикой – Россия оставалась последней крупной европейской державой без представительных институтов. Думы были запоздалой и недостаточной попыткой ответить на вызов пореформенной модернизации. (Вспомним темпы промышленного развития и раскрестьянивания!)

Вместе со стремительно разрушавшейся органикой традиционной России неизбежно нарастала и делегитимизация самодержавия. Всеобщее требование Учредительного собрания и Конституции, как и лозунги Советов (и даже их ранняя, "преднатальная" практика) были ответом на явную недопредставленность в политической системе многочисленных групп населения, социальный и экономический вес которых быстро нарастал.

Сталинский режим на несколько десятилетий "снял" проблему вместе с ее носителями, политически активным европеизированным слоем во всех социальных группах населения. Однако и он уже не мог противостоять мировой культурно-политической норме: формально легитимизировался через выборы. В этом смысле и гитлеровский рейхстаг, и сталинский (и далее) Верховный Совет – явное, хотя абсолютно номинальное признание мировой нормы (по известной формуле: "лицемерие – дань, которую порок платит добродетели").

Советская модернизация, "опоздавшая" и во многом тупиковая по модели, имела, тем не менее, колоссальные социальные последствия. Появились новые "европеизированные" слои, то, что мы назвали условно "советским средним классом" (ССК): намного более массовый, чем его предреволюционный предшественник, хотя и несущий многие из его генетических дефектов. Эти слои оказались недопредставлены в политической системе, которая, перестав расти и развиваться, в последние свои десятилетия не могла уже обеспечивать ССК ту вертикальную социальную мобильность и рост потребительского статуса, которые были базой послесталинского социального консенсуса.

По-видимому, с середины 70-х годов начала складываться ситуация, в своей геометрии напоминающая начало века, причем усугубляющаяся технико-экономическим кризисом. Система и на этот раз ответила запоздалой и недостаточной "реформой сверху" – перестройкой. Ее исторической задачей была попытка модернизировать политическую систему, привести в некое соответствие с результатами полувековой социально-экономической модернизации. В своей деструктивной части задача была решена. Остается только понять место постперестроечных политических институтов в этой панораме – по исторической вертикали и географической горизонтали.

Развилка. Сценарии.

Официально признаваемая советской системой социальная структура (знаменитые "два класса и прослойка") была, конечно идеологической фикцией, реально управлять обществом на основе этой идеологемы было невозможно. Управление поэтому основывалось на структурировании по линиям, более или менее совпадавшим с пунктами "учетной документации": национальность – образование – место жительства (прописка!) – место работы – партийность и т.п.

Никакие реальные интересы, кроме интересов территориально-отраслевых корпораций и отчасти (выборочно) национальных групп, легитимными системой не признавались. Но и легитимные для системы интересы в современном

понимании не были представлены. Борьба, торг и согласование интересов происходили вне публичной политики, да эта сфера вообще практически в стране отсутствовала. (Что, кстати, было вполне в русле российской политической культуры). Горбачевская перестройка, наряду с грандиозными деструктивными задачами, решила и одну важнейшую созидательную: заложила основы публичной политики. Отчасти это произошло в результате горбачевского вето на открытые политические репрессии и как следствие политики гласности. Отчасти – побочное следствие "раскола верхов", в борьбе которых стороны вынужденно апеллировали к общественному мнению.

Теоретически горбачевский Верховный Совет – при неревOLUTIONном, консервативно-реформистском сценарии политического развития – имел шансы превратиться в нормальную представительную "структуру на вырост", стать такой формальной "рамкой", которая с течением времени могла бы заполниться реальными интересами, стать полем (или "экраном") их игры.

Почему эти шансы не реализовались – отдельная проблема. Но в контексте нашего построения важно отметить, что не удержав "рамку" ВС, дважды (в 1991-м и в 1993г.) разорвав преемственность представительных институтов, российское общество сильно осложнило и, возможно, отсрочило "старт" демократической институционализации. Ведь политическая форма активна по отношению к представленным в ней группам/интересам только благодаря своей стабильности.

Структура социально-групповых интересов постсоветского общества еще не сложилась, она все еще подвижна до аморфности. Как только изменившиеся экономические условия устранили принудительное единство, он начал стремительно распадаться. "Номенклатура" оказалась еще раньше расколота по культурно-поколенческим, отраслевым, национальным и территориальным критериям. Депутаты представляют политически неструктурированную массу избирателей, специфические групповые интересы которых все еще не определены. В каком-то смысле, они скорее представляют даже не избирателей, а некую мировую тенденцию, безальтернативную "демократическую моду".

Если институциональная рамка останется мягкой, необязательной, "растяжимой" – тогда в лучшем случае мексиканский сценарий (а в перспективе – новый взрыв, оборванная преемственность). Если же рамка публичных представительных институтов удержится, если пройдет несколько циклов выборов "по правилам", если удастся по этим правилам хотя бы два-три раза сменить президента, то формирующиеся группы будут воспринимать как главное поле борьбы и согласования интересов представительные институты, а не правительственные коридоры. Выбор на этот раз может, кажется, быть сделан не под диктовку нашей политической традиции, а усилием **политической воли**. Как это иногда бывало – на скрижалях Хаммурапии, в законах Моисея, в приказах Макарута...

В. Игрунов, В. Гельман
Правила игры в депутатство:
правовые нормы и культурная традиция

Для людей, чье призвание – создавать "правила игры" для различных сфер жизни общества (а этим прежде всего и должны заниматься законодатели), вопрос о правилах собственной деятельности всегда находится в центре внимания. Дебаты об основах депутатской деятельности, начатые еще на I Съезде народных депутатов СССР – от парламентской работы "на постоянной основе" до пресловутых депутатских дач и машин – сегодня как будто бы стихли. Страна, пережив и вознесение депутатства на гребень волны популярности весной 1989-го, и втаптывание его в грязь в октябре 1993-го, ныне не воспринимает этот институт, скорее, равнодушно: есть осознание его неизбежности, но нет понимания необходимости. Образ "ходока в Кремль" за последние годы уже успел померкнуть, а образ ученого мужа, дающего мудрые советы, как-то не вяжется с обликом иных обитателей Государственной Ду-

мы. Иначе говоря, если депутаты созыва 1989-1990 годов выработывали правила своей деятельности в обстановке пристального внимания общественности, то в 1994-1995 годах парламентарии оказались предоставлены сами себе.

С некоторой долей условности можно говорить о чистоте эксперимента по созданию новых норм депутатской деятельности в рамках Госдумы, имевших мало общего с правилами деятельности Верховных Советов как по авторству, так и по замыслу; результаты же, однако, мало различаются. И дело не в том, что писанный кодекс, связанный с правилами избрания депутатов, закон "О статусе депутата", регламент парламента - не имеют отношения к реальности; разумеется, в значительной мере поведение депутата совпадает с правовыми нормами, как бы задающими некие рамки, из которых нельзя выйти. Но за пределами писанных правил осталось (не могло не остаться) то, что в конечном итоге ничуть не в меньшей степени определяет повседневную деятельность парламента.

На первом этапе деятельности Госдумы, когда депутаты (еще не вполне успевшие осознать себя парламентариями) стремились к самоутверждению и политической эмансипации, в парламенте возникло своеобразное движение, ориентированное на приоритет полномочий депутата как личности, представляющей своих избирателей перед полномочиями групп и сообществ - фракций, комитетов и т.д. Благодаря этому подходу Дума отвергла первоначальный вариант регламента, составленный группой под руководством М.Митюкова, в основу которого были положены идеи императивного мандата, иерархии депутатского корпуса и фактической подчиненности депутата различным структурам - ухудшенной редакции того порядка вещей, который существовал в Верховном Совете. Казалось бы, самоорганизация депутатского корпуса, сумевшего примерно за месяц согласовать решение столь сложных проблем, давала основание надеяться на успешную реализацию данной модели, но...

Узурпация депутатских полномочий теми или иными коллективами началась с первых же дней работы Думы - прежде всего постольку, поскольку в этом были заинтересованы лидеры политических фракций, входящие по должности в Совет Думы. В итоге на сегодняшний день полномочия Совета Думы значительно превышают те, что записаны в регламенте. Совет Думы решает многие вопросы, связанные с распределением ресурсов (в том числе, вопрос о составе делегаций, выезжающих за границу) - то, против чего восставали депутаты Верховного Совета, воспроизведено на новом этапе. Совет Думы просто занял место прежнего Президиума. Но поскольку у лидеров фракции много работы, то в конце концов все свелось к тому, что очень часто решения аппарат готовит сам и они формально проходят через Совет Думы, без обсуждений в комитетах по организации работы Думы, профильных комитетах и депутатами. И хотя формально любое решение Совета Думы может быть отменено парламентом, за все время работы подобных случаев не было, несмотря на протесты отдельных депутатов.

Следующим этапом стала узурпация аппарата парламентских комитетов их руководителями. Например, депутаты добились того, что они не подчиняются председателю комитета - тогда ведется диалог на горизонтали. Но большинство депутатов, входящих в комитет, считают себя подчиненными его председателю, что абсолютно противоречит духу регламента, духу закона "О статусе депутата", да и самому духу парламентаризма. Естественно, при таком подходе аппараты комитетов работают персонально на председателя как на политического деятеля. Более того, сегодня примерно такая же ситуация и с председателем Думы. Задолго до того, как И. Рыбкин провозгласил себя лидером "левоцентристского блока", аппарат Думы, вел для него масштабную работу по анализу ситуации в регионах. Эти сведения собирали Аналитический центр Думы, его информационная служба. Между тем, ни один депутат подобного материала не располагает. Таким образом, достаточно получить ту или иную должность, чтобы использовать аппарат Думы в своих целях и в абсолютном противоречии с писанными нормами.

В чем же причины? Плохие нормы или плохие депутаты? Либо существует что-то еще, что с неизбежностью выталкивает нас на привычный круг?

Сильнейшее воздействие на данный процесс оказывает культурная традиция. Безусловно, можно изменить законы – в течение одного дня, одного месяца, одного года. Но невозможно изменить культуру поведения (в том числе и депутатов) за столь короткий срок. Если человек пришел в парламент по воле сограждан, но считает себя частью бюрократической машины, где ему отведено определенное место, он волей или неволей будет себя вести как часть этого реального или воображаемого иерархического механизма. Разумеется, играют роль и политические интересы фракции, и частные интересы конкретных депутатов, желающих, например, получить квартиру в Москве, но существует и привычка жить подобным образом.

Скорее всего, эту ситуацию невозможно радикально изменить в ближайшие годы без каких-то сильных внешних воздействий. По крайней мере, нынешние депутаты Думы, заинтересованные в соблюдении созданных ими правил, не смогли противопоставить что-либо этой стихии. Работа по повышению культуры депутатов, изменению их отношения к правилам вообще и к регламенту в частности требует полной профессиональной загрузки, и однако никто из парламентариев не рискнул потратить на это два года жизни.

Деятельность нового состава парламента в этой сфере во многом будет обусловлена степенью сменяемости депутатского корпуса. Можно выделить две разнонаправленные тенденции. С одной стороны, депутаты старого созыва, которые вписались в определенную систему отношений, будут препятствовать изменению сложившегося порядка вещей; при этом многие из них уже привыкли к своему депутатскому статусу и готовы поддерживать свою независимость, что дает шанс если не продвинуть этот процесс дальше, то, по крайней мере, не опустить планку самостоятельности парламентариев ниже. Если же состав депутатского корпуса существенно изменится, возникнет определенная опасность прихода в парламент значительного числа людей с иерархическим сознанием. Подчеркнем, данный феномен не столь сильно связан с политической ориентацией депутатов или с их региональной принадлежностью; представление о своей роли как о "винтике" в иерархической машине может быть присуще и коммунисту, и члену "Выбора России", и москвичу, и камчадалу.

Значительное влияние на характер как писаных, так и неписанных норм депутатства оказал и эффект "десоветизации". В 1990–1993 годах избранные на альтернативной основе депутаты – от Верховного до районных Советов – ощущали себя частью единой корпорации, имеющей общие интересы (в частности, противодействие произволу исполнительной власти). Существовала определенная взаимосвязь и взаимодействие между депутатами всех уровней, зачастую скрепленные личной унией пребывания депутатов в составе двух Советов (скажем, Верховного и областного). После "черного октября" 1993 года эта связь оказалась утраченной как из-за роспуска Советов, так и потому, что половина депутатов Госдумы, будучи избрана по партийным спискам, достаточно формально "приписана" к тем или иным регионам, не имеет с ними реальных связей.

Этот фактор оказывает существенное негативное влияние как на представительные органы власти субъектов Федерации, так и (в менее явной форме) на работу Госдумы. На уровне региона представительная власть, как правило, очень сильно ущемлена (гораздо сильнее, чем в центре) и нуждается в поддержке, которую получить неоткуда. Поэтому региональные Думы и Собрания не могут квалифицированно противостоять проявлениям локального авторитаризма и зачастую становятся придатком исполнительной власти (исключения только подтверждают правило). Это ведет и к снижению качества федеральных законов, которые порой слабо соотносятся с реальными проблемами регионов.

Так, в проект закона, в котором больше всего были заинтересованы представительные органы субъектов Федерации – "Об общих принципах организации системы органов государственной власти субъектов Российской Федерации", внесено более 700 поправок, и прежде всего региональными думами и собраниями. Однако у представительных органов субъектов Федерации возможности провести свои поправки в Госдуме через соответствующий профиль-

ный комитет не было; разработчики проекта учли то, что соответствовало их интересам. В данном случае писанные нормы регламента позволяют вести законодательный процесс более или менее произвольно; в неписанной практике согласований, сложившейся еще в застойные годы, депутаты уже не нуждаются, а новой культуры согласований еще не создано.

Такой подход заставляет усомниться в профессионализме парламента. В принципе депутаты должны быть заинтересованы в том, чтобы адекватно представлять позиции избирателей - хотя бы в интересах собственного переизбрания на новый срок. Но происходит нечто противоположное - думцы (независимо от политической ориентации) замыкаются в парламентской касте, которая считает, что она сама знает, как нужно решать те или иные вопросы и как бы отгораживается от страны. Возникает проблема силового давления: кто кого пережмет; причем парламент играет роль не согласователя интересов, а как бы представительства сил, которые борются между собой. Заметим, что это не исключительная черта нынешней Думы - то же самое было и в Верховном Совете России, и на Съезде народных депутатов СССР. Парламент даже самими депутатами до сих пор не осознается как институт, согласовывающий интересы различных слоев населения.

Разумеется, нельзя утверждать, что согласования интересов в нынешнем парламенте не существует - по сравнению с эпохой Советов прогресс заметен как по форме, так и по сути (скажем, обсуждение бюджета, связанное с торгом различных групп Думой регламентировано и в целом соблюдается всеми заинтересованными сторонами). Но трудно найти субъектов, способных согласовывать интересы. Как только парламент касается вопросов, не затрагивающих буквально всех депутатов (проблем регионов, национальной политики или взаимоотношений в рамках СНГ), выясняется, что существуют частные интересы тех депутатов, которые работают в профильном комитете, причем абсолютное большинство депутатов не интересуют эти проблемы, а партии и фракции просто неспособны их содержательно обсуждать. Речь идет не о злом умысле коварных лоббистов, протаскивающих те или иные законы (хотя и этого в Думе в избытке); до сих пор не создано культурной среды, которая заставляла бы депутатов обращаться к экспертам, к представителям различных слоев населения. Не существует культуры диалога, прежде всего, диалога депутатов с собственной страной - такая необходимость еще не осознается. Это невозможно отрегулировать никаким законодательством.

Существуют и еще два внешних по отношению к парламенту препятствия. Во-первых, роль самого парламента и его влияние на процесс принятия решений ограничена рамками Конституции и местом, которое отведено парламенту в неформальной иерархии принятия решений (достаточно вспомнить полемику вокруг принятия законов о выборах в Госдуму и Совет Федерации). Во-вторых, что гораздо важнее, у большинства политических сил - как в парламенте, так и за его стенами - существует мировоззренческая установка не на выработку и реализацию согласованных решений, а на представление об успехе как возможности навязать оппонентам свою волю (в том числе и под видом консенсуса, как это было при подписании "Договора об общественном согласии"). При такой постановке вопроса происходит дискредитация центральной идеи демократии как представительства интересов различных слоев населения.

Это соотношение писанных и неписанных норм во многом определяет характер "правил игры" в избирательной кампании. И здесь проблема связана не столько с качеством избирательного законодательства (содержащего массу лакун и двусмысленностей относительно ведения агитации, финансирования и т. д.), сколько с общей социокультурной ориентацией на то, что политика суть не осуществление каких-либо осмысленных действий по преобразованию общества, а **борьба** за перераспределение ресурсов и возможностей ими распоряжаться. В этой борьбе ресурсы - и финансы, и возможность контроля над местными администрациями и избирательными комиссиями, и доступ к СМИ. Речь не идет о случаях прямого нарушения законодательства (illegal) - существует большой пласт проблем, которые законом не регулируются (unlegal).

То, что не может быть урегулировано законом, создает преимущество, которое получает, прежде всего представитель исполнительных органов власти. Грубо говоря, если В. Черномырдин, разъезжая по стране, встречается с нефтяниками, с рудокопами, плотниками и так далее, он выполняет свои государственные обязанности. Премьер-министр управляет страной, и его показывают по ТВ как бы из-за должности. У депутата Госдумы подобные ресурсы гораздо более скромнее. Что же касается бизнесменов, то они имеют еще меньше возможностей, чем депутаты, не говоря уже о представителях исполнительной власти, зато у них есть прямой выход на финансовые ресурсы, и здесь шансы могут уравниваться.

Трудно говорить об этике поведения на выборах, поскольку в нашей стране она полностью отсутствует. Избиратели очень мало реагируют на те или иные отклонения от норм, считая их порой малозначимыми нюансами. Это не значит, что наши сограждане согласятся на прямую покупку голосов; хотя такие попытки и бывают успешными, но в целом данный способ не столь эффективен. Скрытый подкуп в изощренных формах может оказаться более действенным. Когда, скажем, министр иностранных дел организует на государственном уровне отдых российских детей за границей и везет туда детей из Мурманской области, где является депутатом по мажоритарному округу, то избиратели отреагируют на это весьма позитивно. Большие деньги, конечно, могут решить исход выборов. С этим бороться практически невозможно, потому что в наших условиях нарушение закона или обход закона по кривой не осуждается большинством населения. Можно с уверенностью предположить, что в кампании по выборам в Госдуму многие "денежные мешки" станут действовать в обход закона, как впрочем, и в прошлый раз.

Что же касается столь значимых субъектов парламентской жизни, как политические партии и думские фракции, то и в их деятельности баланс писаных и неписанных норм играет чрезвычайно важную роль. Разумеется, у каждой партии и фракции есть устав, программа, регламент, но есть и традиции, существенно различающиеся, скажем, у ЛДПР, "ЯБЛока" и коммунистов. Эти правила сильно связаны с неформальными взаимоотношениями между конкретными людьми, но институциональные рамки накладывают на них весьма сильный отпечаток. Так, выборы по партийным спискам породили проблемы взаимоотношений между "центром" и региональными организациями, между фракциями в Думе и партиями как таковыми. Естественно, немалую роль в этом процессе играют борьба за высокие места в партийных списках и связанное с этим развитие клиентелизма в партиях и фракциях. Но параллельно проявляются и аспекты, связанные с поиском собственной политической идентичности (эта проблема присуща "демократам", но она проявляется и у левых, и у национально-патриотических партий и организаций). Пока трудно говорить о степени взросления новых партийцев - будущее покажет, насколько обоснованы их претензии играть самостоятельную роль в политике и в обществе.

Тот факт, что парламентская деятельность вообще и парламентские выборы в частности рассматриваются российскими политиками лишь как увертюра или ступень к выборам президентским, резко изменяют выбор фракциями целей и средств их достижения. Так, КПРФ, возникшая как сообщество людей, объединенных общей идеологией (а скорее, культурной традицией), в период своей парламентской деятельности превратилась в лидерскую организацию во главе с Г.Зюгановым, "Выбор России", утративший всякое влияние на власть и растерявший значительную часть членов и сторонников, похоже, проделал обратную эволюцию. В то же время неформальный кодекс внутрипартийной жизни определяет стиль поведения депутатов как в парламенте, так и в ходе избирательных кампаний. Совершенно очевидно, что для В. Жириновского не существует запретов ни в ЛДПР, ни вне партии, и он в состоянии, скажем, получить много голосов, обещая людям то, что они хотят от него услышать, и зная, что заведомо не будет выполнять обещания. Это же присуще партиям и политикам другой ориентации, например, Б. Федорову и его движению "Вперед, Россия!". Иначе выглядит ситуация в "левом" лагере, поскольку то, что предлагают коммунисты, - в значительной степени нереализуемо (многие

партийцы и сами отдадут себе в этом отчет). Тем не менее, для многих коммунистов эта мифология является истиной, хотя на рациональном уровне обосновать ее нельзя. Такой подход похож способен принести немало голосов избирателей.

В целом можно выделить три парламентские стратегии, три типа кодексов, присущих политикам и партиям на выборах, и в Думе. Первая - *открытая стратегия*: говорить избирателям то, что думаешь (причем неважно, насколько обоснованна и реальна предлагаемая программа). Из нынешних думских фракций подобной стратегии придерживаются "ЯБЛоко" и КПРФ. Вторая - *популистская* - ярко представлена в ЛДПР. Между этими полюсами лежит третья - *деидеологизированная стратегия*, активно применяющаяся "Женщинами России" и частью аграриев. Причислить их к какому-то политическому лагерю крайне тяжело. Таких политиков много среди депутатов-одномандатников, входящих, скажем в группу "Новая региональная политика". Вопрос о пропорциях и критериях успешности этих "правил игры" связан с тем, что именно следует принять за точку отсчета. Если говорить о долгосрочных планах, то позиция принципиальных сторонников открытой стратегии будет обладать многими преимуществами по той простой причине, что они могут работать в течение нескольких избирательных циклов, в то время как конъюнктурщики или деидеологизированные группы будут все время меняться. То есть, если в случае с коммунистами мы видим партию, преследующую долгосрочные цели, и ее представители в парламенте могут участвовать в политике довольно долгое время, то скажем, персональный состав "Женщин России" может меняться довольно быстро. Они будут как бы наполнителем, своего рода пустой породой в парламентах. То же самое касается и популистов, ибо сегодня верно уловит настроение масс один политик, завтра - другой. Они будут меняться, и раньше или позже доминирующее положение в парламентской (и вообще в публичной) политике займут группы, которые несут принципиальные идеи. Сегодня, на наш взгляд, к ним относятся прежде всего "ЯБЛоко" и коммунисты. Таким образом, если на выборах популистская и деидеологизированная тенденции соберут большинство голосов, то по кумулятивному эффекту на протяжении многих лет в выигрыше все равно окажутся принципиальные политики.

Этот прогноз может быть реализован при одном условии: если выборы в Государственную Думу 1995 года не станут в России последними.

**МОДЕЛИ УСПЕХА: РОССИЙСКОЕ
ДЕПУТАТСТВО В КОНТЕКСТЕ
ПОСТСОВЕТСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ**

Л. А. Аннинский
Депутат как положительный герой
постсоветской эпохи: какого депутатства достойна Россия?
(Ответы на некоторые вопросы разработчиков проекта)

"Как бы вы объяснили феномен гипертрофированного морального отношения общества к депутатству?"

Ответ - в вопросе. Объяснение - в моральной гипотрофии общества. Почему, собственно, встает проблема морального состояния депутатов? Потому что народ, смирившийся с повседневным хамством и безнадеей, сжившийся с вороватостью, лживостью и агрессивным блудом в собственном психологическом составе, чаёт увидеть праведность хоть в каком-то искусственно вычленном отсеке общества. Вот и стоит под рентгеном фигура Депутата: чтоб он тебе не брехал, не крал, не дрался...

Но если вернуться к здравому смыслу, - какое мне, собственно, дело до моральных качеств депутата? Я его что, на роль манекена для подражания выбирал? Я его выбирал, чтобы он там, у власти, защищал мои интересы. Это - если я нормальная среднестатистическая сволочь, пекущаяся о своих интересах.

Если же я, извините, патриот, то я его выбирал, чтобы он защищал интересы отечества. И мне опять-таки нет дела, сифилитик он или филателист. Петр Великий был в этом смысле весьма "неоднозначная" штучка, а вот в смысле государственной пользы - большой молодец. Поэтому решаю так: что хорошо для России, то и для меня.

"Для России"... А для человечества? Славное уточнение. А если я - для человечества, и, стало быть, такой всемирно-отзывчивый мондиалист, то я своим депутатом выберу, пожалуй, философа, умницу-златоуста, "осмомысла", который бы все цивилизации понимал и о человечестве пекся. А сколько он при этом сменил жен или, при случае, сменил бы подданств, на это наплевать и забыть.

Алкивиад, профессиональный предатель и перебежчик, между прочим, был лучшим из учеников Сократа. "Я знаю только то, что ничего не знаю...". Не знаешь - помолчи. А гласность? А долг избирателям? А ценности?

Что ж, выходит, кого попало - в Думу? А ценности, уважаемые сограждане, они потому и ценности, что остаются таковыми независимо от того, кто их носитель: думский депутат или последний бомж, философствующий на свалке. Просто вышло так, что на всеобщем виду оказалось несколько сотен избранных. Цвет нации. Срез. Общество, собственно, всегда смотрит на свой "срез" и берет пробу морали в "отведенном месте".

Например, в прошлом, духовенство - по определению было хранителем морали. Каково духовенство, таково и общество. Пастырь... паства... - по заветам. А по жизни? Чем было наше духовенство во времена, когда лучшие его сыны ударились в революцию? Чем оно стало в наше время? Освятить очередную сауну для начальства... помахать кадиллом во вчерашнем атеистическом Дворце Культуры, изгоняя бесовский дух? Да почему они должны быть эталоном нравственности? Им велено - пасти стадо. То есть: хранить истину. Моральной должна быть в принципе любая овца. Но если по стаду идет парша? И пастыри бессильны? И ценности попораны? А тогда любой загон, отгородивший избранных от прочих, - поле для особого спроса.

Гипертрофия требовательности. Со всех не спросишь, а тут - избралась. Сели думать. Вот они сидят, голубчики, не в камерах, а перед камерами. Перед микрофонами. Перед ожидающими взорами всей прочей паствы. И их физиономии видны всем. Слово скажет - все ясно. Как с них не спросить - уж больно аквариум хорош. Прозрачный. Чего они там, в Думе, должны де-

лать: законы принимать или исполнение проверять, - про то нам самим думать не с руки. Нам - требовать с них чего-нибудь такого, чего самим не достичь. Ну, прежде всего: чтоб не воровали, не грубили, не дрались...

"Так вы считаете, что причина заложена в самой Думе?"

Еще как заложена! В неопределенности роли "самой Думы". Борис Парамонов не так давно выпустил в эфир специальную передачу на эту тему. Смысл такой: думцы совершенно не чувствуют, что они - власть, а просто засели там крепкие ребята: вцепились в свое.

Начнем со второй, более понятной половины этой характеристики. Они, думцы, действительно, чувствуют себя не властью, поставленной у руля, а какими-то везунчиками, дождавшимися момента.

Вы же помните главную проблему с предшествовавшим Думе Верховным Советом. Нет, я не про расстрел осенью 1993 года - там, действительно, "дошло до ручки", - я про рутинную смену состава после каждых выборов. Самое сложное, оказывается, - "освободить жилплощадь". Зацепились за Москву! Да и как их не понять: мы живем в такой век, когда все дороги в бывшем СССР все еще ведут в Третий Рим.

Тут ясно. Неясно с первой половиной парамоновской концепции. Насчет власти. Думцы думают, что они "схватили кусок", а должны думать, что они - власть. Тут у меня, честно говоря, некоторая неясность. Власть - это все-таки непосредственное управление. Вот ты здесь стоишь, и в эту секунду в этом месте ты - власть. Власть в данном дворе - дворник с метлой. Власть над реактором - оператор. Ну, ты у руля - ты власть. Здесь и сейчас. Надо присутствовать. Отошел - и ты уже не совсем власть.

Практически власть всегда у тех, кто ее исполняет. Оно и видно по реальности. А Дума что такое? Некое "особое совещание", где осуществляется как бы верховная власть? Любое "особое совещание", собравшееся для решения того ли иного конкретно-стратегического вопроса, - такая верховная власть. Пока решает. Атомная стратегия решается в соответствующем синклите. Нефтяная - в другом. Просвещенческая - в третьем. А интегральные (сборные) пути народа и государства кто в перспективе высвечивает? А на то - Академия. На то - философия, литература, наука. На то - пресса. Обсуждают непрерывно. Власть над умами. Где тут уместиться Думе? Между элитой духовной и элитой управленческой? Так там уже по традиции плачет и стонет интеллигенция - носительница связей, которые то и дело рвутся. Так что Думе-то делать? Фактически - одно: смягчать контакты между жесткой исполнительной властью и духовной элитой, хранящей идеалы. Идеалы ведь не из Думы берутся, не в Думе хранятся и не Думой вырабатываются. А всею толщей народа во всей толще истории. И источник власти - не Дума, а память народа. Если угодно, нечто мистическое. Эта память хранится "непонятно где", то есть "езде". И готовность эти идеалы изменить накапливается везде - во всех концах и краях общества. Если тянут врознь - рвется власть. Тянут в одно - власть поворачивается.

Дума - буфер, срез общественных настроений. Очень неясный статус, конечно. Ее, Думу, учредили - из уважения к памяти. Была Дума до большевиков-узурпаторов - восстановить ее! И при давних царях была - значит, свое, родное. Восстановили. Вчерашние завлабы сели вперемежку со вчерашними инструкторами обкомов. *Избранные*. Что им делать, не вполне ясно. Но ясно, что их - избрали. И значит, на них "смотрит вся страна". Как надо вести себя, когда на тебя смотрят?

"Не кажется ли вам, что общество чрезвычайно высоко подняло нравственную планку для народных избранников?"

Вот я и говорю: когда не вполне ясно, что делать, а все смотрят, остается одно: быть примером для подражания. А что планка поднята чрезмерно, так мы в меру ничего не делаем - все чрезмерно. "Если жить, так уж жить, а любить, так любить горячей и верней, чем Ромео Джульетту". Если от чего старого отказываться, то срывать до основания. Если новое строить - то весь мир осчастливливать. Что в счастье не влезло, то в расход. В чрезвычайку. Если решили депутатов избирать, то это, конечно, лучшие в мире депутаты.

"Какой идеал достойного депутатства, на Ваш взгляд, существует в массовом сознании?"

Расплывчатый, как всякий идеал, и, как всякий идеал - недостижимый. Логика такая: раз мы его избираем, пусть он будет лучше нас. Не будет. Не будет он лучше нас. Будет - приблизительно такой же: пегий, пестрый. Лукавый, сентиментальный, агрессивный, переменчивый, вздорный и обязательно в душе "невиноватый". Мы ж его из своих же качеств лепим - этот идеал. Только с таким "уклоном", что если нам в себе чего-то не хватает, - там должно быть с лихвой. То есть, если мы "опасаемся", он будет "бесстрашен". Мы стесняемся - а он стесняться не будет. Очередной спор из-за Крыма. Наш депутат хватается и рвет украинский флаг. Тотчас в Киеве какой-то депутат рвет флаг России. Кроили-то людей и в Москве и в Киеве из одного "материала". Отбор шел по одним и тем же признакам.

"Является ли идеал "точкой отсчета" в публичных оценках сегодняшнего Депутатства?"

В массовом сознании? Является. Не "чего достигли", а - "как вели себя" в предлагаемых обстоятельствах. То есть "на сцене" (и в телеящике). Да и к публичности мы еще не совсем привыкли. Думаем (по инерции), что всякий выход индивида в публичность хоть немного меняет мир. Ах, он по телевизору та-кое сказал! Ах, в газете про него та-кое напечатали! На самом деле печатается "такого" столько, что не осилишь; люди читать перестают. И говорится "такого" по ящику столько, что не различишь и не запомнишь, кто там что сказал. Реально парламент должен сидеть в своей нише (в оркестровой яме) и делать свое дело (давать фоновую мелодию). А он у нас в качестве "идеальной части общества" рвется на просцениум и старается переиграть (переорать) публику. Красуется.

"Не является ли тупиком для политической трансформации российского общества традиционные ожидания народом от Власти безгреховного политического "поводырства"?"

Тупиком? Надеюсь, нет.

Тупик был - в октябре 1993 года, только не из-за "безгреховного поводырства", конечно; этим "поводырством" обе стороны скорее уж прикрывались. И то, - идя навстречу традиционным пожеланиям трудящихся. Боюсь, что там по обе стороны стояли большие греховодники, которые знали про себя, что они греховодники.

В тупик зашли потому, что приходилось поворачивать развитие страны на новый путь. "Умом" это тоже понимали все: и завлабы от Фридмана, и обкомовцы от Ленина. Однако легко повернуть страну, если она масштабов Люксембурга, а - Россию? Она от одной мысли о повороте в 1991 развалилась, инстинктивной судорогой: выплывать - так врозь. Но и "отстрелив" республики, Россия не поплыла, а закружилась на месте. "Молодые штурманы" ее влево крутят, а она - не поспекает, упирается. И вроде понимает все, матушка, да мочи нет.

Это ее состояние моделирует, как и положено, парламент. Вот парламент и уперся, и встал против, и стоял. Тогда постреляли ему в окна. Покрыхтела Россия, поохала и поволоклась, куда Фридман велел. Это - не тупик, а как бы мертвая точка. Сколько еще таких мертвых точек будет, и чем они нам отольются, не берусь гадать. Я ведь - в микромасштабе - эту самую Россию в себе ношу, как и всякий из нас. Умом - все понимаю. А кости трещат. И сил - в обрез. И дурь всякая в голову лезет, выхода ищет: дай поорать! Ну, я-то по привычке все на бумагу изливаю, и тем счастлив.

А представители народа? К микрофону в очередь.

"Какая идеология достойного депутатства должна быть озвучена сегодня в российском обществе, особенно учитывая грядущие выборы?"

Грядущие выборы - всего лишь эпизод, хотя, наверное, и небезопасный: интеллигенции очередной раз предстоит почувствовать мнение народа об экспериментах, ею инициированных. Этот эпизод минет, и другой, и третий - жить-то мы надеемся не "от выборов до выборов", а как бы сплошняком, да еще и в соизмерении с вечностью. И выборы, и депутаты - все это должно

стать традицией, соответственно озвученной в памяти народа, - тогда и "идеология" появится, а не только посулы на завтра. Только это будет не "идеология достойного депутатства", а идеология всего общества. Она, идеология, должна быть выработана не для тех или иных выделенных частей, а для целого, иначе целое будет разваливаться дальше на те самые части, для которых успеют наскрести идеологические оправдания, а далее тем же ходом - от мертвой точки до мертвой точки. Процесс тяжелый и, боюсь, малопредсказуемый. Вехи для него будут определяться старым, как мир, способом: отбором образцов для подражания. Или для отталкивания.

Вспомните, как когда-то отработывалась парадигма святости. Стать святым у нормального человека духу не хватает. Но он должен знать, что святость в принципе возможна. Тогда у нормального человека появляются силы не быть скотом. Герои Советского Союза были вариацией такого отбора, но по шкале, далекой от христианских ценностей. "У нас героем становится любой"? Нет, конечно, не любой, а только тот, кому страна прикажет. А вот приказать она могла в принципе любому. В чем и заключался смысл парадигмы.

Теперь мы ищем ей новый смысл. Конечно, это очень непривычно: иметь в роли святого - фигуру "депутата". Даже комично как-то. Американцы после гражданской войны прошли через такой трагикомизм; было даже прозвище: "саквояжники" - собиратели голосов. Однако выстроили же Америку. Вот мы и пытаемся их опытом воспользоваться. Посмотрим, как организм наш справится с таким лекарством.

"Каким образом, с Вашей точки зрения, можно было бы идеологически выйти из когнитивного тупика: этический идеал "Депутата" накладывается на весь депутатский корпус, приводя логически к этически-негативной оценке "депутатства"?"

Марксист Рязанов тут пошутил бы: "Мне смертью твою угрожало". Когнитивные тупики у нас на каждом шагу, но практически - живем же. Конечно, трудно.

Никогда не было у нас традиции парламентаризма, то есть говорения у власти. А что было? Было таинство власти, мистическая безмерность власти, грозное молчание власти, прерываемое яростным криком бунта либо приказа. Однако опыт множества стран, вжившихся в это говорение и явно обогнавших нас на путях цивилизации, висит перед нами соблазном. Надо следовать.

Мы берем парламентаризм напрокат с Запада и осваиваем. Когнитивно - полнейший тупик, потому что сроду у нас ничего не обговаривали и на словесных базарах не решали, и сделаны мы - психологически - из совершенно другого материала. У нас всегда в ходу были потаенные решения и выставленные для блезиру лукавые оправдания. Наверное, тем же старым казачьим способом будем выходить из очередного когнитивного тупика: сверху - "процедуры", снизу - звериное тайное выжидание.

Попробуем все-таки понять этот звериный механизм. Сверху подумали. Решили. Указали. Снизу уперлись. Потянули канат туда-сюда. Увидели, чья берет. Опять подумали... Параллельно - гласность: громко ищут виноватых. Виноватые продолжают свое дело. Потому что делать надо, а невиноватых нет (вернее, как уже было сказано, в душе у нас все невиноватые, и от веку же есть выход из этого когнитивного тупика: не согрешишь - не покаешься).

Три года стояли перед чеченским тупиком. Потом ткнулись. Морда в крови. Кто виноват? Президент. В чем виноват? Непонятно. То ли в том, что ткнулся, то ли в том, что неумело ткнулся. А парламент? Тоже виноват. Потому что ничего лучшего не придумал. Три года зевал, потом завопил в сторону Президента: зачем тот решал втайне?! Да такие вопросы и решаются втайне. В "тишине". Нигде, ни в одной стране решения не принимаются на "форумах говорения". Это вам любой здравомыслящий человек подтвердит: решения вынашиваются в тишине, и даже большею частью в одиночестве. Либо - в узких, "тарабарских", "эзотерических" переговорах экспертов, где посторонний мало что поймет. И эти спецы-жрецы-авгуры келейно, тайно (то есть без советов со стороны) взвешивают все и, взвесив, предлагают набор

решений. Из них надо выбрать одно. Выбор одного варианта - дело одного человека. На то он и заложник нации: президент, монарх, вождь, генсек, кесарь, кайзер, фюрер, дуче, каудильо - кто угодно, ставящий на карту свою жизнь. Мы выбираем первого, а он выбирает решение.

Зачем же парламент? Готовить решения? Да он со всеми своими комиссиями едва поспеет за спецями, и у тех же спецов будет консультироваться. Парламент нужен затем, чтобы показывать, на что мы - народ, общество - способны. К чему готовы в данный момент, к чему не готовы. Он, парламент, - модель общества. *Говорящая модель*. Что с ним делать? *Слушать*, что он говорит. И принимать решения - *выслушав*. Не ждать, что парламент найдет пути решения. Пути найдут эксперты. И ни в коем случае не отдавать парламенту власть. Ибо власть галдящих - это не власть, а базар. Кончается же базар всегда одинаково: появлением полиции. Либо боевиков. В конечном счете разницы нет, потому что боевики набегают из полиции же. В семнадцатом году был опыт.

"Каким образом, на ваш взгляд, собственно депутатская корпорация должна культивировать в себе ценности и нормы депутатского кредо и кодекса, дабы форсировать или хотя бы поддерживать образ "достойного российского депутатства"?"

Как всякий русскоязычный, я весьма чувствителен в суффиксам, и ловлю сигнал тревоги уже в слове "депутатство". Ну, а уж когда доходит до "корпорации" - все, конец. Вернее, начало безумства.

Не корпорация это! Не слой, не страта, не каста. И не "образ жизни". Депутаты - это всего лишь люди, взявшиеся представлять в "модели" общества, и только на то время, пока им это доверено. Датчики в модели. Как всякие датчики, они должны выдавать значение, но сами по себе должны занимать как можно меньше места. Чтоб помех не было от их "личного вклада". *Личного вклада* от них не требуется, а только - передать то, что в них вложили (с чем их послали) избиратели.

Хочешь вложиться *лично* - пожалуйста, можешь. В любую отрасль: от горнодобывающей до стихослагающей. Твори, выдумывай, пробуй. Но если идешь в Думу - не выдумывай. И пробуй в три оглядки. И твори поосторожнее. А то натворишь. Сотворишь себе... кумира. И себе, и нам всем. Депутатство - это механизм. Чем меньше он тарактит, скрежестит и лязгает - тем лучше. В идеале нужна бесшумная работа. Шкала мнений, постоянно действующая на временной основе. Так не можем же мы так! Нам органику подавай! Чтоб кредо было у этих датчиков, чтобы кодекс был у корпорации. Чтобы образ достойный. Депутат как пример для подражания? Бред какой-то. Ну, будут "профессиональные думцы". Да и есть уже. Что в перспективе? Мафия? Лобби? Наследственный мандат? Думец такой-то, сын думца такого-то. Столбовое думство. Какшееся думство...

Нет уж, не нужен мне депутат, который станет мне служить достойным примером. А нужен такой, который смоделирует все мои мерзости и не добавит своих. А пример для подражания я поищу где-нибудь в другом месте. По моей специальности и склонности.

"Ваш прогноз относительно того, как нравственный фактор будет обыгран в ходе предстоящей выборной компании? Не выиграет ли тот, кто первый предложит обществу идеолого-мировоззренческую модель "достойного" депутатства?"

Да и прогнозировать нечего, и так ясно, выбирать станем по принципу: был бы человек хороший. И выберем опять таких, что начнут играть роль "хороших людей". Будут строить из себя "корпорацию", а думать при этом, будто строят "идеолого-мировоззренческую модель".

Делать будут между прочим то, что потребуется. В том числе и тот избранник, который выиграет, предложив нам что-то "достойное". Он будет делать не то, что он нам ради выборов "предлагал", а то, что нужно стране и что *поильно* ей в нынешнем состоянии. На "юг" не бросится - будет, родимый, "север" осваивать, как и бог велел.

А чтобы "нравственный фактор" такому избраннику обеспечить - за тем дело не станет: армия певцов наготове.

Г.А. Сатаров
Какое депутатство необходимо России
(монолог)

Мне кажется, что специфика нового периода российского парламентаризма, начавшегося после принятия новой Конституции, определяется следующими факторами. Первый фактор – события осени 1993 года, которые независимо от всех сопутствующих обстоятельств, воспринимались и интерпретировались (а зачастую эксплуатировались в политических целях), как факт унижения идеи парламентаризма. То обстоятельство, что нынешние депутаты – преемники этих событий, естественно, откладывалось на их политической психологии.

Второй фактор – принятие новой Конституции, которая, по сравнению с предыдущей, существенно уменьшила полномочия представительного органа. В виде мифа о слабом парламенте это обстоятельство циркулировало в настроениях депутатов и тоже, кстати, нередко эксплуатировалось в политических целях.

Третий фактор – политическое противостояние, отчасти унаследованное от предыдущей эпохи (до разгона Съезда в 1993 году). Речь идет о следующем стереотипе: исполнительная власть является проводницей агрессивного курса, а законодательная власть ей оппонирует. В этой связи интересно проследить, что именно и в какой степени в этом отношении удалось изменить. Важно учесть, что действительно существует органическое противостояние ветвей власти, присущее любым парламентам, особенно в тех демократиях, где парламент сравнительно слабо влияет на исполнительную власть, – как, скажем, в США, где отношения Конгресса и Администрации – проблема постоянная.

Существует фундаментальный закон, аналогичный закону природы, согласно которому любой политик, любой политический институт всегда действует исходя из увеличения собственной власти. Поэтому проблема соотношения полномочий ветвей власти – универсальная, постоянная. Даже в тех парламентах, которые выдвигают из своего состава правительство, (как, например, в Англии) существует проблема априорной оппозиционности, формулируемой так: да, мы кого-то выдвинули, но всегда оказывается, что мы выдвинули не самых лучших. Критика бывших "своих" – постоянная задача правящей партии или правящей коалиции, которая и сформировала правительство.

В политической психологии действует своего рода "закон сохранения": если в одном месте власти прибавится, в другом месте ее убудет. В реальной политике это может быть намного сложнее, но в психологии – наверняка: если политик видит, что усиливается какой-то другой политик, ему всегда кажется, что это происходит за счет ослабления его собственных позиций. То же самое касается и политических институтов. У нас эта психологическая закономерность проявляется еще острее, поскольку правительство формируется не парламентом, а другой ветвью власти.

Как ни странно, но последнему парламенту удалось не следовать этим тенденциям. Наследие досталось ему очень неприятное, но, тем не менее, совокупность действий этого парламента не лежала полностью в русле этого наследия. Достаточно вспомнить амнистию, после которой было, мне кажется, нечто вроде испуга за содеянное, и были попытки как-то смикшировать эту ситуацию. Трудно не заметить у нынешнего парламента попыток сопротивления вышеназванной психологической закономерности: с одной стороны, не идти на поводу у своего наследия – с другой, выстроить новую систему политических взаимоотношений.

Интересное обстоятельство. Сразу после начала работы Думы, первое письмо, которое пришло Президенту от депутатов было письмо от представителей фракции коммунистов. И посвящено оно было налаживанию взаимодействия между Президентом и парламентом.

Синдром стремления к исполнительным позициям через депутатство (обозначенный в предложенной мне экспертной анкете), конечно, в той или иной мере, имеет место. Как же сразу это изжить из психологии Советов? Вспом-

ним их основной тезис: "Мы можем решить любой вопрос" – любимое высказывание депутатов предыдущего созыва. Проделав контент-анализ выступлений депутатов, можно убедиться, что сегодня в их риторике признаков такого подхода на порядок меньше. Для меня это очень странно. К новым конституционным условиям депутаты приспосабливались быстро, старались канализировать свое несогласие с курсом или противостояние курсу способами, предусмотренными Конституцией. А если и пытались противопоставлять себя исполнительной власти, то с помощью другого тезиса: "Мы – избранники народа, а вы – чиновники". Именно он стал ключевой формой депутатской самоидентификации. Для прежних депутатов возможность решать "любой вопрос" была важнее тезиса о том, что они представители народа. Правда, это был период очень острой борьбы как раз за власть.

Когда избирался новый парламент, уже тогда был запущен в оборот политический миф о "карманном парламенте". Прежде всего, этот миф полностью не соответствует Конституции. Не так давно появилась статья Г. Явлинского в "Известиях", в которой он обосновывает, почему демократам нельзя объединиться. Меня поразило одно высказывание. Автор пишет, что парламентские выборы определяют курс, по которому мы должны пойти, а президентские – политическую систему. Все с точностью "до наоборот". По Конституции Президент определяет основные направления социально-экономического развития. По той же Конституции Президент полностью отстранен от принятия решений, определяющих политическую систему. А что определяет политическую систему? Конституция или федеральные конституционные законы? Поскольку это федеральные конституционные законы, они принимаются квалифицированным большинством и Президент не может наложить вето. Значит, Президент отстранен от влияния на эту часть законодательства. То же самое касается внесения поправок в Конституцию – Президент только фиксирующая сторона. Таким образом, политическую систему определяет полностью парламент. Как тут можно говорить о безвластном парламенте? Кроме того, что есть и другие полномочия парламента, независимые от Президента, (амнистия, например).

Поэтому "карманность" парламента может проистекать не из конституционной нормы, а, скажем, из его состава. Но после выборов 12 декабря этого не произошло. Миф не состоятелен с любой точки зрения. Но, как ни странно, он не только эксплуатировался, но и создавал комплексы у депутатов, влияя на их поведение. Демонстрация "не карманности" – это один из ведущих мотивов политического поведения депутатов.

Не следует забывать и естественное стремление к консолидации: всякий раз, когда совершались покушения на полномочия депутатов, со стороны ли региона, другой палаты или Президента, эффект всегда был одинаков – консолидация и принятие решений по защите себя. К сожалению, это часто "застигло глаза". Почему я говорю "к сожалению"?

Законодательный процесс в Думе протекает таким образом, что конечная продукция, то есть принятые законы, часто не качественны с юридической точки зрения. В результате Президент вынужден применять вето, а число отклоненных законов превышает число одобренных. За несколькими исключениями это вето носит чисто юридический характер – найдены противоречия Конституции. После того, как был введен в действие Гражданский кодекс, сплошняком пошли законы, которые противоречили уже ему. Президент превратился в своеобразное юридическое ОТК. Обратный поток отклоненных законов направляется к депутатам, которым очень трудно преодолевать предубеждения и смирять желание продемонстрировать свою силу, доказывая, что они не "карманный" парламент.

В американском Конгрессе, который по многим параметрам близок нашему законодательному органу, статистика примерно такая: из общего числа законопроектов законами становятся несколько процентов. У нас законами становится практически все, что может стать предметом законодательного регулирования. Я не знаю ни одного парламента, который бы обладал таким КПД, КПД не в смысле качества работы, а в смысле реализации произвольных идей в форме закона. В этом смысле наш парламент абсолютно уникален. Совет Федерации все меньше и меньше выступает в качестве фильтра. Поток за-

конов из Думы настолько велик, что Совет Федерации, пользуясь Конституцией, большое количество законов пропускает без предварительного рассмотрения.

К этому добавляется еще второй поток законодательной инициативы, исходящей из ведомств, хотя это и противозаконно. Фактически эти законы – форма ведомственного лоббизма.

Мне кажется, что это происходит из желания опровергнуть имидж "карманности": мы – источник власти, мы – сильная власть и т.д. Хотя мне не понятно, почему в принципе нужно доказывать, что законодательная власть – это сильная власть. Она, по-моему, по определению самая сильная власть, ибо именно она определяет правила игры.

Естественно, что суммарный эффект, который производят и журналисты, и сами депутаты, когда говорят о слабом парламенте, откладывается в общественном сознании в формах, на мой взгляд, вредных, уродливых. Если власть хочет быть эффективной и вызывать уважение, она не имеет права предпринимать действия, использовать риторику, которые этому препятствуют. Если все время называть себя слабой властью, это не только сказывается на отношении к парламенту, к конкретным его представителям, но еще и иррадирует на государственную власть в целом.

Поэтому я согласен с тезисом авторов проекта о том, что поскольку нормальный парламентаризм является одним из существенных компонентов демократического устройства системы, его дискредитация отражается в дискредитации идеи демократического устройства политической системы в целом.

При ответе на вопрос, какое депутатство необходимо России, я бы назвал ключевое слово – "ответственность". Используя журналистский прием, приведу пример из жизни.

Я беседовал с членом американского Конгресса, почтенным представителем депутатского корпуса, конгрессменом с очень большим стажем и чрезвычайно уважаемым всеми независимо от партийной принадлежности. Мы сидели вечером, хочу обратить внимание, что это было 9.30 вечера, но шло заседание конгресса, и это не был форс-мажор, это была работа. Конгрессмен говорит: "Вы знаете, я вас на некоторое время оставляю, сейчас у нас голосование, мне нужно идти в зал". А наша встреча рассматривалась как очень важная. Я ему в шутку говорю: "Разве это проблема, оставили бы свою карточку кому-нибудь из коллег и сказали бы, как проголосовать". Он на меня посмотрел как будто перед ним трехногий марсианин с чешуей или что-нибудь в этом духе. "Я бы сразу исчез как политик, если бы кто-то узнал о такой хитрости. Тут никому в голову это не может прийти". Потом он вернулся, мы продолжаем разговор, и он снова к этой теме вернулся – теме ответственности. Рассказал, что у него была года два назад операция на сердце, а через пять дней после операции должно было быть очень ответственное голосование. И он настоял, чтобы его из реанимации на пятый день привезли в зал Конгресса для того, чтобы он мог проголосовать. Вот это я называю ответственностью. И это, на мой взгляд, то главное, чего не хватает нашему парламентаризму. Кстати, самовнушаемый миф о бесправности – это один из факторов безответственности.

Я говорил об одной из форм ответственности, об ответственности профессионально-этической. Но есть еще чисто профессиональная ответственность – за качество выпускаемых законов. Низкий процент выхода законов в американском Конгрессе связан с чрезвычайно высоким критерием качества, который они предъявляют к собственной продукции. Есть и политическая ответственность, связанная с идеей представительства. Я думаю, что пока ответственность не станет доминирующим фактором политического поведения, нормального парламентаризма не будет.

До сих пор я рассматривал парламент как вещь в себе, что, конечно, недостаточно для полноценного анализа. Для того, чтобы не нарушилась логика презентации депутатства российскому обществу, должно меняться не только депутатство, не только психология депутата, но и система. Выше я говорил об отсутствии чувства ответственности. Помимо комплекса "карманности" на это обстоятельство влияет еще очень многое, например, из то-

го, что находится за пределами парламента - система исполнения законов. Трудно подходить ответственно к принятию законов, если ты живешь в стране, в которой они плохо исполняются. Как может быть сильна законодательная власть в системе, где не исполняются законы: сколько бы полномочий она для себя ни определила, какие бы законы не издавала, когда законы не исполняются, когда не функционирует система, обеспечивающая исполнение, - все бессмысленно.

Почему в России представительная власть постоянно приходит в состояние неразрешимого конфликта с исполнительной властью? Я согласен с этим вопросом за исключением слова "неразрешимый". Речь идет об основном отличии действующей Конституции от предыдущей. Как раз предыдущая Конституция страдала тем, что не включала в себя механизм разрешения конфликтов.

По логике исторического наследования и восприятия событий в суперновой истории мы считаем роспуск парламента политическим кризисом. На самом деле это не так. Политический кризис - это то, что предшествует, что вызывает роспуск парламента или отставку правительства. А отставка правительства, роспуск парламента, импичмент президенту - это разрешение конфликта. Но такое понимание сегодня затруднено воспоминаниями о 1993-м годе. Сегодня есть Конституция, о которой хотя и говорят, что она достаточно жесткая, но в ней как раз заложена, во-первых, многоступенчатость разрешения кризиса, во-вторых, - паузы, в-третьих, - многовариантность. И это позволяет каждой стороне маневрировать и искать способы выхода из кризиса без использования крайних мер, таких, как роспуск парламента или отставка правительства.

Важно понимать, что формы и способы выхода из кризиса не сводятся только к юридическим нормам или юридическим механизмам. Политическая жизнь определяется и культурой - тот же июль, например, показал, что постепенно появляется культура компромисса, и не в последнюю очередь потому, что Конституция дает для этого возможности.

Существует ли кардинальная несовместимость парламентарского представительства с нормами и традициями российской политической культуры? Нет, не существует. Когда есть конституционные условия, то, как показывает практика, появляется возможность формировать политическую культуру: сегодня это уже экспериментально доказано и больше ломать копыта нет необходимости.

Авторы проекта задаются вопросом: в чем причина извечно молчаливого согласия общества на властные расправы с парламентом? Не согласен с самой постановкой вопроса. Буквально вчера я получил на руки результаты социологических исследований, в которых выяснялось мнение респондентов о формах разрешения кризиса. И вот того, что было в апреле 1993 года, уже нет, и утверждать, что роспуск парламента Президентом был бы поддержан сегодня большинством, нельзя.

Какой имидж необходим российскому депутатству? И здесь я тоже считаю, что "ответственность" - ключевое слово.

И, наконец, можно ли представить, какую модель депутатства получит страна в декабре? Давайте "плясать" от нынешней модели. Ее специфика - слабый центр при недоминирующих флангах, каждый из которых не имеет большинства. Все это в сумме является моделью неустойчивости, поскольку конечные решения определяются незначительной частью депутатского корпуса, слабым центром. Это полностью соответствует определению неустойчивости - малые возмущения приводят к большим конечным изменениям, то есть малые изменения в позиции в центре могут приводить к существенным результатам.

Если говорить о нормативной модели - это модель сильного центра. Вопрос в том, насколько вероятно, что она может реализоваться? Пока социологические данные, которыми я располагаю, говорят, к сожалению, что вероятная модель, приближается к той же, что мы имеем сегодня. Но значительная часть избирателей, готовая прийти к урнам, еще не определилась. Предыдущие замеры показывали, что большая часть голосующих определяется в последние два-три дня и даже в момент подхода к урне. Поэтому предсказывать сейчас, в сентябре, очень тяжело. Тем более - при нынешнем, не сфор-

мировавшемся общественно-политическом мнении, это очень неблагодарная работа. Для того, чтобы определилось общественное мнение, по которому можно судить о будущем электоральном поведении, должны быть сформированы политическое восприятие, политическое сознание. Пока этого нет.

В заключение попробую сам для себя определить: не надо ли сделать некую поправку на то, что я не могу быть академически объективным?

Возможно, в моей позиции есть что-то навязанное институциональной принадлежностью, принадлежностью к команде и т.д. Но я старался говорить больше как гражданин. Даже не как ученый – как ученый я вообще бы говорил о другом. Я математик, и когда я анализирую деятельность парламента, американского или нашего, я применяю математические методы, модели. Мне есть что сказать по этому поводу. Но это совершенно другой жанр и поэтому я говорил выше только как гражданин.

Кроме того, и институциональная моя позиция не такая уж помеха объективному взгляду на депутатство. Ведь президентская команда пытается строить общую систему взаимоотношений с парламентом. Переломить сходу старую ситуацию довольно трудно, это понятно, но мне кажется, что все-таки что-то мы в этом направлении сделали. Заведомо меньше, чем теоретически можно было бы предположить, но что-то сделали.

Одно я могу сказать совершенно определенно: здесь, в Кремле, заинтересованы в профессиональной силе ответственного парламента. Я вспоминаю свои разговоры с Президентом – и когда еще был членом Президентского совета, и ближе к рубежу 1993–1994 годов – позиция Президента до выборов – она сохранилась и после выборов, такая: у нас новая Конституция, мы как бы начинаем жизнь с чистого листа, и нужно строить новую систему взаимоотношений с новым, настоящим парламентом. Он называл этот парламент настоящим – по сравнению с Советами. И уже когда я стал помощником и чаще стал видеть и лично обсуждать с Президентом все эти вопросы, то у него среди многих установок и идей была и такая: это должен быть первый парламент, который доработает до конца своего срока.

В последний наш разговор речь шла о подписание закона о нарезке округов. На Президента давили с двух сторон. Первая – это позиция парламента; вторая – позиция региональных элит, весьма влиятельных элит, которые просили оставить старый закон. Он подписал закон и тут же позвонил мне, говорит: "Георгий Александрович, я все-таки закон подписал, пусть ругают, но это важнее". Это – проявление установки. Я бы много мог примеров привести. Амнистия – уж совсем была критическая ситуация, когда демократическая общественность ждала от Президента чрезвычайно резких шагов, это тоже вопрос выбора в критической ситуации. Президент принял решение, уважающее позицию парламента, уважающее Конституцию.

Д.В. Ольшанский **КАКОЕ ДЕПУТАТСТВО ПОВЕДИТ В РОССИИ?**

Банальная констатация: в российском обществе нет и толком никогда не было традиций представительной власти. Для того, чтобы появились такие традиции, да и сама и такая власть, нужны как минимум три вещи: во-первых, что представлять, во-вторых, кого представлять и, только после этого, в-третьих, кому представлять.

Власть в российском обществе никогда не принадлежала ни пресловутому "народу", ни реальному населению. Она исходила либо извне ("варяги", "татаро-монголы"), либо изнутри общества (монархия, большевики), но всегда – сверху. За исключением покрытой мраком истории новгородского "веча", то ли носившего характер непосредственной (сплошной) демократии, то ли все-таки являвшем собой сход выборных представителей, до первых "государевых дум" в России не было избранных "заместителей" народа. Да и "думы" те представляли ("замещали") российский народ не столько по части властвования, сколько именно по части "думания". Замещались мысли и право на размышление. Власть как принятие решений не замещалась: она всегда носила самодостаточный и самодовлеющий характер. В государстве были госу-

дари, но не было граждан. Ни "господа" наверху, ни "товарищи" внизу так и не смогли заменить их отсутствие. Вот почему в России никогда и не вставал толком вопрос о том, что такое представительная власть.

Не случайно в традициях российской политической культуры - а ныне и в политологии - утвердилось одностороннее понимание власти: как проистекающей исключительно сверху "способности" (возможности) некоего "субъекта" властных отношений добиться осуществления своей воли от безвластных "объектов" этих отношений. В отличие от такой плоскостной субъект-объектной схемы, в "цивилизованном" (демократическом) мире более распространена иная, субъект-субъектная схема, в рамках которой власть трактуется как сложное, многомерное взаимодействие "верхов" и "низов", как прежде всего согласие "низов" исполнять волю "верхов" (независимо от того, какими путями и средствами достигается это согласие - тут можно строить разные конструкции, от военной диктатуры до рыночной демократии). Понятно поэтому, сколь бессмысленен для отечественной политической культуры и вопрос о том, кого представлять представительной власти - да просто некого.

Из сказанного следует неразрешенность и третьего вопроса. И хотя желающих представлять нечто (или ничто) всегда немало, у нас не было и до сих пор нет даже относительно четких процедур и критериев отбора и сменяемости (то есть выборов) таких представителей. Отсюда - традиционный произвол в определении этих критериев и процедур - от введения избирательных цензов и "черт оседлости" до разгонов парламентов и нынешних дискуссий в отношении избирательного законодательства, периодически нарушающих так и не утвердившиеся в обществе гарантии "избирательных прав граждан".

Дума как данность и как будущее

Разгон ("самороспуск") Съезда народных депутатов СССР в 1991 г. и расстрел Верховного Совета РФ в 1993 году в очередной раз и достаточно капитально подорвали в нашем обществе значение представительной власти. Тем не менее идею представительной власти - своеобразная "мечта-идея" осталась, но была возвращена в прежнюю, зависимую от реальной ("исполнительной") власти форму.

Вспомним: лозунг "Вся власть советам!" в период первой российской демократической революции и борьбы с монархией означал лишь стремление перейти от доминирования чиновной (исполнительной) власти к чему-то иному, более независимому от пресловутого "народа" как "источника власти", к неким независимым формам почти что непосредственной демократии. Скажем определенно: от чиновников-"представителей" монарха хотелось перейти к иным представителям. Со временем, однако, стало ясно: не вышло. Новое обличье исполнительной власти ("ЦИКи", "уики", и т.п. - "секретари, секретари") подмяло под себя "советы" так же, как до этого царь-батюшка подмял Думу.

Похожее произошло и с горбачевской "мечтой-идеей": "Вся власть Советам!". Отмена 6-ой статьи тогдашней Конституции СССР означала новую попытку преодоления все той же тенденции. И вновь - неудачную. В конечном счете исполнительный по своему составу ГКЧП, несмотря на разгром и аресты, победил: были ликвидированы новые, горбачевские формы демократии, а вскоре воцарился диктат исполнительной власти. И вновь, по верному замечанию А.И.Солженицына, властью овладели "секретари, секретари, секретари..."

Возможно, это и есть две капитальные тенденции, борьба которых определяет траекторию движения российского общества: традиционная чиновно-исполнительная и вечно модернистская представительная-законодательная. После некоторой синусоиды развития с уклоном в демократическую сторону все вернулось на круги своя: "властная исполнительная вертикаль" при всей ограниченности ее возможностей в очередной раз "подмяла" представительную власть под себя. Ясно, что на ближайшее время достигнута некоторая стабильность: предстоящие выборы никак не могут изменить социально-

политический статус Думы. Она остается вполне определенной совещательной данностью при диктате президентско-правительственной исполнительной власти. Это закреплено в Конституции, с этим согласно большинство нынешних и, заведомо, большинство будущих депутатов. С этим согласно и большинство общества.

По данным многочисленных опросов, население достаточно негативно относится к нынешней Думе. Однако, дело даже не в этом. Дело в отсутствии сколь-нибудь позитивных ожиданий от Думы как института социально-политической системы. Население просто не знает, чего же от нее можно ждать. После событий 1991 и 1993 годов исчезла наметившаяся было дифференциация в понимании того, что же такое власть. В обыденном употреблении слова "власть" и "правительство" являются недифференцированными синонимами: люди не различают, скажем, Президента, депутатов или министров - все это едино, "одним миром мазано". Это - некие "они", противостоящие "нам" и находящиеся над нами.

Горбачевские реформы повели было к дифференциации, однако процесс был прерван. Сегодня Дума воспринимается большинством россиян как еще одна часть, "довесок" единой и явно "не нашей" власти с непонятными функциями (те хоть что-то делают, а эти что, просто думают?). Если вначале Президент, а вслед за ним, и ряд депутатов всерьез рассуждают о том, что Дума - орган "не политический, а законодательный", противопоставляя тем самым политику и законотворчество, отрицая свою политическую роль и отдавая ее кому-то "наверх", то население оказывается полностью дезориентированным. Ему остается воспринимать Думу (как и ее дочерние, местные Думы) лишь в качестве своеобразной юридической консультации, придумывающей некие ("законодательные") дизайнерские фокусы для оформления неких (чужих для большинства) "правил новой жизни" и поставляющий эти свои фокусы "наверх" - на утверждение в Совет Федерации, на подпись Президенту. Именно он как глава исполнительной власти подписывает их или не подписывает. Значит, когда выбирают депутатов, выбирают дизайнеров или в лучшем случае, советников власти. Но никак не "заступников" - не "заместителей" народа.

Важную подспудную роль в формировании нынешнего отношения к Думе сыграло и то обстоятельство, что с осени 1993 года депутат Государственной Думы перестал быть "народным депутатом". Изменение названия отразило новую реальность. Каким же, "чьим" стал депутат? Каким и "чьим" угодно - государственным, "царевым", партийно-списочным, "купленным", "независимым", но никак не народным.

Ясно, что такое положение дел лишь закрепится после выборов 1995 года. В итоге Дума еще больше станет определенной данностью, вписавшейся в конструкцию своеобразной политической системы - негражданского общества деполитизированного типа, в котором собственно политических функций избегают все (не только Дума, отделяющая законотворчество от политики, но и правительство, отделяющее политику от управления и, тем более, население, выживающее само по себе и использующее выборы лишь в качестве канала аффективной разрядки). На деле политические функции являются ныне прерогативами только одного института - президентства. В рамках действующей Конституции серьезные изменения нереальны, и такой расклад сил обречен на то, чтобы оставаться данностью. В конечном счете Конституция изначально и трактовалась как "данная", "дарованная" народу. Это относится и к нынешней Думе.

Депутатство как ценность?

В сложившейся ситуации депутатство безусловно представляет собой определенную ценность, однако лишь для определенного, причем достаточно узкого, круга: того "истэблишмента", который не сумел прорваться в круг исполнительной власти или был вытеснен из нее. Нынешний депутатский корпус - это своеобразный "кадровый резерв" исполнительной власти, своего рода элита "второго эшелона" (или "второго сорта"), своеобразный "политический запасник" исполнительной власти. Примеров тому более чем достаточно: от

ведущих депутатов "Выбора России" и Партии российского единства и согласия, отставленных из правительства (Г.Бурбулис, Е.Гайдар, А.Шохин и т.д., и т.п.) до многих бывших депутатов бывшего Верховного Совета РФ.

С другой стороны, депутатство представляет собой безусловную значимость для лиц, высоко ценящих свою личную и деловую неприкосновенность. Для депутатов от А.Тарасова до С.Мавроди – депутатский мандат стал своеобразной компенсацией за неудачи в бизнесе. Сюда входит та часть новой элиты ("новых русских"), для которых ценность депутатства определяют три основных фактора: 1) неудачный бизнес и необходимый для "отмазки" в глазах партнеров и кредиторов публичный скандал; 2) надежды соединить воедино два ключевых условия нынешнего российского преуспевания ("власть-собственность"); 3) фактор неприкосновенности. Подчас представители этой новой элиты могут пересекаться с криминальными структурами.

Известную ценность депутатство имеет и для тех, кто нуждается в лоббистских услугах в парламенте, правда, в последнее время их число уменьшается. Тот факт, что на празднование пятилетнего юбилея "Мост-банка" не считал нужным прийти ни один из депутатов Думы (хотя "Мост-банк" спонсировал предвыборные кампании целого ряда депутатов), свидетельствует: не отработана система обязательств политиков перед спонсорами, потому нет и должной ответственности. В результате нуждающиеся в лоббизме спонсоры приходят к выводу, что лучше действовать по принципу "разовых затрат" – наподобие тех, на которые пошло "спортивное сообщество" при обсуждении в Думе вопроса о продлении для себя таможенных льгот (стимулировалось голосование в нужном направлении каждого из откликнувшихся депутатов). Опыт ряда фракций, "сколоченных" администрацией Президента РФ (типа фракции "Новая региональная политика") также показал: депутатство имеет невысокую ценность в самом буквальном, "эквивалентном" выражении. Общей линией становится акцент на "дружбу" и "работу" с уже избранными депутатами (причем по конкретным вопросам и столь же конкретным "ценностям"), а не целенаправленное и утомительное "проталкивание" нужных людей в депутаты.

Снижается ценность депутатства и в элитарных кругах. Посткоммунистический "активизм" постепенно рассасывается по мере понимания того, что до демократии по-прежнему далеко, а нынешней правящей олигархии (особенно ее криминализированной части) элита (особенно интеллектуальная) в принципе не нужна. Сказываются заботы о дне насущном, резкое снижение уровня жизни, усталость от хронических стрессовых форм выживания и гонки за инфляцией, а также растущая дороговизна предстоящих избирательных кампаний. То, что было – уже с трудом, но еще возможно – в 1993 году, становится практически нереальным к осени 1995 года. Да и "ликвидность" средств, вложенных в депутатское место, становится для интеллигенции все более сомнительной. Иллюзии "влияния" на режим практически иссякли, иллюзии возможности собственного преуспевания посредством активного политического участия близки к нулю.

В целом же для общества, депутатство ныне практически вообще не представляет собой никакой ценности. Население поняло, что от депутата практически невозможно получить никаких локальных выгод. Если раньше "народный депутат" еще выступал в качестве хотя бы потенциального регионального лоббиста для населения, то сейчас максимум его возможностей – это региональный лоббизм исключительно в интересах администрации.

Таким образом, ценность депутатства для общества была сознательно "опущена" исполнительной властью. В результате ряда сложившихся обстоятельств, ценность эта стала достаточно "точечной" и в целом низкой – она существует только для вполне определенных групп, да и то в особых ситуациях – ясно, например, что она несколько возрастет на фоне массового ажиотажа элиты, вызванного предстоящими предвыборными кампаниями. Однако – не более того.

Драматургия российского парламентаризма

Главный вопрос, позволяющий понять драматургию российского депутатства последних двух лет, звучал просто: как бы самосохраниться?

Возникнув в октябре 1993 года, этот вопрос, естественно, "наложился" и на выборы в декабре того же года, и на дальнейшее поведение избранных депутатов. Название книги И.П.Рыбкина "Мы обречены на согласие" стало символом Государственной Думы РФ первого созыва. Неразогнанной, как многие опасались. Но и не состоявшейся в качестве органа представительной власти. Собственно говоря, именно власти и не было в Думе этого образца. Она самосохранялась, заведомо отдав власть и ни в коей мере не претендуя на нее. Отсюда и постоянно подчеркивавшаяся деполитизированность Думы, и "законотворчество" как предельно неполитическая сторона ее деятельности.

Понятно, что этот вопрос был достаточен для самосохранения, но будет абсолютно недостаточен для сколь-нибудь убедительной избирательной кампании. Как объяснить простому избирателю, что он должен голосовать за самосохраняющихся депутатов? Вряд ли он сможет это понять, а поняв, соответственно проголосовать. Значит, новая драматургия будет подразумевать принципиально иные вопросы.

Какое депутатство может победить сегодня при условии честных выборов с явкой избирателей не менее 50-60%? Очевидно, оппозиционное по отношению даже не столько к власти, сколько к ситуации, которая сложилась под водительством данной власти. Судя по результатам большинства опросов, российское общество ожидает прежде всего активного, агрессивного политического депутатства. Нарастающее массовое ощущение несправедливости порождает ожидание заступничества и потребность в нем. Значит, это должно быть и социально-ориентированное депутатство.

Для того, чтобы самоутвердиться, новая Дума должна будет изначально, за короткий срок, снять многочисленные неопределенности в условиях жизни - это должно быть депутатство очень активное и эффективное в плане законотворчества. Однако законодательной функции необходимо приобрести утраченную ныне социально-политическую окраску. Депутат Государственной Думы должен стать если не "народным" в прежнем смысле, то государственным депутатом в новом смысле, а также депутатом "общественным" и в идеале "гражданским". Помимо прочих моментов, в условиях очевидного отсутствия общественного структурирования нынешнего российского социума, отсутствия гражданского общества как такового, предстоящее депутатство должно представлять собой не столько аполитичный абстрактно-законотворческий институт, сколько один из системообразующих институтов новой социально-политической системы.

Примерно такого рода ожидания накапливаются ныне среди электората, выражающего их обычно в двух простых пожеланиях: "хоть немного бы почестней и хоть немного бы компетентнее".

Со своей стороны, власть, разумеется, ожидает несколько иного. По признанию руководителей блока "Наш дом - Россия", они рассчитывают не менее чем на 30% голосов. "Альтернативная власть" (блок И.Рыбкина) надеется вместе с "друзьями-соперниками" из черномырдинского "Дома" набрать не менее 50%. Ожидаемые мотивы голосования - прежде всего, так называемое "стремление к стабильности", основанное на опасении того, как бы не было "еще хуже". Это особый расчет на инерционное голосование людей "за власть вообще" - избирателей, озабоченных сохранением существующей ситуации и влекомых так называемой ориентацией на "status quo". Известно, однако, что данные мотивы - стабилизации и "лишь бы войны не было", - редко влекут за собой активное политическое поведение. Обычно люди с такой мотивацией остаются дома и не идут на избирательные участки. Значит, можно ожидать, что оптимистические надежды В.Черномырдина и И.Рыбкина (а за ними - Б.Ельцина) могут не осуществиться и нынешняя власть повторит судьбу власти гайдаровской с ее наивными ожиданиями сверхуспеха и сверхподдержки населения в декабре 1993 года.

Власть ожидает прежде всего "своего", собственного депутатства. Правящая олигархия не скрывает намерений монополизировать не только исполнительную, но, соединив их воедино, и представительную ветви власти. Тогда функции принятия решений, их законодательного оформления и технологического исполнения еще больше сосредоточатся практически в одних и тех же руках, обладающих, к тому же, депутатской неприкосновенностью.

Если, однако, такое "исполнительно-властное" депутатство почему-то не окажется доминирующим по итогам голосования, для властей наиболее предпочтительным был бы конформистский тип депутата. Такой депутат вполне мог бы быть озабочен решением своих личных проблем (это наиболее удобно), а также проблем корпоративных (пусть будет лоббистом), причем даже сословно-корпоративных (типа нынешних думских аграриев). Главное, чтобы депутат (в глазах исполнительной власти) не был бы действительно независимым - в буквальном смысле этого слова. Он обязан быть зависимым от власти хотя бы в каких-то моментах - просто для того, чтобы быть "понимаемым", "предсказуемым" и в итоге управляемым.

Таким образом, драматургия российского депутатства уже прошла достаточно сложный путь. Но то, что предстоит, не менее интересно. Предстоит же движение от внешней оппозиционности в ходе предвыборной кампании к прогнозируемой управляемости после избрания. Дума, как уже говорилось, не только "дана", но и в значительной степени "задана" нынешним депутатам, так и будущим. В этом смысле вопрос о влиянии на исход выборов можно считать почти снятым: при сохранении "правил игры" новая Дума, кто бы ни был в нее избран, будет следовать определенной заданности. Перемены могут быть только постепенные, да и те, скорее всего, лишь после президентских выборов - в зависимости от их результатов.

Планы и прогнозы

Внешнее обилие прогнозов исхода предстоящих выборов подавляет воображение только на первый взгляд. Структурно-кумулятивный анализ позволяет разделить все имеющееся псевдомногообразие прогнозов на два основных класса. Первый - это прогнозы - размышления. Второй - прогнозы-пожелания.

Первый ряд прогнозов отражает некоторую коллективную саморефлексию общества на темы электорального процесса. В конечном счете он выполняет функцию социо-культурно-политической рефлексии и, быть может, увеличивает число людей, приобщаемых к размышлению на электоральные сюжеты. Тем более, что результаты выборов зависят от реального политического поведения и в этом смысле поддаются тому или иному влиянию практически до самых последних дней. По данным июльских опросов общественного мнения, проведенных фондом "Общественное мнение", лишь 46% россиян намерены принять участие в парламентских выборах. 15% - твердо решили, что не придут на избирательные участки, поскольку убедились, что депутаты думают только о себе, а не об избирателях. 12% - разочаровались в политиках, за которых голосовали раньше, а новых достойных не видят. Столько же просто не верят никому из политических деятелей. 10% россиян считают, что от их голоса ничего не зависит. 7% - не знают ни одной партии, которая выражала бы их интересы. 6% уверены, что результаты будут подтасованы. 3% полагают, что у парламента слишком мало прав и полномочий, чтобы влиять на ситуацию в стране. 2% опрошенных убеждены, что России вообще не нужен парламент.

Разумеется, среди 54% тех, кто пока не собирается голосовать, возможны самые разные подвиги. Известно, что в российских условиях большое число избирателей принимают "окончательное" решение за несколько дней или даже часов до голосования, а иногда - непосредственно на избирательном участке. Выборы 1993 года показали серьезную роль именно этого фактора - крайне запоздалого и во многом случайного принятия электоральных решений. Такая ситуация создает дополнительные возможности для предвыборной агитации.

Тем не менее, очевидно, что лишь несколько политических сил уверенно пройдут в следующую Думу. Среди них КП РФ, "Наш дом - Россия", ЛДПР,

ЯБЛоко, "Женщины России" и, возможно АПР. Для остальных ситуация - пока под вопросом.

Бесспорно и то, что многое зависит не только от того, кто и как голосует, но и от того, кто и как считает результаты голосования. Дискуссии о возможности и неизбежности фальсификации на предстоящих выборах уже как бы закладывают эту проблему в результаты выборов. По некоторым прогнозам, всего, "на круг", в разные стороны, возможно до 20% фальсифицированных бюллетеней.

Второй ряд прогнозов проходит под девизом: "Где же она, наша формирующая общественное мнение социология?". Поток прогнозов и данных социологических исследований неизбежно и с нарастанием будет приобретать дезинформирующий характер. Тем не менее, к этим "прогнозам" нельзя относиться несерьезно потому, что какая-то часть избирателей, увлеченных данными о предстоящей победе той или иной партии, за нее и проголосует. Понятно, что все публичные прогнозы, становящиеся известными электорату через средства массовой информации, становятся инструментами воздействия и попадают в этот разряд.

Не бывает прогнозов "вредных" или "полезных", "плохих" или "хороших". Любой прогноз - это инструмент развития самостоятельного мышления избирателя и формирования навыков принятия собственных решений (если, разумеется, не относиться к прогнозам как к истине в последней инстанции, не использовать их в качестве опоры для включения механизмов слепой веры). Прогноз - это не план, который долгие годы был в нашей жизни законом, который надо было выполнять любой ценой.

Возьмем конкретный пример. В последнее время очень популярными стали проводимые нашим Центром стратегического анализа и прогноза "фьючерсные рейтинги" ведущих политиков России. Понятно, что в первую очередь знание своих "фьючерсов" необходимо самим политикам: для них это то самое "зеркало", в которое полезно смотреться. А также смотреть, как в нем выглядят потенциальные партнеры по партспискам и возможные конкуренты. Нужны "фьючерсы" и деловым людям: к ним уже выстроились в длинную предвыборную очередь политики с протянутой рукой.

На предстоящие выборы нужны деньги. Для того, чтобы правильно решить, кому давать деньги, а кому их давать не надо, полезно прикинуть будущее просителей. Заглядывать в будущее полезно и простым обывателям: так, глядишь, наша политика постепенно станет более предсказуемой и мы наконец-то перейдем от политических прогнозов к прогнозируемой политике.

Возможные неожиданности

В заключение попробуем дать некоторую волю свободному полету фантазии и зададимся простым вопросом: что абсолютно неожиданного могут принести декабрьские выборы как по процессу, так и по результатам в двух разрезах - для общества и для властей?

И для общества, и для власти неожиданным может стать слишком жесткий, попросту "волчий" характер выборов. Собственность в России до сих пор окончательно не поделена, значит, за властью-собственностью пойдут разные люди, включая и тех, кто не привык стесняться в средствах реализации своих потребностей. Откровенно криминальный характер предвыборных кампаний (не только с ушатами грязи и "компры", но и с реальным физическим устранением конкурентов) может потрясти общество и дискредитировать власть. Именно поэтому большой неожиданностью для всех скорее всего станет засилье скрытого или явного криминалитета в новой Думе.

Большой неожиданностью для власти может стать слабый результат черномырдинского блока "Наш дом - Россия". После иллюзий относительно 30-50% голосов обидно получать 8-12%. Судя по многим данным, откровенно олигархический характер власти и идеи "совместительства" исполнителей и законодателей не прельщает большинство населения. Для управления людьми в кризисных ситуациях нужны более тонкие методы, но их со стороны власти пока не видно.

Едва ли очень большой неожиданностью станет "краснота" новой Думы. В той или иной форме "термидор", по опыту стран Восточной Европы и некоторых новых государств СНГ, практически неизбежен. Вопрос в том, насколько "красным" он будет. Можно ожидать, что он окажется, скорее "розового" оттенка, и это будет нормально пережито обществом. Хотя, разумеется, станет сильным раздражителем для власти.

Возможно, самой большой неожиданностью могут стать три момента: 1) если выборы не состоятся или их результаты будут отменены; 2) если результаты будут слишком откровенно сфальсифицированы; 3) если "цвет" новой Думы будет слишком "коричневым".

Если ничего из этого не произойдет, то общество будет достаточно приятно удивлено результатом и последствиями предстоящих выборов. Как говорится, и на том спасибо.

Л. А. Седов
С ДУМОЙ ИЛИ БЕЗДУМНО?

Предлагаемый ниже текст должен восприниматься не столько как прогноз будущего состава Думы, сколько как описание ценностного и настроенческого контекста, в котором ей предстоит работать, или, напротив, прекратить работать - в зависимости и от результатов выборов и, что более важно, от общего политико-психологического климата в стране.

При обсуждении электоральных проблем, обычно основное внимание уделяется партийно-политическим тонкостям, взвешиванию персональных шансов. При этом как-то упускается из виду основной вопрос - о жизнеспособности демократических учреждений в условиях политической культуры, не содержащей достаточно твердых предпосылок для их функционирования.

Автор не претендует на сколь-нибудь полное или теоретически углубленное освещение этого вопроса и ограничивается более скромной задачей ознакомить читателя с релевантными этой проблеме данными опросов, проводившихся ВЦИОМ в апреле-июне 1995 года и способными пролить какой-то свет на предвыборную ситуацию и перспективы дальнейшего политического развития. Опросы проводились в масштабах всей страны, по репрезентативной выборке, охватывающей от 1600 до 2000 респондентов, методом личного интервью.

Как убедится читатель, данные эти достаточно противоречивы. С одной стороны, они свидетельствуют об определенных положительных моментах, а именно: довольно значительная часть населения принимает цели и правила электоральной борьбы, с другой стороны, - выявились более глубинные тенденции, которые делают все демократическое сооружение достаточно эфемерным и шатким. Налицо все признаки того, что парламентская система, механизмы многопартийности и выборов в нашей стране находятся в таком же межуточном неустойчивом состоянии, как и механизмы рынка и собственности, закона и правопорядка, как ценностные ориентации и нормативные установки.

Вместе с тем, слишком уж однозначные суждения о том, что партийная система в стране не пустила корни, что преобладающими настроениями людей являются апатия и отсутствие интереса к выборам, лишены серьезных оснований и не подтверждаются результатами опросов. Если, конечно, не исходить из утопического представления о поголовном (или даже 50-процентном) участии населения в выборах и его чрезвычайной осведомленности о тонкостях политических программ или нюансах партийно-политической жизни. Опросы показывают, что партии достаточно хорошо известны, стали достоянием общественного сознания населения не только крупных городов, но и глубинки. В июне 1995 года всего 22% респондентов не смогли назвать никакой партии, даже коммунистической. Однако, если учитывать, что примерно 20% - такая стандартная доля людей, "выключенных" не только из политической, но, по сути дела, из других сфер общественной жизни и затрудняющихся с ответом практически на любой вопрос, - то степень осведомленности о партиях выглядит адекватной всему дееспособному и вменяемому населению. Воз-

можно, следует принять в расчет, что из этих 78% осведомленных 34% назвали КПРФ, которую просто трудно не знать. Впрочем, и в упомянутой группе респондентов лишь четвертая часть назвала только и единственно коммунистов. По состоянию на июнь 1995 60% опрошенных указывают партию, которой отдают предпочтение, и только 8% из них отдают его коммунистам. Следовательно, более половины населения в той или иной мере информировано о существовании многих партий и в той или иной мере положительно соотносит себя с ними. Такие партии, как ЛДПР (35%), ЯБЛОко (31%), ДВР (21%), АПР (18%), "Женщины России" (16,5%) достаточно известны, чтобы можно было говорить о стабильном, с точки зрения сложившейся у населения картины партийно-политической жизни, электоральном ландшафте. К перечисленным партиям в плане известности можно добавить "старожилов" политического здания - ДПР (9% упоминаний) и "ДемРоссию" (10%), ныне сходящих с арены электоральных состязаний, но сохраняющихся в памяти избирателей, и "Партию любителей пива" (5%), не имеющую серьезной политической поддержки, но замеченную людьми благодаря своей экзотичности. Еще примерно 18-20% знают какие-то из партий, но соотносят себя с ними отрицательно, заявляя, что в выборах участвовать наверняка не будут.

Разумеется, довольно высокая степень информированности и даже сочувственного отношения к тем или иным партиям не гарантирует столь же высокого уровня реального участия в выборах. На самом деле лишь чуть более трети респондентов, выразивших свои партийные симпатии (22%), заявляют, что придут голосовать. Это, по-видимому, и есть твердое ядро электората и минимальная граница избирательной активности. Еще 20% отвечают, что наверное, придут на избирательные участки, и, скорее всего, именно 42% и представляют собой верхний предел участия, а наиболее вероятный "коридор", в котором будет колебаться "курс" явки, составит 29-37%.

Данные опросов позволяют также определить мотивы, по которым люди либо вовсе не собираются участвовать в выборах, либо колеблются относительно своего участия. Наиболее распространенное суждение - недоверие ко всем нынешним политикам (30%); таких ответов относительно много в электоратах АПР и ПНС С.Федорова. 15% заявляют, что не видят ни одной партии, которая бы отражала их интересы (хотя почти 45% из указавших этот мотив в другом вопросе все-таки называют партии, ближе всего стоящие к их интересам; относительно чаще такая непоследовательность демонстрируется сторонниками "Державы" и "Любителей пива"). На бесполезность выборов ввиду бессилия парламента указывают 10% отказывающихся голосовать (этот мотив опять-таки характерен для "пивников" и "державников", но и для сторонников "ЯБЛОка"). 13% уверены, что результаты выборов будут подтасованы (так думают 30% уклонистов из лагеря ДПР, 27% из лагеря ЛДПР, 24% из лагеря ДВР). 7% колеблющихся заявляют, что склонны подождать появления новой партии или нового политика (таких много и среди сторонников С. Федорова и "любителей пива"). Из этих выкладок видно, что электораты "Державы", ПНС, "Пива" наименее устойчивы, а значит и наименее предсказуемы.

В целом же при предполагаемом уровне участия результат выборов будет гораздо более предсказуем, чем в декабре 1993. Расчеты показывают, что неопределенность голосования возрастает с увеличением числа пришедших к избирательным урнам. Так, при явке в 29% только 14% от этого числа будет сомневаться в своем выборе до последнего дня; при явке в 42% эта доля увеличится до 17%, а при (нереальной) явке в 60% вырастет до 38%. Но в любом случае неопределенность эта не будет столь большой, как на прошлых выборах, когда при явке в 53% до последнего дня не определили, как они будут голосовать, 45% участников голосования (исследование Т. Колтона, С. Туманова и др.).

Словом, скорее всего, сюрпризы на предстоящих выборах не окажутся столь же сенсационными, как в 1993 году. Значит их результаты можно уже сейчас точно спрогнозировать. Состав участников предвыборной борьбы еще только формируется, партиям еще предстоит пройти этап сбора подписей, и не исключено, что даже некоторые влиятельные из них могут споткнуться об этот порог. Многое будет зависеть от развития событий в экономике и поли-

тике. Поэтому в настоящий момент (конец июля) можно очертить лишь самые общие контуры ситуации, которая возникнет в результате парламентских выборов.

Пожалуй, наиболее смелым на сегодняшний день утверждением будет следующее: "партии власти" в ее обеих, черномырдинской и рыбкинской, ипостасях суждено проиграть эти выборы. Вкупе с проправительственными "Женщинами" и несмотря на относительный успех в одномандатных округах правительственный блок едва ли может рассчитывать на более чем 13% мест в Думе. Положение не спасут никакие возможные поддержки со стороны, допустим, ДВР (около 6% мандатов) и других умеренных элементов в различных фракциях. Такая пропорция депутатов - носителей идей стабильности будет в точности отвечать реальной величине того общественного слоя, который получил от осуществленных в стране перемен громадные или достаточно весомые преимущества и теперь стремится к их закреплению. Сегодня этот слой, включающий многие категории начальства, часть бизнесменов и директората попытается утвердиться у власти демократическим путем. Неудача на этом пути может подвинуть "партию власти" к использованию иных, силовых средств. Чреватая конфликтами ситуация в самой России, в ареале бывшего СССР и за его пределами (Югославия) открывает широкие возможности для всякого рода чрезвычайщины.

Итак, в новой Думе правительство Ельцина-Черномырдина окажется в еще более конфронтационной ситуации. В тоже время сама Дума останется такой же дробной, как и сегодня. Ни одна из партий не получит в ней решающего перевеса и никакая коалиция не выглядит реальной при том в известной мере равном раскладе сил, который намечается в свете господствующих в обществе настроений и избирательских намерений. Все вместе национал-патриоты, включая коммунистов, "жириновцев" и "руцкистов", могут завоевать около 35% думских кресел (в каком соотношении, сегодня сказать невозможно - их электораты представляют собой пересекающиеся множества). Однако трудно представить себе, что эти фракции будут тесно взаимодействовать между собой.

Невозможность их единства находит объяснение в гетерогенности тех слоев, на которые опирается непримиримая оппозиция. Всем им присуща известная доля ностальгии по прошлому (в апреле 1995 за то, чтобы жизнь вернулась к состоянию до 1985, высказывались 58% респондентов и только 26% отвечали отрицательно). Что касается самих партий, здесь ситуация следующая. "Жириновцы" акцентируют в прошлом аспекты державности и строгого порядка и не очень жалуют коммунистический способ хозяйствования; сторонники Зюганова, напротив, сосредоточены на аспектах государственного патернализма, "справедливого" распределения и социальной защиты, отвергая национально-державные крайности "жириновщины" и придерживаясь рудиментов большевистского псевдоинтернационализма.

Все вместе демократы-реформаторы способны получить около 30% мандатов (примерно 12% придется на ЯБЛоко) и в их среде можно предвидеть больше возможности для договоренностей, но все-таки нельзя уповать на сколь-нибудь прочное единство. Опять-таки база поддержки демократов расчленена по признаку принятия реформ в том виде, как они были проведены Гайдаром, или ожидания "другой реформы", олицетворяемой Явлинским и обоими Федоровыми.

Оппозиционным "центристам" (Лебедь-Скоков) может достаться порядка 12% мандатов и на 10% мест пройдут всякого рода случайные и независимые депутаты, в том числе немало бизнесменов и их наемников.

Все указанные цифры носят предварительный, условный характер и в действительности могут довольно сильно отличаться от прогноза в ту или иную сторону, однако общая картина от этого вряд ли существенно изменится. В лице новой Думы общество получит еще более острый, чем ныне, инструмент борьбы с исполнительной властью, с правительством и президентом. С еще большей настоятельностью будут ставиться вопросы недоверия правительству и отстранения от власти президента, тем более, что к острому про-

тивоборству будет подталкивать ситуация приближающихся президентских выборов.

С другой стороны, Дума, с ее, как описано выше, фрагментарным составом, вряд ли создаст правительство, опирающееся на парламентское большинство, да и Конституция не оставляет ей такой возможности. Более того, невозможно представить себе, кто бы мог быть президентом, устраивающим какое-то коалиционное большинство в такого сорта парламенте. (В проведенном в декабре 1994 года опросе депутатов Думы по 13% голосов получили Ельцин и Жириновский, а 28% депутатов не смогли назвать приемлемую для них кандидатуру президента). На роль общеприемлемых лидеров годятся Явлинский и С.Федоров, но и они вряд ли смогут реализовать несбыточную мечту о консенсусе. А значит Россия обречена на новый виток противостояния исполнительной и представительной властей и состязания различных групп и клик, ни одна из которых не является большинством. В такой ситуации неизбежно наступает момент, когда одно из меньшинств устанавливает диктатуру над остальными, и вопрос лишь в том, как скоро это время наступит. (Похоже, что это время не за горами, а именно в промежутке между парламентскими и президентскими выборами). А главное, что это будет за меньшинство?

Постепенно становится очевидным, что на путях президентско-парламентской республики России не суждено обрести устойчивую и достаточно гибкую политическую конструкцию, способную выдерживать бурю и натиск раскалывающих страну корыстно-шкурных и идейно-мировоззренческих ошибок. Дело, конечно, не только и не столько в дефектах писаной Конституции, мало сообразующейся с политическими и социальными реалиями российской популяции, сколько в действительной, в смысле устройства, конституции этого людского сообщества. Ибо в самих цивилизационных основах его заложена извечная гражданская распря – раскол и междоусобица. Трещины в русской почве проходят не по поверхности политических комбинаций, тех или иных ситуативных проблем, а уходят в самую глубь ценностных и смысловых оснований. И любые проекты государственного устройства, не учитывающие эту повышенную сейсмичность, отправляющиеся от прекраснородных представлений о возможности нормального функционирования механизмов договорных отношений и мирных согласований, обречены на неудачу.

Не противоречат ли эти заявления высказанным прежде утверждениям о том, что в стране существует достаточно высокий уровень интереса к выборам и готовности участия в них? Постараемся показать, что такого противоречия нет и скорее, здесь просматриваются признаки указанного разлома.

Отметим прежде всего, что в сознании значительных масс людей отсутствует твердая уверенность в необходимости пестования представительных институтов. Напротив, налицо тенденция довериться авторитарным, олигархическим, однопартийным и тому подобным институциям. Так, с тезисом, что лучше, когда политические решения в стране принимаются одним или несколькими сильными лидерами, соглашались 35% респондентов и не соглашались 37%. Примерно такое же соотношение по вопросу о роспуске парламента и введении правления одной политической партии: 22% высказались "за" и 12% заявили, что им это безразлично. А противоположным образом отреагировали все те же 37%, причем только 16% не одобрили бы такое развитие событий полностью.

В этом нет ничего удивительного, если рассмотреть ответы на примыкающие серии вопросов. Только 23% респондентов согласны с утверждением, что борьба партий способствует более полному учету нужд людей, а 51% с этим не согласны. 30% готовы согласиться с тем, что от многопартийных выборов больше пользы, чем вреда, а 36% полагают, что вреда от них больше. Только 22% опрошенных считают, что новая Дума будет лучше нынешней²⁸.

²⁸ Кстати, уверенность в том, что Дума будет лучше, в большей мере присуща и собирающимся голосовать за ДВР и "Вперед, Россия", также симпатизирующим ЛДПР и "Державе". Естественно, что "лучшесть" парламента понимается ими про-

Преобладающим же настроением (38%) является убежденность, что в результате выборов Дума останется качественно такой же. Вообще, в то, что выборы окажут серьезное влияние на происходящее в стране, верят всего 17%; напротив, 54% думают, что никаких изменений в ситуации в стране они не произведут.

В чем менее всего преуспели власти в России, так это в создании у людей ощущения сопричастности проводимому в стране курсу и способности как-то влиять на этот курс. Причем состояние отчужденности неуклонно нарастает. 83% респондентов считают, что никак не могут влиять на действия правительства, 84% - что российские государственные мужи совершенно не интересуются мнением людей (в декабре 1993 года так отвечали 68%), и аж 89% уверены: "те, кого мы выбираем в высшие органы власти, быстро теряют связь с народом". Но самое удивительное, что способность простых людей влиять на решения властей в доперестроечном СССР оценивается выше, нежели в сегодняшней "демократической" России: только 13% полагают, что сейчас ситуация лучше, в то время как треть опрошенных заявляют, что сейчас она возможность влияния меньше (четверть - что намного меньше). 65% отмечают: по сравнению с бывшим СССР отношение власти к людям ухудшилось (4% - улучшилось) и 70% заявляют, что права граждан менее защищены (6% - более защищены).

Этот ответ, пожалуй, лучше всего демонстрирует различия в подходе к правам человека в России, с одной стороны, и в остальном цивилизованном мире, с другой. Едва ли западные эксперты, да и простые граждане на Западе согласятся с такой оценкой ситуации, но здесь она вполне вписывается в нашу особую "перевернутую" систему ценностных представлений и социальных отношений. Оказывается, что российские граждане в своем большинстве готовы признать, что по сравнению с временами СССР увеличилась экономическая свобода (42% увеличилась, 22% - уменьшилась), политическая свобода (44% - увеличилась, 17% - уменьшилась), что от свободы слова пользы больше, чем вреда, (52% - польза, 23% - вред), также как от свободы выезда за рубеж (50% и 20%), от свободы предпринимательства (47% и 26%), от сближения с Западом (38% и 30%). И одновременно они живут с ощущением ущемленности своих прав и небрежения начальства, которое, кстати, большинством (50%) воспринимается как менее компетентное, чем бывшее советское, пребывают в уверенности, что в постсоветский период резко ухудшились отношения людей между собой (мнение 75% населения).

Таким образом, понятия "свободы" и "прав", находящихся в западной системе ценностей в одной "корзине", в ценностных представлениях россиян как бы противостоят друг другу. Ибо в западной цивилизации свобода одного кончается там, где начинается свобода другого, а русская реальность такого ограничения не знает. Поэтому в условиях тоталитарной несвободы для всех (кроме высшей политической элиты) человек чувствовал себя более защищенным в смысле гарантированности того узкого круга прав, в основном носивших характер скудной денежной, продовольственной или жилищной пайки, чем в нынешних обстоятельствах непривычной индивидуальной свободы. Последняя оборачивается для него угрозами посягательства со стороны любого, кто в чем-то сильнее или ловчее. Соответственно, ситуация воспринимается как "беспредел" и полная утрата порядка. И не стоит удивляться, когда 84% граждан настаивают на том, что с 1985 года положение с поддержанием порядка в государстве ухудшилось, только 4% думают противоположным образом. Точно также, как, если 78% отвечают: страна более нуждается в порядке, чем в демократии, и лишь 9% считают наоборот.

Все приведенные данные указывают на то, что дальнейшее развитие ситуации в стране может осуществляться в направлении сворачивания именно политической компоненты преобразований, включая дальнейшее ослабление или даже полную отмену на какой-то срок представительных институтов, не обла-

тивоположным образом. Нам, однако, важен сам факт, что каждый шестой житель России уверен, что своим голосованием может улучшить парламент.

дающих в глазах населения сверхвысокой ценностью, при более бережном отношении к таким институтам и установлениям, как СМИ и свобода слова, свобода предпринимательства, возможность свободного выезда и т.п. Призрак "пиночетизма" вполне может сойти со страниц политологических сочинений и начать свое шествие по просторам многострадальной русской земли.

И.М. Клямкин, В.В. Лапкин
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО: СТИХИЙНЫЙ ПОИСК ФОРМУЛЫ СОГЛАСИЯ
(статья 3)

Здесь мы переходим к вопросу об отношении россиян к демократии – ключевому слову в политической риторике последнего десятилетия.

Массовая восприимчивость к этому слову сохраняется, общество проявляет даже солидарность в его позитивном восприятии, но лишь в тех случаях, когда "демократия" символизирует отрицание нынешней политической реальности, подобно тому, как несколько лет назад она символизировала отрицание реальности коммунистической. Наибольшее согласие, как свидетельствуют наши данные, вызывают два тезиса: "нынешний государственный строй не является демократическим, демократию в России еще только предстоит построить" и "демократия в России необходима, но находящиеся у власти демократы ее компрометируют".

Однако мобилизационные возможности этих тезисов и основанной на них риторики сегодня вряд ли могут быть сколько-нибудь значительными: разочарование в "демократах" первой волны неизбежно сопровождается повышенной настороженностью и недоверием по отношению к любому политику, называющему себя демократом (даже если он отмежевался от демократов "неподлинных"). Поверить могут лишь лидерам, способным убедить людей в том, что они сумеют соединить идеологию "новой демократии", противостоящей демократии "старой", с тем, о чем мы уже говорили, – с честной и практической политикой, учитывающей повседневные интересы большинства населения, ведущей к улучшению, а не к ухудшению жизни рядового постсоветского человека. Убедить же в этом будет очень непросто, т.к. люди склонны верить лишь тому, что как-то соотносится с их обыденным опытом, а опыт может быть только настоящим и прошлым. И если опыт настоящего успел вызвать у них разочарование в "демократах" и недоверие ко всякому, кто себя так называет, то они неизбежно начинают искать образ будущего в прошлом.

В результате же сохраняющаяся восприимчивость к слову "демократия" оказывается на поверку восприимчивостью к идеализированной "социалистической" демократии, что лишний раз подтверждается приведенными выше данными (тезис, согласно которому "нынешняя демократия не имеет ничего общего с подлинной социалистической демократией – властью человека труда", один из самых популярных).²⁹

Из этого, однако, вовсе не следует, что политические силы, использующие такие настроения в своей риторике, обречены на очень уж большой

²⁹ Мы отдаем себе отчет в том, что представители разных групп (и даже разные представители одной и той же группы) могут вкладывать в этот тезис различный смысл. Скажем, согласие с ним почти половины предпринимателей вовсе не означает их приверженности идеалам "социалистической" демократии; они, очевидно, хотят тем самым показать, что нынешняя "демократия" не хуже, а лучше "социалистической", даже "подлинной". Однако, мы можем утверждать, что большинство (по крайней мере в массовых группах) имеет в виду прямо противоположное: "подлинная социалистическая демократия" в их глазах заведомо выше сегодняшней, причем содержание первой понимается как соединение нынешних политических свобод с социально-экономической повседневностью брежневской эпохи (См. Клямкин И.М., Лапкин В.В., Пантин В.И. Между авторитаризмом и демократией. ПОЛИС. 1995. N2.)

успех у избирателей. Если эти силы, подобно коммунистам, олицетворяют в глазах большинства прошлый опыт во всей его полноте (справедливо или нет – другой вопрос), то доверие они могут вызвать лишь у относительно немногих. Скорее доверие могут вызвать те, кто сумеет учесть массовое неприятие настоящего и ностальгию по прошлому, дистанцируясь от политических группировок, воспринимаемых ответственными как за реальное, а не идеализированное, прошлое, так и за непривлекательное настоящее, т.е. от "демократов" и "коммунистов".

Неприятие реального коммунистического прошлого, нежелание возвращаться в него при одновременном неприятии "демократического" настоящего проявляется и в том, что лишь относительно небольшая часть наших сограждан (несколько выделяются здесь разве что офицеры и сельскохозяйственные руководители) видит спасение России в диктатуре, и очень значительная часть выражает согласие с тем, что "демократия в России сегодня может быть лишь ширмой для разграбления страны и передела собственности властью имущими". Иными словами, нежелание поступаться полученными политическими свободами сочетается с глубокой, переходящей в пессимизм неудовлетворенностью тем, что эти свободы оказались плохо соотносимыми с надеждами на справедливый передел национального богатства или, что то же самое, с ожиданиями сформировавшегося в советскую эпоху частного потребителя.

Это настроение настолько глубоко укоренено в современном массовом сознании, что даже представители элитных групп, отнюдь не обделенных (или обделенных несравнимо меньше) в ходе передела собственности, предпочитают демонстрировать свою непричастность к происходящему переделу и ущемленность своих интересов: несогласных с мыслью о "демократии-ширме" чуть меньше, чем согласных, только среди предпринимателей.

Трудно сказать, каким политическим силам удастся лучше использовать восприимчивость населения к такой риторике и заставить поверить, что именно они сумеют, не покушаясь на политические свободы, обеспечить торжество справедливости. Гораздо легче предсказать, что использовать ее будут все или почти все, как нетрудно предсказать и другое: боязнь утраты политических свобод и непопулярность идеи диктатуры мало помогут тем политическим партиям и лидерам, которые будут апеллировать к "угрозе коммунизма и фашизма". Время такой риторики, в массовом сознании, ассоциируемой с "демократами" первой волны, уходит в прошлое, реальность подобной угрозы большинству людей не ощущает (что, может быть, и преждевременно).

Лишь предприниматели и фермеры, остро чувствующие свою зависимость от перестроившейся "номенклатуры", демонстрируют повышенную готовность к восприятию идеологием периода демонтажа коммунистической системы; с ними солидаризируется довольно значительная часть управленческого аппарата, связавшая себя с "демократами". Но не эти, относительно малочисленные, группы определяют, как известно, исход голосования на выборах. Те же, кому этот исход предстоит определить, не принимают "демократическое" настоящее не только потому, что оно не согласуется в их представлении с идеей справедливости, но и потому, что оно не согласуется с идеей общественного порядка: во всех массовых группах многие согласны с тем, что "демократия в России сегодня неизбежно ведет к хаосу и анархии", причем согласных повсеместно больше, чем несогласных.

Интересно, что эти группы, в совокупности составляющие основную часть населения страны, в данном отношении примыкают к руководителям колхозов и совхозов, отличающихся повышенным консерватизмом почти во всех экономических и политических вопросах. Другие элитные группы или расколоты (директорский и офицерский корпус), или склоняются к тому, что фатальной зависимости между демократией и "хаосом и анархией" в современной России не существует (представители частного сектора и управленцы). Различия между элитными группами не трудно объяснить: одни связывают с демократией разрушение прежнего хозяйственного и жизненного укладов (при неясности перспектив на будущее), другие же всецело обязаны ей становлением новых укладов, в которых они надеются найти свое место, или своей административной карьерой.

Но эти различия, порой очень существенные, не должны заслонять суть проблемы, заключающейся в том, что идея демократии может стать в России фактором согласия, а не раскола лишь в соединении с идеями порядка и справедливости, которое символизирует неоднократно фиксировавшийся нами запрос на обновленную версию идеи равенства. Никакая другая "демократическая" риторика сегодня восприниматься не будет или будет воспринята заведомым меньшинством, а ставка на меньшинство несовместима с демократией по определению.

Другое условие сохранения демократической перспективы в России продолжение разрыва между декларируемыми принципами демократического политического устройства и частной жизнью рядового постсоветского человека. Этого человека, скорее всего, ничто уже не заставит мыслить категориями страны и ее интересов, абстрагируясь от интересов индивидуального жизнеустройства. Показательно, что даже на самые отвлеченные и обесмысленные частым употреблением риторические клише последнего десятилетия он реагирует избирательно, отличая "демократию для страны" ("демократия - единственный путь к процветанию России") от "демократии для себя" ("демократия в России даст возможность каждому проявить все, на что он способен").

К первому тезису россияне (за исключением опять-таки представителей частного сектора и управленцев) относятся более чем сдержанно; не находя достаточных оснований для принципиального несогласия с ним, они в то же время остерегаются выразить и свою солидарность со столь общим, оторванным от их повседневного существования лозунгом, по максимуму используя возможность уйти от ответа. Высокая степень неопределенности сохраняется, правда, и в отношении ко второму тезису, но в данном случае, в отличие от предыдущего, согласных почти во всех группах (кроме традиционалистски настроенных пенсионеров и колхозников) все же больше, чем несогласных.

Социально-политическая и идеологическая риторика - неизбежный спутник современной демократии. Она не всегда апеллирует к разуму и конкретным интересам людей, она может эксплуатировать их иллюзии и заблуждения, но единственное, быть может, утешение заключается в том, что она должна приспособливаться к меняющимся настроениям большинства, к опыту его разочарований, а это значит, что она не может не считаться с конкретными запросами и интересами и не переводить их на язык, к которому массовое сознание в данный момент восприимчиво. Пример постсоветской России не опровергает, а лишь раз подтверждает это общее правило. Что, разумеется, не должно заслонять от нас стоящую перед страной опасность: разочарование в "демократической" риторике может обернуться разочарованием в возможностях демократии обеспечить порядок, безопасность и справедливость или, что то же самое, в ее возможности предотвратить сползание в "хаос и анархию". Со всеми вытекающими отсюда и хорошо известными по мировому опыту последствиями.

2. Социально-политическая риторика и электоральные группы

Как и в случае с анализом риторики *социальных групп*, сначала представим вниманию читателя весь фактический материал. Он фиксирует ориентации и умонастроения избирателей шести партий и движений, которые во время нашего опроса имели самые высокие рейтинги. К сожалению, у нас нет возможности показать особенности электоратов ряда политических организаций, успевших приобрести в последнее время достаточный авторитет, но в феврале или еще не существовавших, или не успевших привлечь на свою сторону сколько-нибудь значительное число сторонников ("Наш дом - Россия", "Вперед, Россия!", "Конгресс русских общин" и некоторые другие).

В какой-то степени этот пробел поможет восполнить информация о личных электоратах наиболее популярных (в феврале) кандидатов на пост президента России, прежде всего А.Лебеда, Б.Федорова и А.Руцкого, ставших лидерами новых партий и движений, а также Б.Ельцина, который в начале года сохранял еще довольно значительное число приверженцев.

Наконец, в приводимых ниже таблицах читатель найдет и сведения о том, как воспринимали их избиратели, проголосовавшие за эти партии в декабре 1993 года. Это позволит зафиксировать наиболее существенные тенденции качественного изменения электоральных групп.

Прежде всего хотим привлечь внимание читателя к вопросам, которые не разделяют, а сближают избирателей разных политических группировок. Таких вопросов сравнительно немного, и касаются они, в основном, четырех сюжетов - обеспечения свободы на неограничиваемую государством оплату труда, привнесения в него дисциплинирующего начала, неприятия безнравственных или криминальных способов обогащения вообще и "начальства" - в частности, и критической оценки российской демократии как несоответствующей идеальным о ней представлениям (сами представления, разумеется, могут быть разными).

Отсюда следует, что все политические силы имеют сегодня дело с одним и тем же массовым типом человека, ориентированного на индивидуальную экономическую и политическую свободу и - одновременно - на нравственные, юридические и дисциплинарные ограничения, согласующие ее меру с собственными возможностями использовать ее в своих интересах, с его профессиональным и жизненным опытом. Не находя такого согласования в сегодняшней реальности, он, независимо от своих политических и идеологических предпочтений, склонен объяснять это рассогласование "неподлинностью" и коррумпированностью нынешней демократии и властвующих "демократов".

Говоря иначе, все политические силы сегодня имеют дело с освободившимся от государственной опеки частным потребителем, особою удовлетворения от своего освобождения не испытывающим, но и возвращению к той опеке (по крайней мере - в ее прежнем виде) не желающим. Даже избиратели компартии, отличающиеся наибольшей приверженностью советскому традиционализму, в массе своей отошли от антипотребительских "социалистических" идеалов добрежневского периода, причем, судя по нашим данным, эта тенденция не ослабевает, а усиливается (доля тех, кто выступает за ограничением трудовых доходов, в электорате компартии за последние два года уменьшилась, а доля выступающих против - возросла).

Лидерам и идеологам коммунистов не уйти от признания факта, что их избиратель, как правило, - такой же индивидуалист, как и избиратель любой другой партии, а потому "коллективистская" и "государственническая" (в смысле приоритета государства над личностью) риторика им уже не может быть воспринята. Что касается "трудовой дисциплины", сомнительных способов обогащения и критики власти и режима, то это все воспринято будет, но политического лица не создаст, т.к. то же самое могут говорить, не рискуя потерять своих избирателей, представители всех (или почти всех) других политических сил.

Основные различия между электоральными группами связаны с представлениями о государственном ограничении индивидуальной "свободы", или, наоборот, ее расширении (тоже с помощью государства) для определенных слоев населения, а не об ее ограничениях вообще. При этом запрос на ограничения мотивируется, скорее всего, традиционными соображениями, уравнивающими ценность и общественную значимость разных (простых и сложных) типов трудовой деятельности, а запрос на расширение - столь же традиционным соображением об универсальности и гарантированности права на труд, независимо от спроса на него.

Эти различия отчетливее всего просматриваются при сравнении электоратов компартии и "Демократического выбора России", представляющих сегодня два крайних полюса российского общества - радикально - традиционалистский и радикально - "либеральный". Все остальные электоральные группы - за исключением "руцкистов", которые во многих вопросах проявляют еще больший радикализм, чем "зюгановцы", - располагаются, как правило, между этими двумя цветами политического спектра.

Не трудно заметить, скажем, что избиратели компартии почти единодушны в требованиях стопроцентной занятости, причем подобные настроения в их среде со временем усиливаются, а "гайдаровцы" представляют собой единст-

венную группу, в которой число противников таких гарантий превышает долю сторонников, причем это соотношение меняется в пользу противников. То же самое мы наблюдаем в отношении к тому, чем должен определяться трудовой доход человека - его профессиональным уровнем или еще и предприимчивостью ("выбороссы" в подавляющем большинстве своем солидаризируются со вторым принципом, а среди сторонников коммунистов почти половина склоняется к первому).

Думаем, нет необходимости приводить другие примеры - аналогичная картина обнаруживается почти по всем позициям, и читателю не составит труда самому сориентироваться в представленной информации.

Единственное, на что хотелось бы еще обратить внимание, - это нравственная и "классовая" оценка богатства: колоссальные различия в данном отношении между "зюгановцами" и "гайдаровцами" лучше всего, быть может, раскрывают природу политической поляризации российского общества. Суть дела, повторим еще раз, заключается в признании равноценности, фиксируемой государством, или, наоборот, неравноценности, выявляемой рынком, между разными видами и типами деятельности. Именно здесь корни морального и "классового" неприятия богатства одними (независимо от способов приобретения) и его признания другими.

Люди, находящиеся на этих крайних полюсах, очень трудно поддаются примирению, т.к. пребывают в состоянии гражданской войны менталитетов; риторика, которой они готовы внимать и которая способна их консолидировать, разнонаправлена и взаимоисключающа, их политические языки взаимонепереводимы. В чем тем же "выбороссам" видится вдохновляющий ("демократия - единственный путь к процветающей России", "только демократия спасет Россию от угрозы коммунизма и фашизма"), для "зюгановцев" - слова пустые и враждебные, зато все большим смыслом и значением наполняется для них чуждое демократическому уху слово "диктатура". Они не возражают против демократии в принципе, но лишь в том случае, если это слово не только никак не напоминает риторику нынешних "демократов", но нацелено против них. В данном случае оно может казаться вполне совместимым и со словом "диктатура": ведь главное здесь - не то, что означает термин, а то, против кого он направлен.

В такой морально-политической обстановке находящимся на противоположных полюсах политики, даже если они претендуют на умеренность и респектабельность, очень трудно будет удержаться от крайностей в своей предвыборной риторике, от обличительного пафоса, сближающего убежденных "революционеров" и принципиальных "антиреволюционеров", чему мы можем стать свидетелями.

Вместе с тем обращает на себя внимание и другое, а именно, что на одном из флангов ("либеральном") мобилизационные возможности радикально-конфронтационной риторики явно ослабевают. Растущая радикализация "гайдаровцев" не должна вводить в заблуждение, ибо она происходит за счет вымывания из их рядов более умеренных избирателей без какой-либо компенсации этих потерь: численность электората "Демократического выбора России" после выборов 1993 года уменьшилась более чем вдвое. И при всем том "выбороссы" по многим вопросам, прежде всего социально-экономическим, ближе к расколу, чем к согласию (раскол среди "зюгановцев" и "руцкистов" наблюдается крайне редко). К тому же фактически произошло их психологическое и политическое отмежевание от нынешних российских властей: не только "гайдаровцы", но и сторонники лично Ельцина в подавляющем большинстве согласны с тем, что "находящимся у власти демократами" демократия компрометируется.

Шансы на сколько-нибудь серьезный успех на предстоящих выборах сохраняют лишь те "демократы", которые олицетворяют альтернативу нынешнему правительственному курсу; полное или хотя бы частичное отождествление себя с ним, каким бы мотивированным он ни выглядело, может лишить партию политического лица и отбросить ее на политическую обочину. Однако и идею "демократической альтернативы" реализовать на практике будет не просто. Мы имеем в виду не преодоление пятипроцентного барьера на выборах в Думу

- тут особых проблем у "альтернативистов", - скорее всего, не возникнет. Мы имеем в виду осуществимость их притязаний на ведущую роль в политическом развитии страны, их способность выступить в роли консолидирующей обществу силы.

Идея "демократической альтернативы" олицетворяется сегодня прежде всего движением "ЯБЛока" и ее лидером Григорием Явлинским. Именно в электорате этого движения наибольший отклик находит мысль о компрометации демократии властвующими "демократами". Но в этом же электорате растет спрос на риторику, используемую принципиальными противниками "демократов" как таковыми - приведенные выше данные не оставляют на сей счет ни малейших сомнений (скажем, сторонники "ЯБЛока" занимают второе, после "зюгановцев", место по доле тех, кто склонен оценивать нынешнюю демократию как несовместимую с "подлинно социалистической", и у нас нет никаких оснований полагать, что они отдают предпочтение первой, а не наоборот). Однако подобная риторика чаще всего несовместима с либерально - реформаторской экономической идеологией, приверженцами которой остаются лидеры "ЯБЛока". Совмещение "правой" (по своему экономическому содержанию) идеологии с "левыми" настроениями избирателей - проблема слишком сложная, чтобы решить ее с помощью одной лишь риторики, даже предельно гибкой. Если же "альтернативистам" эту проблему решить не удастся, то претендовать на консолидирующую роль сможет лишь некая "третья сила", противостоящая как "демократам", так и "коммунистам".

Такой силой пытается стать формирующаяся "партия власти", рассчитывающая использовать в своих интересах потребность общества в стабильности, его настороженное отношение к новым резким переменам и идущий от него запрос на неидеологизированную, прагматичную политику (результат разочарования во всех идеологиях, последствия воплощения которых людям пришлось испытать на собственном опыте). Но этой партии, в глазах населения несущей ответственность за нынешнее положение вещей и потому не вызывающей доверия, будет очень трудно удовлетворить массовую потребность в политике не только практичной, но и честной. Конкуренцию же ей в борьбе за статус "третьей силы" ей могут составить лишь политики, обещающие стабильность и порядок не при нынешних, а при другой власти.

Мы уже говорили о том, что первым симптомом растущего массового спроса на такую "третью силу" был успех партии Жириновского на выборах 1993 года. Но Жириновский слишком эпатичен, чтобы претендовать на консолидирующую роль. Судя по настроениям его избирателей, он сумел привлечь на свою сторону прежде всего традиционалистски настроенных людей, разочаровавшихся в коммунистах и пытающихся совместить в своем сознании советский традиционализм, разбавленный потребительским индивидуализмом брежневского и последующих времен, с "русской идеей" в ее этническом значении. Правда, среди избирателей ЛДПР больше, чем среди избирателей коммунистов, доля тех, кто не приемлет советские ценности ни в каком виде - ни в социально-экономическом, ни в политическом, ни в идеологическом. Но доля эта все же слишком мала, чтобы говорить о консолидирующих возможностях партии. И вовсе не случайно, быть может, "жириновцы" столь заметно выделяются своей приверженностью идее диктатуры; они чувствуют себя маргинальным меньшинством, и их сознание ориентировано на подчинение общества этому меньшинству, а не на сплочение большинства. В данном отношении несравнимо более реальным претендентом на роль "третьей силы" выглядит генерал Лебедь, буквально за несколько месяцев обошедший по рейтингу популярности всех российских политиков и стоящие за ними группировки. Правда, в рядах его сторонников тоже доминируют традиционалисты (по крайней мере так было в феврале). Вместе с тем в его электорате просматривается и иная тенденция: скажем, по доле тех, кто солидаризируется с лозунгом "новых русских" ("чем больше в стране богатых, тем богаче весь народ"), сторонники Лебеда приближаются к сторонникам таких политиков, как Ельцин, Борис Федоров и Явлинский. Можно сказать, что популярность Лебеда, не примыкающего ни к одной из политических идеологий, имевших хождение в России последнего десятилетия, отражает смутную потребность мас-

сового сознания в новой идеологии, в своего рода идеологии деидеологизированных, которая соединяла бы идею "преобразования обстоятельств" с идеей устройства и упорядочения повседневной частной жизни рядового постсоветского человека. Пока трудно сказать, как будет воспринят Александр Лебедь в роли публичного политика, сумеет ли он использовать свое преимущество, полученное еще до того, как он объявил о своих политических притязаниях.

Политическое развитие России в ближайшее время будет определяться влиянием трех сил: партий "демократической альтернативы", "партии власти", а также тех, массовый запрос на которые наиболее ярко воплощается в фигуре отставного генерала Лебеда. Влияние будут определяться не столько произносимыми вслух словами (слова, в основном, будут одни и те же), сколько тем, чьей риторике больше поверят.

**РОССИЙСКОЕ ДЕПУТАТСТВО
В ЗЕРКАЛЕ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ЭКСПЕРТИЗЫ**

**Депутатство как образ жизни
(материалы заочного круглого стола
депутатов Государственной Думы)**

Депутатство как образ жизни?! При всей своей парадоксальности такая постановка темы вполне адекватна и, очевидно, вскрывает мощный культурно-профессиональный пласт российского депутатства как уникального явления российской политики и культуры.

Как может быть понят и описан депутатский образ жизни?

Как народный избранник включается в этот образ жизни?

Какие изменения при этом происходят в профессиональной деятельности и частной жизни депутата?

Как происходит присвоение депутатской роли?

Что в депутатском образе жизни представляет собой эффект "наркотического" привыкания к депутатству?

Что способствует театрализации депутатских ролей и переосмыслению идей призвания и ответственности?

Что формирует депутатский азарт?

Наконец, какое значение имеет вживание в депутатский образ жизни для системы жизненных перспектив и стратегий нынешнего депутатского корпуса? Мотивирован ли он в том числе и страхом разрыва с депутатским образом жизни?

С этими вопросами редколлегия вестника обратилась к ряду депутатов Государственной Думы.

Тексты интервью публикуются с небольшими сокращениями.

* * *

**А.А. Захаров: "... Не может быть призвания к тому,
чтобы представлять чьи-то интересы"**

Я буду говорить прежде всего о себе. У меня все началось с эмоционального впечатления – и в этом смысле я вынужден буду говорить о банальных вещах. Это впечатление порождено вопросом, который я сам себе начал задавать буквально на следующий день после выборов: "А получится ли у меня то, на что меня обрекли? Насколько я буду соответствовать новым задачам?". Я, честно говоря, не очень понимал тогда эти задачи.

Было совершенно ясно, что имела место обреченность на доверие. И этому доверию надо было соответствовать, одним словом, быть способным выполнять задачу. Это – первая проблема, проблема ответственности.

Второе психологическое впечатление заключалось в том, что я вдруг понял, что отныне у меня нет начальства. И это впечатление – одна из самых важных составляющих депутатского образа жизни. Теперь не было людей, которые могли бы мне давать задания по службе.

Мой случай, однако, нетривиален, ибо избрание депутатом во второй раз в 1993 году не добавило мне никаких эмоциональных переживаний в сравнении с первым избранием – в Верховный Совет. Я скорее испытывал то же самое, единственно что, может быть, более глубоко и осознанно. Проблема и во второй раз была та же: осознание ответственности и необходимость определяться самому и действовать сообразно самоопределению.

Общераспространенное убеждение в том, что отсутствие начальства есть прекрасная вещь – попросту заблуждение. Жить от этого отнюдь не становится легче.

Одна из самых больших драм, которую переживает человек, переходя "отсюда – туда", то есть из депутатства в жизнь, – это необходимость перестраивать свою систему субординаций: снова появляется то, что мы называем начальством. Однако, побывав в роли абсолютно самоопределяющегося, очень трудно вновь вписаться в систему субординаций. Поэтому почти никто из депутатов, оставляющих свое "избранничество", не возвращается, как правило, к своим прежним профессиональным занятиям.

Думаю, что этот вторичный переход все же не порождает у депутатов страха. Скорее это психическое переживание, которое подчас переходит в физиологическое ощущение невозможности перехода к старому образу жизни. Когда я говорю, что это драма, я имею в виду, что человеку действительно трудно найти себя вновь после депутатства.

Такое положение дел усугубилось с переходом к профессиональному парламенту, ибо депутату, работавшему в прежнем парламенте, так сказать, без отрыва от производства, не приходилось влезать, так сказать, в депутатскую "шкуру" целиком. Так, например, было со мной, когда я, работая в Верховном Совете, оставался при этом преподавателем вуза.

Рассуждая о том, кого люди выбирают в депутаты, не трудно согласиться с одним из двух вариантов ответа на этот вопрос. Либо люди склонны выбирать человека, который в наибольшей степени подобен им самим, либо избиратель предпочитает как раз тех, кто на него совершенно не похож.

Первый вариант более соблазнителен, ибо ведет к театрализации депутатства буквально на каждом шагу. Нередко мне говорят: "Посмотрите, как ведут себя наши депутаты! Семечками шелкают на заседаниях. Вот подрались вчера". Я отвечаю в таких случаях: "Поймите. Депутаты ведут себя точно также, как и вы. Это – народные депутаты и ведут они себя вполне по-народному". Поэтому любая претензия – легко превращается в вопрос: "Посмотрите, кого вы избираете! Они представляют вас. Они – ваше точное отражение. Они точно такие же как вы!"

Логично спросить: "Нужно ли избирать тех, кто похож на нас, или же надо избирать тех, кто все же не похож на нас? И выбор неизбежно будет исходить "от противного". Может быть, вторая схема даст лучшие результаты? На самом деле, непохожесть и похоть проявляются в облике и жизни каждого депутата. Все зависит от того, что перевешивает. Многие депутаты, видимо, считают, что если люди удостоили их доверием, то они переходят как бы в другой разряд. Этому, кстати, очень способствует наша выборная система. Речь идет о выборах по партийным спискам. Что такое выборы по партийным спискам? У депутата нет "собственного" избирателя и он абсолютно ни от кого не зависит. Проблема ответственности в таком случае даже и не возникает.

Моральные отношения могут существовать только между личностями. Если за вами стоят люди, которые за вас проголосовали, то с ними-то вы и можете устанавливать некие моральные отношения. Если же за вами – только строчка в отчете Центризбиркома и нам говорят: "За вас проголосовало 25 миллионов человек", – то никаких личностных отношений здесь просто не возникает. А если не складывается моральный контакт с людьми, то, соответственно, нет почвы и для ответственности депутата. Нельзя отвечать перед некой абстракцией, типа строчки в отчете Центризбиркома.

Именно поэтому я бы настаивал на избрании всех депутатов только от регионов, что не исключает, впрочем, выборов от политических партий. Но тогда давайте избирать членов любой партии также от регионов. Люди должны знать своих депутатов, а депутаты должны отвечать перед своими избирателями. В противном случае депутата ждет нравственная невесомость, нравственная независимость от кого бы то ни было. А оно, в свою очередь, и рождает то негативное, что мы вкладываем в понятие "депутатский образ жизни".

ни". Именно это и "сажает на иглу", именно это и делает депутата подчас весьма неприятной личностью.

Чисто российская черта депутатского образа жизни – это гипертрофированное подчеркивание отсутствия личного начала. Термин "мои избиратели" звучит весьма часто. И получается так, что апелляция к интересам избирателей становится просто навязчивой.

Это происходит на фоне политической неструктурированности общества. У любого депутата, за которого голосовали конкретные люди, а не абстрактные приверженцы политических партий, имеются избиратели различных политических взглядов. Поэтому всякие разговоры о том, что "мои избиратели настаивают на...", выглядят приторно и даже неприлично. Словом, личностное начало должно быть выражено в депутатстве более сильно. Хотя декабрьские выборы вряд ли что-нибудь изменят в этом направлении.

Нет ничего более тленного, чем депутатство. Что значит призвание депутата? У вас может быть призвание писательское, потому что вам "хорошо пишется". У вас может быть призвание художника или музыканта, но не может быть призвания к тому, чтобы представлять чьи-то интересы.

Возвращаясь к исходному вопросу, можно сказать, что депутатский образ жизни в сегодняшней России – это иллюзия свободы при отсутствии какой-либо реальной свободы.

Б.А.Золотухин: "... Власть депутата – призрачна"

Многое зависит от того, с какими намерениями кандидат в депутаты решается пуститься в море политики – для чего это ему нужно. И от этого, я думаю, зависит все, что с ним впоследствии происходит.

Если у депутата есть какие-то иные соображения, кроме обустройства своей личной жизни, если есть какое-то желание послужить общему делу, тогда, я думаю, его судьба и жизнь складываются определенным образом. Если же преобладают другие соображения, то и жизнь – другая.

Я наблюдал российских депутатов в Верховном Совете, наблюдал и продолжаю наблюдать тех, кто был избран в декабре 1993 года. Мне кажется, что во многом это разные люди, и руководствовались они разными соображениями.

Среди депутатов 1990 года, а я поддерживал тесные отношения, признаться, только с депутатами демократической ориентации, большинство принадлежало к тем, кто был движим желанием, как это называлось раньше в России, послужить миру, послужить обществу, послужить народу. Тогда был очень высокий накал антикоммунистических страстей. Казалось, что участие в Законодательном Собрании позволит преобразовать ненавистный тоталитарный строй в демократическое, правовое государство. И никто или почти никто не думал о тех преимуществах и, тем более, неудобствах, которые сулило избранным это депутатство.

Конечно, и с депутатами Верховного Совета тоже происходили разного рода трансформации. Некоторые из самых яростных ниспровергателей коммунистического режима, не найдя своего места в демократически организованных депутатских группах, переходили порой в лагерь наших политических оппонентов. Так, некоторые энергичные деятели Фронта Национального Спасения вначале были одними из самых демократических депутатов и вносили на Съезд такие фундаментальные законы, как, например, "Закон о Власти". Но не прошло и нескольких месяцев, как оказалось, что их притязания на то, чтобы возглавить демократические силы в Верховном Совете и на Съезде народных депутатов не сбылись. Тогда они нашли свое место во Фронте Национального Спасения, где смогли стать настоящими лидерами.

Давайте подумаем, зачем они пришли в депутаты? Я думаю, что их привлекала власть сама по себе. Их привели туда те человеческие слабости, которые связаны с мельканием на телевизионных экранах, с популярностью и т.п. Они не выдержали элементарной проверки на эти слабости.

А вот депутатский азарт скорее относится не характеристикам профессии, а к натуре человека. Страстный человек – он везде страстный: и в любви, и в работе, и в политической деятельности. А если он не такой страстный, то, полагаю, у него и депутатского азарта не будет.

Я сам человек равнодушный. То есть я не остаюсь равнодушным к тому, что законопроект, который выношен и выстрадан, в который вложено много бессонных ночей, совещаний, бдений, споров, дискуссий, губят мои оппоненты. Конечно, для меня это стресс. Я тогда волнуюсь и произношу, может быть, более пламенные речи, чем те, которые я бы произнес в спокойном состоянии. Разумеется, волнуясь, я произношу какие-то лишние слова. Если под этим понимать депутатскую страсть, тогда она мне присуща.

Когда человек входит в политику, начинает заниматься ею профессионально, чувствует, что у него получается, что эта профессия ему нравится, то естественно его желание сражаться за эту профессию. Но это не исключительно депутатское качество. И если депутат чувствует свое призвание к занятию политикой, не вижу ничего дурного в том, что он хочет продолжать заниматься этой деятельностью, тем более, что эта деятельность приносит ему моральное удовлетворение.

Очень трудно, и даже в некотором смысле рискованно, пытаться представить себе некий обобщенный образ депутата. Мы все очень разные.

Я начал свои размышления над анкетой авторов проекта о российском депутатстве с того, зачем мы приходим в депутатство. В 1990 году я пришел не для того, чтобы заниматься политикой. Сама по себе политика меня никогда не занимала. Я пришел из юридической среды, из адвокатуры, для того, чтобы заниматься судебной реформой. Но я даже не ожидал, что мне и моим товарищам удастся продвинуться так далеко. Получается, что главное дело моей жизни уже как бы сделано.

Дальше идет чистая политика. Последние годы в Государственной Думе я занимался практически только политикой – стал заместителем председателя фракции "Выбор России". Я вынужден был заниматься организационной работой, решением политических вопросов, и это меня уже не очень привлекает. Кроме того, я считаю, что наступает возраст, когда пора уходить от дел. И я хочу остаток дней быть свободным человеком, читать книги, слушать музыку, жить в деревне, общаться с друзьями. Депутатская же деятельности длится не меньше 12 часов в день.

Для кого-то, может быть, депутатство и дает "наркотический" эффект, скажем, от внешней стороны депутатской жизни. Депутатский значок. Зал официальных заседаний в аэропортах. Вам оказывают некоторые знаки уважения и внимания, связанные с вашим статусом. Это, разумеется, не может не тешить кого-то и не может не привлекать кого-то. Но на самом-то деле, власть депутата – призрачна.

С.В. Бурков: "... Депутатом сложно себя проявить "

Личная жизнь прекращается. Это, может быть, тривиально, но это так. А все те блага, о которых так много говорили и говорят до сих пор, я на себе не ощущаю. И говорю это совершенно откровенно, не рисуясь. Дети меня не видят. В театры я не хожу, хотя это для меня большой удар. Словом, с личной жизнью я совершенно покончил. Это удручает и где-то даже раздражает. В этой связи можно сказать, что депутатство уже скорей не образ жизни, а стиль мышления, если угодно. Это – та мера ответственности, которую ты неожиданно обретаешь.

"Медные трубы" для депутата – необходимость подняться над проблемами своего региона до уровня государственности, понимание того, что тебе отведена роль "элемента", который делает систему государственности более

или мене устойчивой. Вот это и есть образ мышления. Ты неизбежно начинаешь мыслить масштабами всей страны, как это ни банально звучит. Дается это не просто, потому что часто очень приходится раздваиваться. Я, к примеру, нередко чувствую, что принятие того или иного решения может оказать достаточно серьезное влияние на экономическую ситуацию в стране, и тут приходится думать о том, готов ли ты к тому, чтобы взять на себя такую ответственность и весь груз принятия конкретного решения.

В России все еще не осознали, что такое депутатство. Не будем останавливаться на причинах такого положения дел. Многие избиратели привыкли думать, что депутат – это тот, кто может решить конкретный вопрос, кто может ногой открыть дверь "к начальству", к кому можно прийти и он восстановит справедливость – некий барин, который готов все сделать.

Да, я знаю, как работают американские конгрессмены. Они готовы тут же прервать любое совещание, если пришел кто-то из их избирательных округов. Возможно, это – правильно. Но по большому счету мы еще не доросли до этого. Как раз отсутствие правовой системы, которая позволяла бы каждому четко решать свои вопросы через "третью" – судебную – власть, когда каждый знал бы свои права и следовал бы букве закона, мешает тому, чтобы все в нашем обществе развивалось по этому сценарию. Мы привыкли жить без закона. Были, конечно, свои законы телефонного права, законы пирамиды власти. Но законов, по которым мог бы жить и простой человек, и генеральный секретарь, просто не было. Создание этих законов и составляет основную задачу Думы и основную функцию любого депутата. Нужно решать не частные проблемы, а общие. Хотя и частные тоже нужно решать, ибо от избирателей многое зависит, по крайней мере, как за тебя проголосуют. Фундаментальная задача состоит в том, чтобы выстроить остов, каркас, сложную структуру российских законов. "Рабочие лошади" в этом процессе председатели комитетов. Не лидеры фракций – они в политической игре, – а те, кто создают фарватер этой игры. Но они-то чаще всего незаметны.

Есть, конечно же, депутаты, для которых депутатство является трибуной, возможностью громко о себе заявить. Но у нас у всех не всегда хватает разума решать сложные проблемы. И это очень печально. В этом смысле, депутатом нужно стать. Нельзя быть просто "хорошим парнем" и идти в депутаты. Кстати, это одно из заблуждений нашего электората. Но "хороший парень" не ведает, как писать законы, не знает он даже и того, как их читать. Такие люди в депутаты не годятся.

Есть в депутатском образе жизни и такое явление, как азарт. Политический азарт можно понимать по-разному. Есть азарт "объехать" кого-то на повороте, даже всю Думу вместе взятую, не говоря уж о фракциях. Я говорю не о политической игре. У меня же азарт возникает тогда, когда мне удастся решить проблемы юридические, даже чисто экономические, особенно, когда мне удастся убедить большинство фракций и большинство депутатов голосовать именно за мою формулировку, за мой закон, за мое принципиальное решение. Вот тогда мною овладевает азарт и я в этот момент ничего с собой поделаться не могу.

Работать, скажем, в тиши кабинета или убеждать депутатов на заседании комитета, в частных беседах, это – одно. Тут играют в основном профессиональные факторы – разумная аргументация, умение убедить, способность сориентировать человека в ситуации. Мне не хочется укорять коллег-депутатов, но многие работают исключительно на эмоциях. Пытаются тем самым компенсировать незнание глубинных проблем? И я часто ловлю себя на том, что не могу разобраться во многих законах, подчас даже нет времени их прочитать. В таких случаях ориентируюсь на заключения правового управления, экспертов комитетов и на выступления других депутатов, их аргументы.

Но когда ты выходишь на трибуну, с тобой обязательно происходит метаморфоза. Для того, чтобы предлагаемое тобой решение было принято, разработанный тобой закон проголосован, ты и начинаешь свой театр. Многие знают мои напряженные рабочие отношения с А.Чубайсом, но он для меня – эталон в плане такой игры. Он умеет себя вести в таких ситуациях. Конечно

же, ему бы надо снять некоторый налет нахрапистости. В нем есть азарт, азарт политического игрока.

Профессионалом может считать себя тот депутат, кто, уходя с трибуны, мгновенно снимает с себя эту театральную маску. Да, можно складно говорить перед телевизионной камерой на всю Россию, но люди больше прислушиваются не к тому, как человек говорит, а к его мыслям, его выводам. И вот тут на одном азарте и театрализации далеко не уедешь.

За два года депутатства очень сложно проявить себя. Представьте себе человека из региона, попавшего в очень жесткую ситуацию, в политические жернова, где в общем-то не считаются с тем, кем ты был раньше, а учитывают лишь то, как ты себя сегодня проявил. Депутат, себя не проявивший, встает перед выбором одного из двух путей. Первый путь – чисто политический. Просчет ситуации подчас зависит от того, каких политических взглядов ты придерживался во время голосований. Посудите сами. Вы можете опубликовать "суперрыночную" статью, но в газете "Правда", и... попасть в стан врагов. Не случайна боязнь депутатов не попасть в политический расклад. Это страшный "слом" для многих, ибо в этом случае они теряют собственное лицо, теряют себя. Это – страшный риф для депутата и... для его семьи.

Второй путь. Если ты профессионально состоялся, то тебе нечего бояться. Тебя в любом случае "притянут за уши" те, кто, может быть, исповедуют другую систему координат, но ценят в тебе профессионализм. Даже в Москве много "серых" специалистов, и рано или поздно мы все равно придем к необходимости формирования новых элит.

В сегодняшнем депутатстве все еще много русского. В нем еще явно прочитывается попытка прожить эти два года в том числе и для себя, что-то получить, кое-что урвать, решить какие-то частные проблемы. Я вообще-то не очень верю в то, что покупаются думские решения. Это на самом деле очень трудно сделать. Можно "прикормить" 10-12 депутатов, но они-то погоды не делают, хотя и могут громко о себе заявить. Больше смущает желание некоторых депутатов урвать что-либо сегодня, а отсюда – нежелание профессионального роста.

В политических фракциях депутаты находятся "под лидерами" и полностью управляются ими. Их аргументы могут звучать только на обсуждениях в группах, но не на голосовании. Они лишаются своего "Я", и нетрудно представить, как им порой бывает трудно побороть себя. Ведь депутатство – это не только груз ответственности, но и обязательство находить решения проблем, которые ставят избиратели. И если ты не умеешь этого делать, то тебе нечего делать в депутатах.

Л.П. Мишустина: "Без меня в политике будет скучно"

Что касается меня лично, то я и не ставила перед собой задачи быть избранной. Со мной это произошло в 1990 году совершенно внезапно. Так получилось, что меня избрали и в депутаты областного Совета, и в депутаты Верховного Совета Российской Федерации. Этот "выброс" в депутатство произошел совершенно неожиданно и на осознание происшедшего времени не было – пошла череда съездов, а каждый съезд нес с собой новый накал политической борьбы. Поэтому осознавать свою роль депутата не было никакой возможности, такая задача и не приходила в голову. Она пришла позже, когда я принимала решение избираться во второй раз. Тогда-то и пришлось взвешивать: зачем это нужно, стоит ли снова этим заниматься?

Когда с человеком случается резкий поворот судьбы, первое что он ощущает – это определенный дискомфорт. Во всяком случае, со мной произошло именно это. Во-первых, меняется ритм жизни. Во-вторых, ты отрываешься от всего личного. Ты как бы учишься подчинять личные интересы – интересы семьи, детей, окружающих, друзей – общественному интересу.

На тебя как бы наваливается ответственность и ты начинаешь понимать, что раньше ты был обычным гражданином, а сегодня принимаешь решения, "на-

жимая на кнопки". И эта ответственность тотально доминирует над тобой. Она диктует и повседневный выбор – куда пойти, с кем разговаривать и т.п.

Специфическая же депутатская ответственность выражена в том, что депутат осознает себя человеком публичным. Именно публичность становится его образом жизни. К примеру, я не могу себе позволить очень многое из прошлой жизни. Скажем, если я лечу в самолете, то не могу себе позволить заснуть, если знаю, что рядом находятся люди, которые могут меня узнать. Это может показаться мелочью, но из этих мелочей соткан депутатский образ жизни. Я все время появляюсь на людях, особенно в своем родном округе в городе Екатеринбурге – там я свой человек, узнаваемый человек, и эта узнаваемость всегда со мной. Хочу я того или не хочу, но я должна выглядеть соответственно ожиданиям, лучшим ожиданиям людей, направленным постоянно на меня, начиная от внешнего вида и кончая смыслом слов, которые я произношу в разговорах, тональностью этих разговоров, моей нераздражительностью и т.п. Это – огромный круг проблем.

И в этом есть много от призвания. Однако все это не значит, что я себя заставляю вести так или иначе: я вошла в самолет и не должна в нем уснуть; если на меня смотрят, то я должна тотчас же измениться и т.п. Отнюдь! Я остаюсь само собой, но ... все же помню, что на меня смотрят. И это сочетание дает какой-то совершенно другой поворот в жизни. Хотя все это – не самое главное в депутатстве.

Под публичностью, видимо, надо иметь в виду то, что люди смотрят на тебя как на определенный нравственный ориентир. И это куда важнее всего остального. Мало кто из депутатов думает о том, что люди в них разочаровались, и это главная беда сегодняшнего депутатства. А ведь от этого происходит разочарование и во власти вообще.

На выборах 1990 года люди ориентировались на тех, кто эксплуатировал идею порядочности. На следующих выборах эта идея отошла на задний план, уступив место идеям социальной защиты. Но в 1990 году идея порядочности была самой важной. Нужно было показать, что старая власть безнравственна, а мы – лучше. И вдруг, как только нас избрали, мы тотчас же стали вести себя по-старому. В результате сами же способствовали тому, что в обществе стали разрушаться нравственные ценности.

Конечно, мотивы многих моих поступков, моего стиля поведения часто корректируются статусом. Но это вовсе не значит, что если завтра я не буду избрана вновь, то начну вести себя иначе. По-моему, для депутата и его образа жизни важно не потерять себя, не ориентироваться на то, что совершенно не соответствует твоей сути.

Депутатство при этом постепенно становится профессией. Я раньше работала журналисткой. Не скажу, что я утратила эту профессию, но сейчас мне не хочется идти работать в газету. Для меня это уже не тот горизонт, я привыкла к совершенно иному роду деятельности, которая, как мне кажется, приносит мне большое удовлетворение, даже несмотря на массу минусов, с которыми она связана. Но самое главное, пожалуй, заключается в том, что без меня в политике будет скучно, особенно в политической жизни Свердловской области. И в этом я убеждена. Уйду я – и обеднеет политическая жизнь. Она станет серой, скучной, очень однообразной. Для меня будет очень тяжело психологически, если меня вновь не выберут, просто потому, что мне как бы откажут в доверии, хотя я осталась сама собой и ничуть не изменилась.

Надо сказать, что два предшествующих депутатских срока заканчивались психологически очень тяжело. Фактически было два разгона. Оба оставили тяжелый осадок в депутатах. И в этом смысле с депутатством действительно связана некоторая нестабильность, причем не только в том, изберут тебя или же нет, сколько в том, что ты все равно постоянно висишь на волоске.

И все же я убеждена: крайне важно рисовать мелом вокруг себя этот особый круг. В депутатстве есть море соблазнов. Избрали Президента и очень многие депутаты ушли в президентские структуры. В этом был свой соблазн, сравнимый сейчас с соблазном лоббирования. В результате первый уход в исполнительную власть ослабил демократические силы в парламенте.

Кстати, у меня тоже была такая возможность, но я считала, что это неприлично, поскольку люди избрали меня совершенно для иного дела. Вспомните, все пришедшие тогда в политику были людьми "нищими". Началась реформа, открылись новые возможности и они были использованы большим количеством депутатов. Причина тому, действительно, - нищета - и материальная, и духовная. Хотя, наверное, это не столь характерно для депутатства вообще, сколько является издержками нашего политического роста.

Рано или поздно "правила игры" будут выработаны и они будут более жесткими, чем сейчас. Впрочем, уже сегодня меняются приоритеты и люди, которые понимают, что такое Дума, давно перестали делать из нее театр. И если средства массовой информации еще не поняли того, что Дума - не театр, то в этом нет вины депутатов.

В.А.Рыжков " ... Наша корпоративность даст сто очков вперед корпоративности любого западного парламента "

Я буду говорить о депутатстве как образе жизни только опираясь на личный опыт, и не берусь судить о других. В моем образе жизни никаких принципиальных изменений после избрания в депутаты не произошло. Характер моей деятельности до избрания в Думу и характер моей деятельности после избрания лежат в одном поле. До избрания я был заместителем главы администрации Алтайского края и вел очень широкий круг дел - от чистой политики до организации работы аппарата. В принципе эту же проблематику я встретил здесь, в Думе. Так что говорить о качественном сдвиге в моем образе жизни не приходится. Произошли, конечно же, некоторые количественные изменения. Скажем, увеличился круг общения, но тип и содержание этого общения принципиально не изменились.

Я бы переформулировал тему заочного "круглого стола" шире: не депутатство как образ жизни, а профессиональная политика как образ жизни. С 1988 года я нахожусь в профессиональной политике и с тех пор перехожу из "комнаты" в "комнату", но "квартира" осталась та же. И если я оставляю депутатство, но останусь в политике, не думаю, что это как-то изменит мой образ жизни. А отсюда следует, что те, кто испытывает страх перед завершением депутатства, на самом деле боятся остаться вне поля профессиональной политики.

Я не раз задумывался над тем, в чем смысл "наркотика" политики. Когда мне задают вопрос, могу ли я бросить политику, я отвечаю, что могу, но пока не хочу этого делать. И сам как бы вновь возвращаюсь к исходному вопросу: так в чем же "наркотик" политики? Для себя я придумал следующую метафору: "наркотик" младенца в повседневном познании мира - процесс, который не может быть приостановлен. Главный же "наркотик" политики - в том информационном потоке, который обрушивается на тебя каждый день. Поток настолько грандиозен, что подчас ты ощущаешь себя щепкой в этом мире и способен уловить лишь самые важные и яркие события. Ни одна другая сфера деятельности в обществе не дает человеку такого потока информации - бизнес, религия, культура... Соответственно, ни одна другая сфера не создаст такого широкого круга общения. Уходя из политики, человек, почувствовавший вкус этого наркотика, стремившийся долгое время к бесконечному расширению круга своего общения, испытывает, естественно, сильную ломку. Мир для него меркнет - меркнет не в меркантильном смысле этого слова, дело не в потере каких-то благ, а в смысле образующейся информационной пустоты. Ты вдруг перестаешь быть современным человеком, резко сужается круг твоего общения, теряются и рушатся привычные для тебя связи. И только в этом ракурсе ты, действительно, утрачиваешь привычный для тебя образ жизни, и тебе приходится долго и сложно приспособливаться к чему-то новому.

Есть и вторая сторона дела. Наряду с информационной привычкой, существует и другой "наркотик" - "укол причастности". Если ты был депутатом парламента, то, проживая свою легислатуру, ты так или иначе причастен ко

всем ключевым моментам истории своей страны. А чувство причастности ласкает честолюбие любого человека, но особенно – политика.

Надо сказать, что я не очень верю в то, что политика – это профессия, которой можно обучить. Так же как и педагогика, политика – природная склонность. Смысл человека политического – в его склонности к широким контактам, к публичной деятельности, к лидерству, словом, – к сфере общественных интересов. Это легко выявить у людей уже в детском возрасте. Наблюдая за детьми, всегда можно безошибочно обнаружить тех, кто склонен к публичной деятельности.

Лично мне не свойственен депутатский азарт, более того, мне подчас противно находиться там, где ощущается некое театральное представление. Мне интереснее практическая работа и практические вопросы. При этом я понимаю, что многим людям доставляет удовольствие именно игра. Парламент – театр, где есть любимые и нелюбимые актеры, свои драматурги и режиссеры. На склонных к театральности людей парламент должен производить неизгладимое впечатление. Коллективный "психоз" всегда оказывает глубокое воздействие на человека, да я и сам не раз испытывал этот эффект на себе.

Я думаю, что формула политического профессионализма включает множество составляющих. В ней и актерство, и лидерство, и хитрость, и прагматизм, и умение в нужный момент сказать нужные слова. Хотя, конечно же, каждый политик чрезвычайно многогранен и универсален. Люди односторонние в политику идти не могут. Каждый политик в какой-то степени дилетант и в то же самое время – универсал. Он должен иметь чутье, позволяющее ему работать в любой аудитории, он должен обладать минимумом эрудиции, позволяющей ему разобраться в самом широком круге вопросов. Словом, политик – человек не очень глубокий, но очень разносторонний, чуткий и универсальный.

Я бы оценил депутатскую корпоративность как явление позитивное. Именно корпоративность придает парламенту стабильность, предохраняет общество от потрясений. Она же выступает и необходимым условием депутатского профессионализма, так как предполагает доверие к соседу, разрабатывающему закон, за который ты голосуешь, не читая (невозможно читать все, что выпускает Дума!). Депутатская корпоративность позволяет выработать некоторую этику депутатских взаимоотношений, обеспечивает преемственность легислатур. И в этом отношении депутатская корпоративность, вопреки расхожему мнению, будто депутатство и депутатская корпоративность – гаранты сохранения льгот и привилегий, на самом деле явление позитивное.

И в то же время... Ни в одной стране мира депутаты не живут в одном доме. Ни в одной стране мира депутаты не одалживают друг у друга соль. Они не празднуют друг с другом дней рождений, переходя в домашних тапочках из одной квартиры в другую. В этом смысле российская депутатская корпоративность – вещь сугубо специфическая и связано это со специфическими условиями жизни и быта "коммунальной" депутатской кухни. А потому у нас взаимоотношения особенно трепетные, родственные, близкие. Наша корпоративность даст сто очков вперед корпоративности любого западного парламента.

**И.Л.Лукашев: "...Желающих выходить из-за этого
карточного стола – нет"**

В моей жизни после избрания ничего необычного не произошло, потому что для меня это был плавный переход из состояния депутата областного Совета в депутатство федеральное. Я работал на постоянной основе и мне адаптироваться было не надо. Я знал куда иду, что меня ждет, а оттого и мой образ жизни никак не изменился, если не считать авиационных перелетов, которые случаются у меня порой по несколько раз в неделю, но и это не доставляет мне особых неудобств. "Сдвиг" в моей жизни свершился скорее в 1991 году, когда я осваивал новую профессию. Сейчас же – в 1993 – особой адаптации не было. Когда я избирался в 1993 году, то прекрасно понимал,

что из себя будет представлять новый парламент. Я отчетливо осознавал, что мое понимание проблем, которые сейчас стоят перед Россией, вряд ли можно будет реализовать в какие-то политические решения для принятия их в Государственной Думе и от того было ясно, что буду находиться в формальной или неформальной оппозиции. Это весьма серьезно повлияло на формирование моей собственной думской стратегии.

По сути дела, я оказался в некоем временном "отстойнике". Для многих стать депутатом - цель, к которой они неуклонно стремятся. У меня такой цели не было. Но других выборов в том году не предвиделось - для меня, к примеру, куда важнее были бы выборы мэра. Профессионально я понимал, что это будет моей работой на ближайшие два года, что мне нельзя было выпадать из поля зрения моих избирателей на долгий срок. Известно, что выпадешь раз и потом вновь можешь не вернуться. Отсюда и ожиданий от депутатства у меня особых не было, не было и никаких эмоциональных наслоений.

В самой же Думе ситуация не однозначная: все депутаты разные и все зависит от того, как ты туда попал. Если тебя вызывает губернатор и говорит, что мы, мол, тут подумали, мы с тобой работаем и тебе, мол, надо подаваться в народные депутаты, в этой ситуации ты должен отчетливо понимать, что, находясь в парламенте, все равно будешь выполнять волю этих людей, не важно - в областном или федеральном парламенте твоя депутатская приписка. Может сложиться и другая ситуация. Собираются твои друзья - предприниматели, банкиры - и говорят, мол, мы с тобой уже долго сотрудничаем, нам самим подаваться в депутаты не с руки, времени нет, да и не проголосуют за нас, но в тебе мы уверены, ты верой и правдой служил нам долгое время, и мы надеемся и дальше на это сотрудничество. Не обращай внимания на свою депутатскую зарплату, в этом смысле у тебя нет, не было и не будет никаких проблем. Надо сказать, что приблизительно четверть нашего депутатского корпуса просто забывает ходить за зарплатой, хотя с точки зрения безопасности - дабы не было каких-то кривотолков - им следовало бы временами там появляться.

Кто-то борется за депутатскую неприкосновенность (вспомним хотя бы С.Мавроди). И таких в Думе немало. Словом, - множество разных случаев, много разных мотивов, кому и зачем понадобилось депутатство.

Мне же депутатство нужно для будущего, потому что я уверен и надеюсь, что сейчас моя работа в этом отстойнике - в оппозиции - в конечном счете создаст плацдарм для политического успеха в будущем. Рано или поздно, все же дойдем до того, что парламент займется тем, чем по идее должен бы заниматься. Поэтому я шел сюда не зарабатывать деньги, ибо мог бы сделать это совершенно другими путями. Не нужна мне и депутатская неприкосновенность, поскольку законов я не нарушаю. Хотя, я понимаю, что более четырехсот политиков из Государственной Думы в таких случаях всегда найдут слова и повод для того, чтобы рассказать, как они болеют за Россию. На самом деле, по моему субъективному ощущению, таких людей в Думе гораздо меньше, по крайней мере раз в десять. Я считаю, что отношусь к этому меньшинству, но это мое личное мнение и избиратель в принципе верить в это не обязан, ибо если он поверит мне, то должен бы и другому поверить.

Для этого меньшинства такая вещь, как депутатское "призвание" не поддается описанию в более или менее строгих терминах. Есть, конечно же, немало депутатов, работающих честно и с полной отдачей над тем или иным законом или проектом. Такой депутат с головой погружается в работу, убивает на нее многие месяцы, носится со своим законом как с писаной торбой. Но никак не может понять, почему из всех его усилий ничего не получается, почему в Думе возникает такое торможение. В конце концов он узнает, что некоторые люди, не представленные ни в Думе, ни в Совете Федерации, включая какие-то непонятные ему рычаги воздействия, блокируют буквально все его решения. И я видел, что у многих моих коллег за два года сформировалось то самое понимание, с которым я пришел в Думу. У этих людей существовало устойчивое мнение о том, что их призвание - принятие правильных и хороших законов. Попав же сюда, они вдруг начали понимать, что

ничего подобного сделать невозможно. Результат - крушение идеала?! Ощущение выброшенных двух лет?! Многие, кстати, склонны к тому, чтобы прекратить свое депутатство раз и навсегда. Но большинство все же начинает размышлять, анализировать и приходит к мысли, что "миссия" депутата, видимо, в чем-то ином. Но на этот вопрос, как мне кажется, ответ находят не так уж много людей и я не уверен, что сам имею точный ответ, - слишком уж быстро меняется ситуация в стране.

Депутатство - это ограниченный ресурс и в этом его главная прелесть. Депутатов всего 450 человек, избираемых на два года. Один смог стать депутатом за миллион, другой - за миллиард. Врач, как правило, не переживает, что может потерять свою работу, если худо-бедно исполняет свои обязанности. Депутат же, даже чувствуя себя совершенно уверенным, всегда думает: "А если тебя предадут, а если ты вдруг сделаешь неправильный шаг и лишишься своей обычной поддержки?" Поэтому желающих выходить из-за этого карточного стола - нет. Некоторые, конечно же, будут переживать, когда их оттуда выведут под руки. Я имею в виду не материальную сторону. На самом деле, материальных преимуществ депутатство дает немного, хотя при депутатстве много проще создать для себя эти преимущества. Куда важнее чувство возможного проигрыша, поражения. Но именно здесь проявляется профессионализм депутата.

В самом деле, депутаты союзного Верховного Совета почти в полном составе буквально канули в небытие. Считанные единицы остались в поле политики. Что касается бывших депутатов Верховного Совета России, то число оставшихся измеряется уже десятками. Сотни нынешних депутатов, будучи неизбранными, не уйдут из политического пространства. В чем причины такой динамики?

Возьмем в качестве примера коммунистов и аграрников. Коммунисты в этом случае работают профессионально. Они занимаются именно "театрализованной" деятельностью. В глазах народа они выступают критиками приватизации и реформы, настаивают на том, чтобы Беловежские соглашения были денонсированы, введены фиксированные цены и т.п. Но при этом они никогда не говорят конкретно, не предлагают ни программ, ни конкретного алгоритма, по которому можно было бы идти к этим целям. Аграрники, в свою очередь, занимаются тем, что просто выбивают деньги. Всем уже надоело их песни про то, что они защищают-де интересы крестьянства. В то же самое время они голосуют за бюджет, отказываются повторно голосовать за недоверие правительству. Известно при этом, что коммунисты делают все это руками аграрников, а сами демонстративно голосуют против. Для себя коммунисты оставляют выгодную нишу, и когда начнется состязание за голоса избирателей, все станет на свои места. С любым аграрником я разберусь за пять минут, с коммунистами ситуация куда сложнее. В любом вопросе коммунисты занимали более или менее выигрышную позицию.

Искусство театрализации депутатства в Думе досконально освоили только две фракции - коммунисты и "ЯБЛОко". У ЛДПР ситуация другая. Жириновский играет только в пределах своего электората и ему наплевать на всех остальных избирателей. Он постепенно стал заложником той линии, которую избрал в начале своей деятельности. Сейчас уйти с нее он уже не может. Так, в чеченском вопросе он вынужден был занимать заведомо невыигрышную в общественном мнении позицию, но если бы он от нее уклонился, то сразу бы утратил "свой" электорат. Хотя, конечно же, он - классический актер, но для театрализации депутатства одного актерства мало.

Театрализация - это одновременно и путь к сердцу избирателя, ибо свою позицию любой политик - не важно при этом, что он думает, как действует - всегда соотносит с тем, что "ждут" от него избиратели. Этого почти не учитывали ни депутаты Союза, ни первые народные избранники России. В этом смысле они были непрофессиональны, поэтому "ушли" из поля политики.

"Страх конца" у сегодняшних депутатов - вещь довольно относительная. Если принять сейчас закон, к примеру, согласно которому нельзя переизбираться на второй срок, то, уверен, подавляющее большинство нынешних депутатов неплохо устроится в исполнительной власти. И они прекрасно

это понимают. Примерно два-три десятка депутатов конфликтуют с остальными до такой степени, что их, пожалуй, ничего хорошего не ждет. В целом у депутатов нет опасения стать безработными в прямом смысле слова. Это скорее страх возможного понижения своего статуса, например, в заведующие отделами или комитетами региональных администраций - и зарплата там выше, и возможности вполне приличные, но оттуда сюда - путь более тернистый и сложный, чем отсюда туда. Депутат должен отдавать себе отчет, что за малую зарплату и за высокое искусство он может набрать то, что всегда "переплавляется" во что угодно. У нас также как и везде, через депутатство стремятся двигаться дальше.

С.А. Попов: "... Человек на выборной должности постоянно ощущает себя как бы в прозрачной спальне"

Что происходит вслед за избранием? Сперва появляется чувство удовлетворения достигнутым. Это переживание существует достаточно долго. Но в то же время ты понимаешь, что вынужден оторваться от корней - дома, семьи - и это, пожалуй, главное изменение в твоём образе жизни. Затем следует изменение в сферах общения, в способах общения, в мобильности, поскольку отныне ты вынужден метаться туда-сюда. Происходят и сдвиги в твоих интересах, не говоря уж о том, что теперь ты пристально следишь за прессой и телевидением. Наконец, подчас помимо твоей воли и даже партийной принадлежности, ты становишься участником всяческих конфронтаций внутри депутатской корпорации.

Депутатство, безусловно, - образ жизни. Ты отдаешь себе отчет в том, что один мало что можешь. Нужно либо собирать вокруг себя очень много людей, - организационными ли, идеологическими ли усилиями, своим талантом, ораторским искусством - либо согласиться, что ты - винтик и от тебя мало что зависит.

"Театрализация" депутатства становится необходимым элементом процесса. "Театрализация" удерживает внимание прессы и общественности. Это не просто маска, она отражает идентичность личности, хотя всегда с привкусом некоторого гротеска. Нужно чуточку обострять конфликт, если ты действительно хочешь двигать политику. В эту роль, однако, далеко не все могут войти, многие - просто не любят в нее входить. В общих чертах депутатов можно было бы разделить на тех, кто постоянно на виду, кто часто выступает в СМИ, и тех, кто пишет законы - депутатов-актеров и депутатов-экспертов.

Не секрет, что люди идут на избирательную должность, чтобы получить общественное признание. Чтобы удерживать признание, депутат неизбежно пробуждает в себе азарт, соревновательность. Мне приходилось сталкиваться с мнением специалистов о существовании даже на уровне внешнего поведения людей и их психодинамики особого типажа, именуемого и литературе депутатом. Это - и рубаха-парень, и тамада за столом, и человек, любящий и умеющий пообщаться в курилке, с кем-то пошептать и склонить кого-то к каким-то действиям и т.п. Но главное в нем то, что в душе он - актер. Он всегда хочет из себя представить больше, чем он есть на самом деле. Избрание усиливает в нем эти черты. Человек быстро привыкает к телевидению, особенно это касается партийных вожаков и ярких политических лидеров. Попав на экран, уйти бывает очень непросто. В человеке развивается актерский комплекс, который иногда даже мешает ему. Этот процесс усложняется тем, что фактически вся политическая жизнь сейчас сосредоточена в Государственной Думе.

Надо иметь в виду, что политическая культура в нашей стране только начинает складываться. Профессиональное депутатство появилось лишь два-три года назад. И для многих, вошедших в политику, обычный выход из нее совершенно невозможен. В депутатстве ты всегда ощущаешь себя в гуще главных событий, причастность к принятию важнейших государственных решений. Кроме того, депутатство - источник твоей особой информированности. А постоянный информационный приток в свою очередь способен поддерживать твои

идеи. Почувствовав вкус к политике, ты обязательно стремишься в ней удержаться.

На Западе существуют партийные бюрократии, и если человек ушел из парламента, он остается в партийной "обойме" и участвует в этом процессе косвенно. У нас такого, к сожалению, еще нет. Но главное, пожалуй, в том, что возвращаться из политики к старому образу жизни уже не интересно. Когда ты растешь профессионально, любой возврат на предыдущий уровень, а тем более, если ты осознаешь, что это и есть "откат", - очень тяжел. Многие находят себя в администрациях своего региона. Для многих возможность такого ухода является дополнительным стимулом, не говоря уж о том, что параллельно решаются многие материальные проблемы.

Государственная служба - это стабильность. Человек на выборной должности постоянно ощущает себя как бы в прозрачной спальне. Все за ним наблюдают, любой неосторожный шаг оборачивается неожиданными последствиями. Да и сам этот Дом - стеклянный и легко может разрушиться. А когда ты садишься в административное кресло, то там - стабильность до пенсии. Для многих людей из регионов, приехавших в Москву - а она по-прежнему наш "третий Рим" - это и успех, и смысл жизни. Свои проблемы решил, решаешь проблемы своих детей, оставаясь сам на этом "запасном аэродромчике". Но я не думаю, что это привлекательно для большинства людей в Думе.

М. В. Сеславинский: "... Чем больше депутат занимается правовыми вопросами, тем меньше он увлечен чистой политикой"

Для многих в Государственной Думе, по крайней мере для 20-25%, депутатство кардинальных изменений в жизни не принесло. И эти люди, собственно говоря, к чему-то новому и не стремились. Для них депутатский мандат есть нечто прилагаемое к их основной, коммерческой деятельности. И все же - это не тенденция, поскольку изначально эти люди не шли в депутатство с целями, с которыми по логике должны бы идти в высший законодательный орган страны. И, соответственно, они скорее являются исключением, которое подтверждает правило.

Для большинства работа в Думе, может быть, даже и вершина их жизни, во всяком случае депутатство дает возможность человеку раскрыться и удовлетворить свои профессиональные, эмоциональные и творческие амбиции. Если же человек преимущественно удовлетворяет свои политические амбиции, то, как правило, он не становится профессионалом в законотворческой деятельности. Он в лучшем случае достаточно долгое время может находиться в зале заседаний, голосовать за какие-то законы и поправки, но более простой процесс политического актерства засасывает его гораздо быстрее и формулирует у него определенный тип мышления, который мешает погрузиться в чисто законотворческую работу. А тип мышления в конечном итоге формирует тип поведения. При этом существует обратная сторона дела. Те люди, которые ведут в Думе одновременно по несколько законов, как правило, политически не очень активны. Они не вступают в пустопорожние дискуссии о судьбе отечества, понимая, что подобные дискуссии мало к чему приводят. Наконец, еще один тип депутата сводится к воплощению своего творческого потенциала в сценическом образе (пример депутата Марычева), но у него, надо сказать, гигантское количество зрителей.

Замечу, что когда я был избран в 1990 году, то на первом съезде народных депутатов СССР я выступал, если не ошибаюсь, двенадцать раз. Естественно, все выступления были исключительно на политическую тему. Но по мере того, как я погружался в законодательную работу в сфере культуры, я все меньше и меньше выступал, а в нынешней Думе по политическим вопросам не выступал вообще. И эта эволюция, я думаю, свойственна многим людям. Отсюда я делаю вывод: чем больше депутат занимается правовыми вопросами, тем меньше он увлечен чистой политикой...

Публичная деятельность, конечно же, с древнейших времен связана с театрализацией, а публичные заседания представительного органа власти - всегда театр. Зная о том, что за ними наблюдают тысячи людей, многие на-

чинают вести себя по-другому и, естественно, хотят выглядеть более выигрышно. К тому же они стремятся убедить своих оппонентов. Другое дело, когда стремление переиграть оппонента и проявить себя постепенно превращается в болезнь. Пьянящий дурман публичных выступлений и, соответственно, известность формируют в человеке сначала маленькую "опухоль". Но со временем болезнь поглощает его целиком, и даже строгий аналитик становится чуть-чуть невменяемым. Я имел возможность наблюдать эту болезнь и в том, и в другом законодательном органе страны и отнес бы ее на счет патологических эффектов депутатства. В то же время, я думаю, что нормальный азарт должен быть присущим любому депутату. Он проявляется в спорах, дискуссиях, публичных выступлениях. Если человек не продемонстрировал своего азарта в споре, он занял заведомо проигрышную позицию. В этом смысле азарт – позитивная черта депутатской культуры.

Депутатство слишком разнообразно в аспектах своей деятельности, поэтому трудно говорить однозначно о том, что такое депутатское "призвание". В идеале в него входят и юридические способности, и способность к защите низших слоев населения, и умение анализировать магистральные линии развития государства, и умение предлагать свои варианты решений, настойчивость в решении задач и т.п.

Повторю. Для многих людей депутатство – это вершина их деятельности, для абсолютного большинства работающих депутатов – вершина их социального, политического статуса, доступности высших государственных чиновников, возможности влиять на важные государственные решения. Нельзя не учитывать достаточно высокий уровень материального обеспечения, престижности. Ко всему этому легко привыкаешь, особенно в том, что касается бытовых мелочей, – машина, кабинет и т.п. "Страх конца" депутатства, хотя и детерминирован всем этим, порожден и страхом не найти "адекватной" работы, работы соответствующей своим потребностям (не способностям!). У депутатов потребности сильно возрастают. Человек вдруг с ужасом начинает думать, что же с ним будет после. В нашей депутатской группе "Стабильность", к примеру, на одном из недавних заседаний с некоторыми людьми случилась буквально истерика. Они вдруг поняли, что возможности избираться по списку просто не существует, что посты в исполнительной власти им никто раздавать не собирается, что пройти по одномандатным округам реально они не смогут... Возникает "пустота", которую то ли не хотели, то ли не готовы были видеть, то ли надеялись на чудо. "Пустота" приводит к такому "надлому", что уже после всех законодательных решений о процедуре новых выборов люди вновь заголосили: выборы нужно бы отложить или перенести, поскольку другого варианта не существует. Жалко было наблюдать за всем этим, хотя чисто по-человечески все это очень понятно.

Во всех странах мира парламентарием становится, как правило, человек достаточно обеспеченный, ему есть куда уйти в случае неизбрания. Поэтому у него более здоровое и рассудочное поведение. Кроме того, мало где парламентарии настолько "заполитизированы", не говоря уж о том, что мало какую страну периодически сотрясают такие кризисы, как у нас. А отсюда, – мало где в образе парламентария так много от "трибуна".

**В.В.Виноградов: "...Все парламентские процедуры
должны быть красивыми"**

Депутатский образ жизни – это совершенно особый "стиль", в котором не дай Бог оказаться простому человеку. Все депутаты, конечно же, демонстрируют разные стили, но депутат, который искренне хочет чего-либо добиться, сталкивается с ощущением, будто жизнь не имеет для него самоценного характера, поскольку этот период полностью у него уходит на обеспечение и подготовку следующих выборов. И только если удастся быть избранным раза два, тогда, может быть, удастся зажить полноценной жизнью. Это – очень порочная идеология, овладевшая, к сожалению, умами многих депутатов. Жизнь всегда самоценна, жить можно каждую секунду. Но ... буквально

каждый депутат, я в этом уверен, который хочет остаться в политике, ложится спать с одной лишь мыслью: чего он еще не сделал такого, чтобы быть переизбранным на второй срок.

У профессиональных политиков, особенно в системе административной бюрократии, алгоритм жизни в принципе такой же, но с одной лишь разницей: желание переизбраться заменяется сомнением: "Назначат или не назначат". В профессиональной политике действует принцип: "Вход за рубль, выход - за два". Я имею в виду, что политик всегда испытывает страх оказаться выкинутым на обочину. Все-таки любой депутат привыкает к определенному статусу, к уважительному к себе отношению. Он воспринимается окружением как человек власти, у него определенный набор привилегий. И боязнь лишиться всего этого накладывает свой отпечаток на психологию каждого депутата.

Лично я не очень этого боюсь, потому что сохранил за собой возможность ухода в научную деятельность. Но и у меня есть свои проблемы. Променив единожды свою ученую карьеру на депутатство, я резко сузил свое профессиональное поле. Мне даже кажется, что за эти полтора года я в определенном смысле дисквалифицировался. Я привык к дурным текстам, которые рождаются в недрах Думы, к текстам, в которых зачастую нет никакой мысли. Я уже с трудом читаю, скажем, журнал "Полис", и вижу, как далеко ушла российская политическая мысль. Поэтому мне вернуться в науку будет очень сложно, но я бы сделал это с еще большим удовольствием, если не буду избранным вновь.

При этом не надо забывать о тех депутатах, для которых само депутатство есть способ зарабатывания на жизнь. Я имею в виду не только достаточно высокую зарплату. Учитывая то, что наша Дума носит во многом маргинальный характер и члены половины фракций по сути являются маргинальными личностями, то для них остаться вне Думы означает просто уйти в небытие, вернуться к станку, рулю, коровам и т.д.

Депутатское призвание? Я понимаю это следующим образом: никто кроме меня не может так представлять интересы Астраханской области, как это могу делать я. Я убежден в этом глубочайшим образом и в моих словах нет ни толики самолюбования, иронии. Я действительно чувствую в этом свое призвание и стараюсь, чтобы моя связь с регионом была бы обоюдной и астраханцы гордились бы тем, что именно Виноградов имеет честь представлять их интересы в Государственной Думе. Но это лишь первая часть депутатской триады.

Депутатский азарт есть не более, чем профессиональный азарт. Мне интересно попробовать себя в разных вещах, у меня появляются новые идеи, мне даже кажется, что некоторые законы я вижу совершенно по-иному, скажем, законы о партиях, о лоббировании. Но у многих азарт порождает упрощенную театрализацию. Я думаю, что театрализация депутатства как такового - если не брать в расчет болезненное актерство, переодевания и т.п. - это, очевидно, элемент нормальной демократической процедуры. Все парламентские процедуры должны быть красивыми. И у нас в этом плане много несовершенного. Конечно же, нам очень не хватает еще нормальной театрализации, и многое по-прежнему основывается на чисто актерских импровизациях.

В результате российское депутатство имеет явный перекосяк в сторону образа народного комиссара-защитника. И от этого сейчас никуда не уйти. В условиях чрезвычайно слабого развития институтов гражданского общества, чванства чиновников и ожирелости бюрократической системы депутат должен представлять из себя защитника бедных, слабых, малоимущих и даже убогих (в хорошем понимании этого слова!). Сегодня эта функция, может быть, более важная, чем профессиональное законотворчество. И еще долго этот перекосяк будет сохраняться в нашем депутатстве. Я уже привык к тому, что ко мне обращаются с самыми разным вопросами, начиная от самых что ни на есть глобальных. Но был в моей практике и такой случай. Приходит как-то ко мне старушка и говорит, мол, ты там в Москве все знаешь, я помирать собралась, а "Дикая Роза" еще не закончилась, - не скажешь ли, чем там все завершится, боюсь не дожидаться. Я сам "Дикой Розы" никогда не видел, но

пришлось выкручиваться и выдумывать, успокаивая старушку. Какой еще чиновник способен на такой поступок?

Депутатство как корпорация
(материалы заочного круглого стола депутатов
Государственной Думы)

1. Что, по вашему мнению, означает членство в депутатском корпусе:
 - собственно для депутата?
 - для самой депутатской корпорации?
 - для рядовых избирателей?
 - для политической и предпринимательской элиты общества?
2. Как, на Ваш взгляд, воспринимается депутатская корпорация со стороны? Что на самом деле она собой представляет?
3. Какие стандарты и критерии профессионализма депутата и депутатского успеха вырабатывает депутатская корпорация?
4. Почему депутаты, как правило, так дорожат своим членством в депутатской корпорации?
5. В силу каких причин, по вашему мнению, избиратели чаще всего говорят об избранниках в обезличенно-нейтральной форме - "депутаты", как бы нарочито подчеркивая свое восприятие депутатского корпуса как однородной массы избранных, в которой совершенно не существенны политические, нравственные и культурные различия между депутатами?
6. В заключение не могли бы вы высказать свою точку зрения о том, является ли действительно нынешнее депутатство мощной властной корпорацией? Пожалуйста, обоснуйте свой ответ.

И. Хакамада "... Корпоративность может возникнуть лишь в парламенте, имеющем большую историю"

В парламентской деятельности изначально заложены противоречия. С одной стороны, парламент как институт представительной власти формально может быть корпорацией. С другой - саму корпорацию разрывают внутренние конкурентные отношения, потому что наша корпоративная модель парламента создана по очень сложной модели. Половина депутатов избирается по партийным спискам, и здесь возникает внутри корпорации своя корпорация партийных фракций. Другая часть депутатов избирается по мажоритарным округам, и здесь возникает желание скоординировать интересы независимых депутатов. Возникают конкурентные отношения между отдельными фракциями. И эти противоречия очень четко проявляется в стихийном голосовании по различным законам, когда не разум побеждает а, например, политическая борьба. То есть одной фракцией отвергается закон другой фракции не потому, что этот закон не нужен, а потому, что политический дивиденд от принятия этого закона получает противник.

Корпоративность как единство целей и интересов политической элиты в представительной власти может возникнуть лишь в парламенте, который имеет большую историю, серьезные исторические традиции. Только тогда кодекс чести парламента соответствует кодексу чести, этике всего общества. В этой ситуации депутатская корпорация будет естественным образом "выдавливать" из своего состава недобросовестных членов и вовлекать максимально большое количество добросовестных. И тогда корпоративность представительной власти будет очень тесно связана с корпоративным институтом избирателя.

Классическим примером в этом плане является парламент Великобритании: единая мажоритарная система, давние традиции. Поэтому статус парламента ничем не отличается от высокой статуса королевы и премьер-министра. Здесь естественным образом интегрированы интересы депутатов и избирателей.

У нас же пока все это находится во внутреннем разрыве. Почему? Потому что большая часть общества отчуждена от принятия властных решений и обратной связи нет. Цивилизованная система лоббирования еще не возникла, мотивации бороться за свои интересы, цивилизованным парламентским способом представлять их в парламенте – тоже. Все жалуются. Жалуются учителя, врачи, многодетные матери. Все ненавидят парламент, все его клянут, потому что клясть его легче всего, он чуть-чуть поближе, чем исполнительная власть. Но никто не приходит к выводу: чтобы добиться результата, нужно работать самим избирателям – и при голосовании, и при диалоге с депутатами. Такой связи еще нет.

Поэтому корпоративность парламентариев часто воспринимается рядовыми избирателями как корпоративность вражеских интересов, оторванных от интересов избирателей. Отчасти потому, что не существует корпоративности самих избирателей. Общество не структурировано, социально-экономические интересы не оформлены в структурах, которые могли бы иметь четкую и стабильную диалоговую связь со своими депутатами.

Корпоративность наших депутатов в наиболее яркой форме возникает при конфликте с исполнительной властью. Здесь наметилась, пусть даже и кратковременная, традиция. Парламентаризм у нас еще не укоренился ни в сознании, ни в структурах политической власти. Он, как ребенок, делает только первые шаги. Корпоративность возникает как защита и инстинкт самосохранения; когда же парламент успокаивается и верит в то, что он "все-рвез и надолго", тут же побеждают, наоборот, центробежные интересы. И это естественно для любой корпорации – внутреннее единение происходит при угрозе извне, а противоречия возникают в условиях стабильности.

В глазах избирателей парламентская депутатская корпорация имеет отрицательный имидж. Как и любая власть в России, она не может иметь адекватного имиджа: то, что реально должен делать корпус депутатов и за что он отвечает, не воспринимается критикой. С другой стороны, то, за что он не отвечает, является предметом постоянных нападков со стороны избирателей.

Яркий пример – события в Чечне. По Конституции парламент сделал все, что мог. Он принял огромное количество постановлений, законов, были выступления, направленные на мирное урегулирование этого конфликта. Но в глазах избирателей именно парламент в первую очередь виноват в том, что война продолжалась, что гибли солдаты и мирное население. Это – типичная реакция не очень образованного и обманутого средствами массовой информации избирателя.

Масс-медиа большей частью внутренне не принимают парламент. У парламента в СМИ уже сложился такой имидж, при котором позитивного изображения не дожидаться. Его все время показывают со скандальной стороны. Конструктивность показывается лишь формально: приняли такие-то решения, такие-то законы, проведена такая-то работа – все бездушно. Но когда возникнет какая-то драка или что-то в этом роде, вот здесь СМИ своего не упустят. Конечно, прессе нужна "жареная" информация, сенсационные поводы для ажиотажа. Но только ли к этому сводится жизнь парламентариев?

Итак, парламент в глазах избирателей имеет негативный имидж. Они не понимают, чем он занимается, и поэтому прежде всего критикуют его. Тем более открыт. В нем нет этакой "священности" и "сакральности", как у исполнительной власти президента за Кремлевской стеной. В России это отношение традиционно – чем больше секретов, тем больше уважают. Поскольку депутат должен отчитываться перед избирателями, он отвечает за все ошибки российской власти.

В деятельности наших депутатов можно выделить несколько критериев профессионализма. Профессионализм определяется, во-первых, способностью проводить законопроекты, причем чаще всего не путем интеллектуального насыщения самого законопроекта, а за счет пробивной силы, "глотки", умения

интриговать, идти на компромисс, организовывать голосование – всего того, что способствует принятию "своего" закона. А вот сам процесс принятия закона носит корпоративный характер. Депутаты в этот момент жмут друг другу руку – союзники! – или аплодируют. Почему? Потому что разделяют один и тот же критерий: закон принят, принят вопреки серьезным препятствиям. Момент единения – основной критерий профессионализма. В конце концов парламент занимается тем, что принимает законы.

Второй критерий – умение менять настрой депутатов в пользу своего инициативного решения. Очень часто это носит нецивилизованный характер, нарушает внутренний регламент. Речь идет о том, насколько ты смог обойти правила, которые ты же и принял вместе со всем депутатским корпусом. Это типичный пример лидерства в толпе, но толпа здесь уже не избиратели, а сам депутатский корпус.

Третий критерий – умение быть публичным политиком. До сих пор в традиции нашего парламента этот критерий профессионализма оценивается неадекватно. Они часто обижаются: почему по телевидению показывают только некоторых депутатов, не понимая, что для того, чтобы выступать по телевидению, мало провести закон, мало говорить умные слова. Это целое искусство – быть публичным политиком: ты должен следить за своим имиджем, своим внешним обликом, формой доведения своей мысли до избирателей, ты должен быть обаятельным, у тебя должно быть огромное количество актерских качеств, которые этому способствуют.

В западных странах все прекрасно понимают, что если ты не умеешь быть публичным политиком, то должен уйти в тень и быть так называемым рабочим депутатом, а "выдвигать" на телевидение надо только тех, кто на это способен. У нас же этот критерий еще не оформился. Каждый стремится "попасть в телевизор", не осознавая, что это может и не принести успеха ни его фракции, ни его движению, может все испортить, потому что он не умеет говорить перед камерой, не умеет говорить ярко, не "заводит" публику, не обаятелен. Любой профессионализм требует разделения труда.

Наконец, интеллектуальный критерий – насколько вы разбираетесь в проблеме и можете самостоятельно писать законы. Он – на последнем месте и это нормально, потому что существует институт экспертов, а депутат – это, прежде всего, представитель интересов избирателей, он должен уметь их представлять и организовать специалистов. Он политик, который осуществляет продвижение решения, а подготовку его могут осуществлять другие люди. Здесь мы из традиции не выпадаем

Попасть в любую корпорацию, если вы чувствуете себя в ней комфортно и видите, что ваши личные интересы совпадают с общими интересами, конечно, приятно. В профессиональной деятельности это очень важно. В депутатской корпорации люди привыкают к образу жизни и к стилю работы и если их профессионализм и профессиональные интересы соответствуют интересам корпорации, они стремятся остаться в ней для того, чтобы реализовать себя как профессионалы. Я говорю об идеальном депутате.

Конечно, депутатство небезгрешно. Возможности стать депутатом намного шире, чем, например, возможности стать министром или премьер-министром. Депутатом стать легче – на то она и представительная власть. Здесь, конечно, велик удельный вес людей, которые стремятся в депутаты, чтобы получить доступ к государственным ресурсам. В то же время, чем длительнее сама традиция становления парламентаризма, тем меньше будет проявляться этот фактор. Почему? Потому что это беспокойная работа, а ресурсов все равно меньше, чем в исполнительной власти, президентской.

У нас фактически не парламентская республика. Поэтому, например, очень наивна позиция предпринимателей, которые или сами выдвигаются в депутаты, или финансируют соответствующие блоки с одной целью – получить материальные ресурсы, кредиты или другие возможности. Коррупционному капиталу эффективнее действовать через чиновников. Нецивилизованному лоббированию, проще говоря, атаке взяточников прежде всего подвергается ис-

полнительная власть. Депутатский корпус не так интересуется тех, кто пытается получить государственные ресурсы.

Почему для избирателей все депутаты как бы на одно лицо? Позитив всегда индивидуален. Если вам нравится что-либо, вы, конечно, говорите почему именно нравится. Когда же вы ненавидите всю власть, прежде всего ту, которая ближе к вам, то легче, конечно, сказать, что все депутаты виноваты в том, что не повышают зарплату и т.п. Возникает имидж парламента, бессильного что-либо изменить в положении народа. Одновременно возникает и корпоративный образ парламента: "у вас свой корпоративный интерес, вам плевать на нас, вы пришли туда только для того, чтобы захватить государственные ресурсы...".

Когда же - и это произойдет обязательно - возникнет более серьезная парламентская традиция, когда парламент будет восприниматься адекватно, исходя из тех задач, которые он должен решать, а сами депутаты достигнут профессионального уровня, тогда, конечно, возникнет избирательное отношение к личностям, группам, фракциям. В Великобритании, например, не ругают собственный парламент "вообще", разбираются: не нравится, например, что консерваторы провели решение, которое противоречит нашим интересам, и потому мы будем поддерживать в этом отношении лейбористов. У нас такой уровень политической культуры не достигнут. И так как наш парламент не имеет положительного имиджа, естественно распространяется отрицательное отношение к депутатам вообще.

Я не думаю, что депутатство является мощной властной корпорацией. Прежде всего, согласно Конституции у депутатов нет соответствующих полномочий. Во-вторых, не возникла еще и традиция гражданского общества, основным признаком которого является структурирование интересов и соответствующая профессиональная представительная власть. Мы носим отпечаток своего рода феодального общества в псевдодемократической форме переходного периода. Демократия появилась, но она еще не имеет прочных корней. И если парламент является властной корпорацией, то лишь с точки зрения ненависти людей к власти. В этом плане его воспринимают как власть, но если посмотреть, насколько серьезен парламент с точки зрения реализации властных решений, то легко увидеть: совсем несерьезен. Крупные политические элитные группы это прекрасно понимают. Поэтому, я повторяю, основной "поток" лоббирования и с точки зрения финансов, и с точки зрения политических интересов направлен не на парламент, а прежде всего - на исполнительную и президентскую ветви власти.

Э.А. Памфилова: "... Я - человек команды"

Что происходило у нас в бывшем Верховном Совете? Никакой партийной дисциплины там не было, если не считать убежденных коммунистов. Все депутаты были избраны по округам, каждый из них занимался в основном лоббированием тех или иных интересов, реализация которых позволила бы им снова быть избранными. И если депутатство рассматривать как образ жизни, то многим депутатам столичный образ показался очень привлекательным - столица "затягивает".

В этой ситуации не могло быть и речи ни о единой стратегии, ни о единой цели. Не было общих позиций по принципиальным вопросам, которые пытались бы отстаивать те или иные корпоративные группы, за исключением случаев, которые касались самовывживания, самосохранения.

Сегодня происходят некоторые изменения в лучшую сторону. В Думе образовались фракции, работа стала более организованной, просматриваются хоть и слабые, чуть заметные, но какие-то зачатки политической линии, стратегии, по которым можно уже понять особенности, позиции той или иной фракции. Надеюсь, что этот процесс получит развитие, тогда легче будет организовать работу Думы, она перестанет быть конгломератом личных амбиций, личных интересов и узкого лоббирования.

Что означает для меня членство в депутатском корпусе? Это возможность сформировать сильное политическое объединение единомышленников, с которыми мы могли бы отстаивать разработанную нами стратегию развития.

Считаю необходимым уже с предвыборного периода, а затем и в процессе работы представительного органа власти объединить группу депутатов, придерживающихся общих взглядов на те или иные принципиальные проблемы. Такое объединение благотворно скажется на работе депутатской корпорации. А рядовые избиратели, имея четкое представление о принципиальной позиции депутатских формирований, правильно сделают свой выбор и будут иметь возможность сравнивать предвыборные обещания с реальной депутатской деятельностью и в какой-то мере контролировать ее.

Что касается моей работы, то с одной стороны, я как бы - человек команды, а с другой - одиночка. Сначала моя деятельность была индивидуальной. Пробивая "лбом стену", "набив шишек", я поняла, что один в поле - не воин. Депутат высшего органа власти должен быть стратегом. Он не может решать целую серию мелких проблем, пусть даже очень важных для какой-то определенной группы (региона), если это противоречит общегосударственным интересам, поступательному развитию страны. Мы должны четко уяснить для себя: в угоду мелким проблемам нельзя жертвовать общей стратегией. Для меня это важно. Мне бы хотелось работать в команде стратегической - в другой команде работа меня не вдохновляет.

Депутатство многое меняет и в частной, и в профессиональной жизни. Во-первых, депутат должен преодолеть искушение привилегиями, возможностью использования депутатского мандата. Очень важно сохранить этику депутатского предназначения. Во-вторых, необходимо много работать над собой, много учиться. Приходится сталкиваться с проблемами разного рода, в том числе юридическим, философскими, экономическими. В-третьих, надо иметь огромное терпение. Я получаю каждый день до 100 писем от своих избирателей. Чаще всего в них страдания, боль, возмущение. И надо "переработать" этот мощнейший заряд отрицательной энергии и вернуть людям положительные эмоции, теплоту, участие. Одно из важных качеств депутата - уметь общаться с людьми. Не сломаться, не впасть в отчаяние, а быстро анализировать ситуацию, прогнозировать те или иные последствия, принимать решения, находить выходы.

Интересные мысли приходят, когда наблюдаешь за депутатами в зале заседаний. Каждый из них сам по себе - авторитетная личность. В нашей Думе очень неординарные люди. Например, те же А.Лукьянов, А.Невзоров, Ю.Власов, С.Ковалев и т.д. К каждому из них можно по-разному относиться. Но когда они вместе, когда их так много, они подчас, напоминают детсадовскую группу. Казалось бы, большое собрание, умные, незаурядные люди, а воспринимаются все как-то несерьезно.

Очень не простая работа с избирателями, их письмами. Встречаешься с разными людьми, их проблемами, порой неразрешимыми (школа не строится, денег нет). Доверие обязывает, я постоянно чувствую ответственность перед людьми. Если раньше, работая на заводе, я видела результат своего труда, то сейчас этого нет.

Трудно согласовывать свое мнение с мнением большинства. И не потому, что другие не так думают, и не потому, что они с тобой не соглашаются, а потому, что - равнодушные. Иногда депутаты сосредоточены на каких-то иных, узких проблемах, собственных интересах. Это угнетает. Хорошие идеи не принимаются, например, идея сокращения неприкосновенности депутата встречает крайнее противодействие. Лично меня пугает такая реакция депутатов на явное несоответствие наших законов международным нормам. Следующий состав Думы может быть еще более криминализированным, потому что этот законодательный "зонтик" могут искать (и уже ищут!) многие люди, которые повязаны криминальными путями. Вот уж пример корпоративности в плохом

смысле слова! При обсуждении вопроса о депутатских привилегиях все фракции были против их отмены.

Что после депутатства? Лично я не испытываю тревоги (тем более - страха) за свое будущее после того, как перестану быть депутатом. Многие люди, профессионально состоявшиеся в той или иной сфере до избрания их в депутаты, и сейчас крепко стоят на ногах. Они не боятся, что после депутатства им не хватит профессиональных качеств. Они - самодостаточны и пошли в депутатство, чтобы с помощью разработки тех или иных законодательных актов разорвать препоны, мешающие осуществлению их дела.

В депутатство приходят разными путями. Для тех, кто приехал в Москву, важно получить квартиру, устроить детей, наладить быт. Для них важно закрепиться. Все это сказывается на их отношении к депутатским обязанностям. Они уже конъюнктуры и в принятии решений исходят не из принципов целесообразности, интересов государства, а из личных интересов - любой ценой остаться в Москве. Они знают, что потеряв доверие своих избирателей, уже никогда не будут избраны вновь и всеми путями хотят сохранить себя в депутатстве. Так что для этих людей жизнь после депутатства - трагедия.

Имея возможность общаться с парламентариями других стран (где более развиты демократические институты), приходишь к выводу, что у наших - законодателей - нет той любви к букве и духу закона, которая присуща там. Мы еще и сами-то не законопослушны, а это сказывается на нашей деятельности.

Мне доводилось бывать в канадском парламенте. Основная задача министров - отвечать на вопросы депутатов, это их работа. Они приходят в парламент и очень эмоционально общаются с депутатами. По театрализованности действия, накалу страстей и степени некорректности мы не очень отличаемся от них, мы не "хуже". Что же касается профессионализма, то, на мой взгляд, мы стоим на более низкой ступени.

Чтобы стать депутатом, у нас, порой, достаточно уметь хорошо говорить и потому часто срабатывает элемент случайности. В других же странах, чтобы иметь возможность быть представленным в парламентском списке, необходимо совершенствовать свои качества как политика. У нас же политиков нигде не готовили, тем более законодателей.

В. Н. Лысенко: "...Корпоративные интересы есть, но они слабее, чем у западных парламентов"

Я являюсь депутатом уже второго созыва, был в составе Съезда народных депутатов России с 1990 по 1993 год. Два года работал в Государственной Думе Российской Федерации. Поэтому есть, что сравнивать.

Возникшие в разное время парламенты не похожи друг на друга. Верховный Совет создавался на волне политического, демократического подъема, когда все верили, что идеалы будут вот-вот достигнуты и задачи, о которых заявил Борис Николаевич, вступая в президентство, решены. Сейчас же ситуация другая - идет политический спад, усиливаются оппозиционные коммунистические, националистические силы. Государственная Дума оказалась в сложном положении. Как мы знаем, первый парламент "разодрали" противоречия между ветвями власти, кончилась это трагически - военными действиями на улицах Москвы.

Второй парламент, как ни странно, несмотря на разнородные силы в его составе, в целом как-то прижился. Я бы сказал, что он не причинял исполнительной власти, Президенту, правительству больших беспокойств за все два года своей работы. В этом, я думаю, большую роль сыграла новая "президентская" Конституция, в которой Ельцин позаботился оставить себе основные полномочия, а парламенту - минимальные, не давая ему тем самым серьезно влиять на ситуацию в стране. Парламент только двумя "вещами", если так можно выразиться, ограничивает Президента и правительство. Это -

бюджет, который он может не принять, и отставка правительства. Все же остальное, включая импичмент президента – только теоретическая возможность. Те, кто внимательно читал Конституцию, понимают, что эта процедура настолько усложнена, что никогда ее реализовать не удастся.

Что касается членства в депутатском корпусе, то лично для меня это – возможность активно влиять на ситуацию в стране, парламенте, решать ключевые проблемы. Пять лет работы в парламенте, я думаю, самые плодотворные годы моей жизни. Многое удалось сделать. Сегодня угроза распада России миновала – не хочу, конечно, сказать, что это моя заслуга. Считаю, что сейчас для такого распада нет реальной возможности, как это было в 1990–1992 годы. Самороспуск Союза стал уже опытом для других: если и дальше делиться – ничего хорошего из этого не получится. Кроме того, в России долгое время придерживались все-таки демократической национальной политики. Я участвовал в ее формировании, и вопросов о применении силы вообще не существовало. К сожалению, сейчас от этой политики отошли, развязав войну в Чечне, принеся много бед и Чечне, и России. Я считаю, что у Ельцина после этой войны шансов на президентство уже не остается.

Многие депутаты, будучи членами парламента, преследуют самые различные интересы. Для одних – это возможность продвижения в президенты. Таких много в Думе, что осложняет работу в парламенте: претенденты в президенты работают не на парламент, а на себя. Даже в демократическом лагере трудно договориться: каждый смотрит, не опередит ли его, допустим, Е.Гайдар. Поездка Г.Явлинского в Чечню была домашней заготовкой в расчете получить дополнительные голоса на президентских выборах. Часть депутатов идут в парламент для самореализации, таких много. Некоторые депутаты-предприниматели – заинтересованы в депутатском иммунитете, поскольку понимают, что часть их деятельности, мягко говоря, не соответствует закону. Некоторым депутатам просто повезло – они попали в Москву, в Государственную Думу и два года "выжимают" для своего будущего максимум возможного. Часть из них уже начали устраиваться во властные структуры, бросая депутатские мандаты.

Что такое депутатская корпорация, и как в ней ощущает себя депутат? Наверно, во всех опросах, которых сегодня проводится множество, депутаты оценивают себя выше, чем, скажем, избиратели или политические эксперты. Не случайно возникают постоянные "разборки" с различными средствами массовой информации, которые нелестно высказываются по поводу отдельных фракций, комитетов, депутатов. Создается впечатление, что Думу умышленно хотят оклеветать, ошельмовать. Понятно, что СМИ всегда ищут сенсации. Поэтому в репортажах, как правило, присутствует Марычев либо с бутылкой водки, либо в очередном идиотском костюме. А выходки моего однофамильца Н.Лысенко, который то флаг рвет, то кричит на Черномырдина со своего места, возмущают всех. Поэтому, когда СМИ тиражирует только эти факты, естественно, у депутатской корпорации возникает раздражение.

Возможно, депутаты переоценивают себя и свою деятельность, но я считаю, что в целом депутатский корпус способствовал стабилизации ситуации в стране. Кроме того, он избежал прямого столкновения с исполнительной властью. А для рядовых избирателей рейтинг Думы ниже рейтинга исполнительной власти – правительства, Президента, церкви, армии. Кстати, на Западе парламент тоже оценивается ниже лидеров государства.

Бывая в странах ближнего зарубежья, я столкнулся с любопытной ситуацией: когда говорят о российском парламенте (в Грузии, например), его называют Государственная Дума, то есть там вообще не знают, что такое Совет Федерации. Они не воспринимают его как парламент, для них парламент – Государственная Дума. В ней собраны все-таки наиболее известные политические лидеры, партии, проходят жесткие дискуссии, принимаются решения. Зачастую, ругая Думу, избиратели все-таки направляют большую часть писем именно ей, надеясь, что она в состоянии решить важнейшие вопросы. Так было в начале войны в Чечне: большинство обращалось с просьбой, требованием защитить, остановить военные действия. Многие осознают, что Дума

имеет влияние на общество, Президента. Полностью не считаться с ней он не может, хотя по Конституции у него огромные преимущества.

Что же касается политической элиты, то для нее Дума – наиболее короткая дорога к власти. Попасть в депутаты для подавляющей части политической элиты – задача более важная, чем, допустим, быть в министерстве, в президентском аппарате. Для политика парламентская деятельность более важна, чем деятельность в структурах исполнительной власти.

Предпринимательская же элита, как я уже говорил, рвется в парламент (как С.Мавроди), чтобы получить депутатскую неприкосновенность. Я поддерживаю идею ограничить эту неприкосновенность. Бизнес сейчас очень активно начал заниматься лоббистской деятельностью, и мы даже хотим принять закон, чтобы перевести ее в цивилизованное русло. Многие предприниматели работают с депутатскими группами, с отдельными депутатами. Большое влияние на решение политических вопросов играют банки. Яркое подтверждение тому – решение по вопросу Парамоновой. Оно во многом было запрограммировано. Испортив отношения с частными коммерческими банками, финансирующими все политические фракции, партии, она уже не имела никаких шансов остаться на посту (каким бы идеальным человеком она ни была).

Как воспринимается депутатская корпорация со стороны? Что на самом деле она собой представляет? Прежде всего, следует сказать, что Думу отличает от предыдущего парламента фракционный принцип построения, серьезность структурирования. Все депутаты раньше были беспартийными – за исключением 100-150 членов партии (из 1000). После развала КПСС все стали считать себя беспартийными. Фракции были чисто внутренними образованиями, не имели никаких структур. Это были просто тусовки депутатов по интересам.

Сейчас же ситуация изменилась. Если раньше Р.Хасбулатов мог манипулировать депутатами – он легко подкупал их путевками, квартирами, машинами, – то сейчас И.Рыбкин уже не имеет такой власти над депутатским корпусом, поскольку за столом сидят 8 человек (8 основных фракций), и от их голоса зависит то, какие законы будут вынесены на голосование, какие нет, что будет происходить на сессии. Ситуация, бесспорно, изменилась в лучшую сторону.

Важно подчеркнуть, что депутаты избраны всего на два года. Это не позволяет им расслабиться, "жировать", так как многие хотят выдвигаться второй раз, и им предстоит отчет перед избирателями. Кроме того, в нынешнем парламенте сняты многие привилегии Верховного Совета. Тогда у нас было собственное управление делами, свой счет. Теперь это все у Президента. Отобраны санатории, дачи. Жилой комплекс на порядок хуже, чем был рядом с Останкино. Квартиры в Митино – далеко и намного хуже, нет уверенности, что их оставят депутатам. Не столь выгодно теперь быть депутатом.

Думаю, что сами депутаты ценят свое содружество. Г.Бурбулис пытался даже создать депутатский клуб (насколько я знаю, не получилось: или энтузиазм пропал, или идея легла не на плодородную почву). Общаются люди из разных фракций, но главный принцип остается порядочность, хотя и партийность играет существенную роль. Например, я очень негативно отношусь к Жириновскому, но с несколькими людьми из его фракции общаюсь.

Что касается профессионализма депутатов, то я разделил бы их на несколько групп. Первая – депутаты-юристы. Вторая группа – депутаты, работавшие в предыдущем парламенте. По образованию они не юристы, но у них есть опыт работы. Это примерно 60 депутатов второго созыва. На них держится законотворческая работа во многих комитетах. Третья группа – люди, у которых есть призвание. Они учатся, среди них много уже серьезно заявляющих о себе профессионалов. Следующая группа – депутаты, которые попали в парламент не для того, чтобы заниматься парламентской деятельностью, а чтобы делать какие-то свои дела. Они лоббируют интересы узкого круга избирателей, занимаются своими судьбами. За эти два года они только изредка появлялись на заседаниях комитета, сессиях. Их никто не может заставить работать. И еще одна группа – депутаты-политики. Они не столько занимаются законотворческой деятельностью, сколько создают имидж

своей фракции, партии и готовятся к следующим выборам. Они занимаются политикой, можно сказать, "в чистом виде".

Почему депутаты дорожат своим членством в депутатском корпусе? Если говорить кратко, депутат приравнен к министру по всем своим социальным правам, льготам и т.д. Это действительно высокий политический статус. Существует большая конкуренция среди желающих попасть в депутатский корпус. Быть депутатом престижно - если человек уходит с этой должности, к нему все равно относятся с уважением. Кроме того, депутаты имеют возможность получить второе образование. Я, например, закончил Академию народного хозяйства, стал магистром государственного управления, у меня высшая категория государственного служащего. И наконец, депутатство - это трамплин для дальнейшей политической карьеры. Особенно это проявилось в нашем первом парламенте. Ведь практически вся команда Ельцина - это депутаты либо союзного, либо российского парламента.

Утратило ли население интерес к нашей работе? Мы помним, как вся страна сидела перед экранами телевизоров и смотрела дискуссии на I Съезде союзных депутатов, устраивались даже митинги. Ситуация изменилась, людям не интересно, чем мы занимаемся. Это нормально. И за рубежом только 10-15% населения интересуется парламентскими проблемами, остальные заняты своими житейскими делами.

Корпорация депутатов - может быть, это миф? Я считаю, нет, не миф. Она существует, несмотря на различие интересов фракций, региональных депутатов. Все-таки совместная работа, довольно сложные отношения с внешним миром заставляют Думу защищать свои общие ценности, институты и просто имидж, поскольку если будет падать престиж Думы, его теряет и каждый депутат.

Корпоративные интересы, бесспорно, есть, но они значительно слабее, чем у многих западных парламентов. Видимо, сказывается общая ситуация в стране - неустойчивая, ненадежная. Так, например, если человек избирается в шведский парламент, он сразу попадает в структуру, в корпорацию, с ее законами, традициями, нравственными нормами. У нас же, к сожалению, пока все аморфно, корпоративная мораль очень слабо вписывается в отношениях между людьми (чего стоит один Марьчев, позорящий всех депутатов).

В.А.Лепехин: "... Депутатская этика заключается прежде всего в том, что законодатель - пример соблюдения законов"

Прежде чем рассуждать о корпоративном духе депутатства, попытаюсь сделать несколько общих замечаний о феномене корпоративности. Корпорация - это такой конгломерат, такая совокупность структур (предприятий, организаций), у которых проявляется единый интерес, или, по крайней мере, иллюзия этого единого интереса.

Есть ли у нас сегодня полноценные корпорации? Упрощая, можно сказать, что сейчас вновь начинают складываться социальные страты. В советское время эта основа была взломана, потому что на естественные "социальные порядки" был наложен административно-политический корсет. Общество, с одной стороны, было атомизировано, с другой - возникли социальные квази-страты с неясными признаками. Рабочий класс - ... не рабочий класс; крестьянство - не ... крестьянство. Сейчас начался возврат к "естественному состоянию". Страты стали возникать в зависимости от их места в общественно-экономической системе.

Это процесс достаточно длительный, потому что очень многие люди не хотят смириться с нынешним своим положением. Например, интеллигенция превращается в работников наемного труда, но какой-нибудь бывший профессор с этим смириться не может, - у него еще долго будет сохраняться иллюзия того, что он производит интеллектуальный продукт, хотя этот продукт не пользуется спросом.

Нужен отдельный разговор о предпринимательском слое. Почему нет единой предпринимательской партии? Потому что нет единого предпринимательского интереса. Я бы выделил пять основных групп среди промышленников и предпринимателей, интересы которых не просто различны, а даже противопо-

ложны, вплоть до взаимного уничтожения, - поэтому сейчас у них и не может быть единой корпоративной этики.

Возьмем журналистов. Еще недавно в СМИ все были наемными работниками, главный редактор выполнял только работу журналиста - все были несобственниками, все были неуправляющими, различалась только степень ответственности - у главного редактора повыше, чем у простого журналиста. Поэтому существовали корпоративные интересы. Была этика прессы как особого государственного института. Сейчас в СМИ началась дифференциация - есть управляющие, есть собственники прессы, есть главные редактора, есть цензоры, есть журналисты. Различается и форма собственности изданий. Поэтому пока сложно говорить о корпоративной этике журналистов.

И так во всех сферах. Начался процесс формирования страт. У людей, принадлежащих к этим стратам, возникает понимание своих собственных интересов. На этой почве формируется мировоззрение, идеология, создаются организации.

Корпорации, существующие сейчас в России, сложились или складываются на базе отраслевых "кланов". На уровне элиты образование групп интересов начало происходить, на мой взгляд, еще в 1930-е годы, в период индустриализации. В 1960-е годы "отраслевые кланы" окончательно оформились и стали влиятельными социальными субъектами. Они привели к власти Брежнева и других людей, представляющих интересы кланов. Помогали им "органы", тоже интегрированные в кланы. Во времена Андропова интеграция "органов" в отраслевые кланы завершилась. Когда началась перестройка, первые совместные предприятия стали возникать прежде всего в сырьевых отраслях, в ТЭК. Эти совместные предприятия формировались совместно КПСС, отраслевыми кланами и "органами". И вот там-то возник корпоративный интерес, связанный с управлением этой собственностью; там принимаются решения, которые влияют на политику.

Депутаты в своем большинстве никакого отношения к корпорациям не имели. Парламент - это некая площадка, куда попали самые разные люди. Среди них есть представители "отраслевых кланов". Они прошли через партии, либо были избраны от регионов, поскольку обладали финансами. Их не много. Основная же масса - люди случайные. Вот на выборах в 1995 году депутаты будут избраны местными корпорациями, "авторитетами", местной мафией, местной властью. Сейчас более жестко контролируется процесс выборов, контролируются также СМИ и финансовые источники.

У депутатов "случайных", с корпорациями не связанных, интересы локальные, временные, ситуативные, связанные с желанием продвинуться, реализовать себя в той или иной сфере. Парламент для них - трамплин. Поэтому совершенно естественно, что партийные псевдокорпорации в Госдуме очень подвижны. Вот аграрники более-менее стабильны, у них есть свои внутренние правила, потому что они связаны с корпорацией агропромышленного комплекса. Коммунисты - тоже своего рода корпорация, осколок старой корпорации. Все остальные - подвижны. Из ЛДПР многие уходят, а костяк - 50 человек - сохраняется благодаря стадному чувству. Все остальное плавает, люди предают друг друга - сегодня у них одни интересы, через неделю они могут измениться в зависимости от того, с кем они входят в контакт, в деловые, денежные и прочие взаимоотношения. Поэтому депутатской этики нет, нет и парламентской этики. И объективной основы под ней нет, и субъективной основы тоже нет.

Что я имею в виду под субъективной основой? Появление в парламенте лидеров, которые личным примером способствуют формированию такой этики. При Хасбулатове это было невозможно, при Рыбкине - тоже. Рыбкин - человек, который пытается время от времени вносить регулирующее начало, опираться на законодательные акты или нравственные принципы, но это не является его кредо. При этом в Госдуме нет группы, которая бы ему помогала.

Постоянно нарушается закон - это основная причина того, что в Думе не может сложиться корпоративной этики. Парламентская этика заключается, прежде всего, в том, что корпорация законодателей будет примером в соблю-

дении законности. Дума же постоянно нарушает законы, которые она принимает.

Например, постоянно нарушаются регламент и большинство считает, что это нормально. Аппарат постоянно нарушает закон о статусе депутата. Аппаратом, как известно руководит Рыбкин, и он на это смотрит "сквозь пальцы", более того способствует принятию ряда аппаратных решений. Например, депутат может иметь помощников, количество их не оговорено, не оговорено также, что кто-то указывает депутату какого помощника иметь. Тем не менее, почему-то появляются внутренние инструкции, по Думе ходят "органы", составляют черные списки на тех помощников, которые задерживаются на работе, и указывают депутатам: "Почему ваши помощники сидят так поздно, чем они занимаются?" Отбирают у помощников удостоверения.

Другой принцип парламентской этики - интересы законодателей должны быть выше интересов политических, если речь заходит о законотворческом процессе. Такая система не создана, и Совет Думы этому не способствует. Например, вчера на Совете утверждалась повестка дня, а сегодня депутаты приходят и видят, что повестка дня почему-то изменилась - кто-то "влез", какие-то вопросы отодвинули. Затем, несмотря на то, что повестка дня утверждена, депутаты в течение часа вносят в повестку дня вопросы, не имеющие отношения к законотворчеству, а имеющие отношение, грубо говоря, к демагогии, к личным политическим интересам. На этом фоне лидерами Думы становятся люди, которые занимаются демагогией, такие, как Марычев. Если бы у нас существовала парламентская этика, то это был бы ее враг. Тем не менее он становится лидером Думы, телевидение его постоянно показывает.

Есть и другие причины того, что Дума не является корпорацией. При этом у депутата все же возникают личные интересы. Профсоюз рабочих создается тогда, когда они осознают необходимость борьбы за повышение заработной платы или улучшение условий труда. Так и здесь - депутат начинает осознавать возможности, которые дает депутатство. Здесь и возникают некие "правила". Например, председатели комитетов начинают торговать помещениями, пытаются разместить какие-то свои структуры, испытывают удовольствие от того, что ездят на машинах, что у них есть собственный аппарат, что они причастны к принятию каких-то решений - все это их сближает.

Когда возникает какая-то проблема, которая угрожает Думе как институту, корпоративность проявляется немедленно. Например, в Думе прошел Закон о "нарезке" округов и как только Совет Федерации его "зарубил", Дума немедленно сплотилась. А вот какой-нибудь нужный государству закон депутатов сплотить не может, потому что здесь доминируют уже политические интересы.

Можно разделить "думцев" на две категории: тех, которые работают в Думе, и тех, которые здесь живут. Корпоративный дух возникает в основном у тех, которые в Думе "живут". То же самое я наблюдал в Верховном Совете. Когда начались октябрьские события, многие депутаты оставались в "Белом доме" не из-за серьезных политических убеждений, а из-за стремления сохранить привычный образ жизни. И в нашем нынешнем парламенте те, кто "живет" в Думе более сплочены, чем те, кто там работает.

Является ли парламент мощной властной корпорацией? Нет. Дело в том, что корпоративный дух возникает лишь в процессе защиты самих себя, когда возникает угроза Думе как институту. Что же касается влияния на общество, то никакого корпоративного духа в этом нет. Простой пример - проблема Чечни. В начале декабря начались военные действия, но к концу января, то есть за два месяца, Дума не приняла ни одного закона по этой проблеме. Корпоративность предполагает единый интерес и потому Дума не могла определиться.

Какие стандарты и критерии профессионализма депутата и депутатского успеха вырабатывает сама депутатская корпорация? Два критерия я уже назвал: соблюдение закона самими законодателями и приоритет законности

над политическими интересами законодателей. Разумеется, эти стандарты скорее идеальные, чем практикуемые. Приведу пример.

Если бы эти идеальные этические стандарты практиковались, то Дума была бы парализована, не смогла бы работать. Я имею в виду то, что если бы действовал существующий сегодня механизм принятия решений и при этом стал бы действовать принцип приоритета законодательного интереса над политическим, невозможно было бы голосовать. Потому что ответственно голосовать можно лишь в двух случаях. Первый – когда депутат знает проект закона и со знанием дела голосует "за" или "против". Второй – когда фракция проработала этот вопрос, сформировала позицию, приняла решение, и депутат в соответствии с этим решением голосует как член фракции.

Но ни тот, ни другой варианты не действуют. Первый не действует из-за колоссальных нагрузок на депутатов. Например, британский парламент в год принимает три – четыре закона. Причем не разрабатывает их, а принимает. Разрабатывает законы правительство, которое парламент контролирует. У нас же все наоборот. Прямой связи парламента и правительства нет. Комитеты сформированы произвольно – для того, чтобы раздать портфели, а не для того, чтобы контролировать правительство. Мало того, что парламент не имел никакого отношения к формированию этого правительства, так правительство еще и партию формирует, чтобы парламент занять. Просто смешная ситуация. Какая парламентская этика может быть в этой ситуации? Происходит уничтожение зачатков парламентской корпоративности.

Второй вариант – фракционное голосование. Сначала была попытка создать такой механизм, а сейчас и попыток нет, потому что Дума постоянно нарушает свои собственные законы. Чтобы фракция полноценно работала, нужно, чтобы за месяц до вынесения в Думу законопроект поступил во фракцию. Во фракции его должны проработать эксперты, потом он вносится на заседание Совета Думы, а накануне фракция принимает решение по голосованию. В реальности этого процесса нет: сегодня я смотрю повестку и вижу в ней один закон, а на следующий день прихожу в Думу, а в повестке стоит закон, которого вчера не было. Как я могу подготовиться? И фракция не может подготовиться. Механизм не действует.

Если оценивать деятельность Думы по некоей шкале корпоративности, то парламент оценивается на "тройку". Другое дело, что оценки выставляются по разным основаниям. С внешней стороны его оценка недостаточно высока потому, что, скажем, СМИ выставляют его карикатурно. Почему СМИ видят Думу так, а не иначе? Все мы – люди "постсоветские". Журналисты мало чем отличаются по мифологичности своего мышления от депутатов – такие же "постсоветские" люди.

Парламентский обозреватель должен работать как профессиональный репортер – с информацией. Он должен знать, что происходит в Думе, какие законы готовятся, какой закон действительно может повлиять на ситуацию в стране, какой результат может последовать за принятием закона. А что делают парламентские корреспонденты? Они собираются с утра в пресс-центре, сидят там, курят, треплются, – ждут шума в зале. Наконец дожидаются: на трибуну вылезает Марычев или Жириновский. Журналисты бегут в зал заседаний и все пишут одно и то же: "Сессия началась с того, что Жириновский возмущался тем, что его самолет летал над Кемерово", – как будто больше ничего в Думе не происходило в эти дни. На самом деле в Думе в этот день происходила масса интересных событий. Но репортер не видел ничего другого, ведь для того, чтобы видеть, нужно работать, а большинство из них работать не привыкли. Вот так и возникает "трехбалльная" оценка Думы.

По поводу критериев депутатского успеха. У нас успех депутата воспринимается как возможность использовать этот трамплин для продвижения в исполнительную власть. Можно назвать успехом продвижение С.Филатова, Н.Рябова и других, но такой успех вовсе не связан с профессиональной деятельностью законодателей. У нас никого не интересует, кто является автором того или иного закона, какую роль играет тот или иной закон в общест-

ве. Скажем, в Штатах депутат гордится тем, что "поправку" назвали его именем – он останется в веках. Здесь же этого нет: "все равно кому принадлежат поправки, законы, – это никого не волнует. Главное, кто куда продвинулся. Вот Рыбкин стал спикером – это парламентский успех, депутатский успех. Он использует возможности государственной Думы для того, чтобы формировать свой парламентский блок? Молодец, это еще больший успех. Но качество законодательной деятельности увы, в качестве критерия успеха не рассматривается.

**Конфликт российского депутатства и средств
массовой информации
(материалы заочного круглого стола главных редакторов СМИ)**

Явное противостояние СМИ и Федерального Собрания стало настолько привычным фактом повседневной жизни российского общества, что трудно подчас представить себе возможность иного алгоритма этих взаимоотношений. Общество как бы привыкло к тому, что идет своего рода война между представительной властью и СМИ.

1. Считаете ли Вы, что конфликтный стиль отношений СМИ и парламента является нормальным для любого демократического общества, или вы все же склонны видеть в этом стиле феномен чисто российский? Не могли бы вы точнее охарактеризовать сегодняшние отношения СМИ и представительной власти в России?

2. В чем, на ваш взгляд, причины этого конфликта? Не могли бы вы описать систему ожиданий представительной власти от СМИ, и, наоборот, – систему установок СМИ по отношению к сегодняшней представительной власти в стране? Характеризует ли противоборство этих систем суть конфликта?

Достаточно широко распространена аналитическая точка зрения, согласно которой корень противостояния заложен не в самих СМИ и, что самое главное, не столько в самом парламенте, как политической институции, сколько – в сегодняшнем российском депутатстве, как явлении политико-культурном.

3. Как вы полагаете, в чем прежде всего депутаты обвиняют современные российские СМИ?

4. Какой правды депутатство ждет о себе в СМИ? Какой информационный режим о представительной власти устроил бы сегодня российское депутатство? Почему, как вам кажется, никак не удастся создать подобный режим?

5. Во имя чего представительная власть так жаждет установить свой контроль хотя бы над частью российских СМИ? Возможны ли парламентские СМИ в сегодняшней России?

Звучат также в публичном пространстве и обвинения в адрес СМИ – обвинения в нарушениях нормативных "правил игры", взаимоотношений представительной власти и СМИ.

6. Какие правила игры взаимоотношений представительной власти и СМИ, минимизирующие конфликты и стимулирующие уважительно благоприятствующее отношение друг к другу обеих ветвей власти – представительной и четвертой – вам кажутся оптимальными для современной России? Какие взаимограничения могли бы взять на себя обе стороны конфликта?

7. Не могли бы вы охарактеризовать типические нарушения этих правил, свойственные обеим сторонам конфликта?

**В.Г.Лошак: "... Журналисты и депутаты
претендуют на одну и ту же роль в обществе"**

В чем корни конфликта между прессой и парламентом, депутатами и журналистами?

На мой взгляд, журналисты и депутаты претендуют на одну и ту же роль. Журналисты унаследовали эту роль от советской эпохи и продолжают

ее вяло тянуть, а депутаты только приучаются к этой роли пророков, стоящих над схваткой, т.е. над всем тем, что происходит в обществе.

Журналисты эту роль разыгрывают давно - они всегда были "разящим мечом" партии, теми, кто хвалит, поощряет со страниц газет, раздаёт оплеухи и подарки в зоне общественного мнения.

Парламентарии тоже, ни за что не отвечая, взяли на себя право хвалить и ругать, создавать в общественном мнении тот или иной образ людям, делу, партиям и т.д. Они как бы сошлись с журналистами и толкаются в одной общественной нише. В этом смысле "хороши", на мой взгляд, как те, так и другие. К сожалению, есть такая категория, как безответственность. И этим грешат и пресса, и парламентарии.

Но в большей степени "подставляются" депутаты - они откровеннее в своих грехах. Ведь наш парламент с первых дней становится абсолютно кастовым сообществом, имеющим общие материальные цели, социальные интересы, независимо от программ, с которыми депутаты пришли в парламент.

С другой стороны, депутатам не хватает базы для того, чтобы сражаться с прессой, так как все их сражения носят истеричный непрофессиональный характер. Когда они начинают большой бой, обычно это заканчивается ничем, т.к. депутаты боятся с прессой ссориться. Это как в любви: ищут любви прессы, боятся потерять эту любовь и в то же время ненавидят прессу.

Нормальные ли эти отношения прессы и парламента? В наш "период молочного-восковой смелости" - наверно нормальные. Пресса ведь тоже очень высокого мнения о себе и тоже находится в стадии становления. Достаточно посмотреть, скажем, на спектр газет. С одной стороны - "Российская газета" со всеми родимыми пятнами советской власти, брежневщины, черненкощины. А с другой - холодная, прагматичная газета "Коммерсант", которая как бы делает деньги каждым словом, каждой строкой, страницей и т.д.

Могут ли парламент и пресса сотрудничать? По-моему, парламент в целом - нет. А здравые люди в парламенте и пресса здравого смысла, к которой я отношу "Московские новости", наверно, могут сотрудничать (я не имею в виду, что при этом не могут критиковать друг друга, открывать обществу правду друг о друге - это нормально).

Многому мешает, на мой взгляд, то, что сегодня парламент - достаточно коррумпированное сообщество, где почти не скрываются ставки за решение некоторых вопросов, поскольку разумных законов о лоббировании нет. Поэтому парламент сейчас - огромная мишень, в которую пресса стреляет практически без промаха - слишком открыто он защищает свои материальные интересы.

Как отреагируют депутаты на эти слова? Те люди, с которыми я знаком, дружен, отреагируют адекватно. Может быть, еще что-то добавят более негативное, в том числе и о прессе. Например, о непроверенных фактах, о том, что многие газеты, ставшие на путь показа в каждой статье либо голого заглавия, либо крови, интересуются институтом парламентаризма лишь с точки зрения закулисных его дел - кто кого, кто с кем, кто сколько и т.д. - и не интересуются главным - парламентаризм все-таки становится зрелым. Июльское разрешение правительственного кризиса - факт в этом убеждающий. А пресса? Есть, конечно, газета "Завтра", какие-то там "Клюквы", "Клубнички", но ведь и в парламенте есть клоуны и ненормальные люди. Мы и они (если говорить о прессе) - слепок общества. Никто никого не лучше.

Могут ли парламент и пресса выделить какие-то сегменты, с которыми возможно сотрудничество?

Да, могут. Сотрудничество возникло, есть и нормально продолжается. Мы, скажем, можем сталкивать мнения "Выбора России" и партии Г.Явлинского, даже коммунистов. Но о чем можно говорить в связи с аграриями? Вся политика, все их отношения с правительством направлены на одно: "Дайте деньги, мы эти деньги прокрутим". Они словно не знают, в какой стране живут. Это совсем не значит, что они плохие, непорядочные, но с ними газете неинтересно вести диалог. Интересно с теми, кто адекватно реагирует на ситуацию, у кого есть какая-то живая оценка происходящего. Даже с коммуни-

стами интереснее, несмотря на то, что взгляды у нас диаметрально противоположные.

Конфликт между представительной властью и прессой существует везде в мире. Другое дело, что представительная власть, насколько мне известно, находится на периферии интересов прессы. С чем это связано? Прежде всего - с отсутствием законодательной базы. Ведь сегодня парламенты в странах развитой демократией не работают над законами, они все законы приняли - а занимаются законодательной практикой. У нас же депутаты еще только начали работать над законодательной базой, поэтому и функция парламента нашего несколько иная.

Есть еще много вещей, как мне кажется, которые отличают наш парламент и его взаимоотношения со СМИ. Значительная его часть - "звезды" конца 80-х годов, которым сказать сегодня уже практически нечего. Это люди, примелькавшиеся на экране, их имена всем известны. В то же время, знакомясь с парламентариями, часто встречаю молодых людей, у которых есть свежие мысли, провинциальная практика, интересная и журналистам. Но эти молодые люди никому не известны, "затерто" существуют. А журналисты все время обращаются к "бетонному ряду" - так я называю звезд 80-х годов. Но они высказали свои мысли уже в 1988-ом -1991-ом годах и потому всегда будут оппозиционерами любой власти, лишь бы их не забыли.

Редкая личность, если мы возьмем героев перестройки, настолько может эволюционировать, чтобы быть интересной на разных исторических этапах. Мы прошли с 1985-1995 годов несколько таких этапов. Ну что сказать А.Нуйкину, М.Полтаранину, В.Денисенко (они были авторами нашей газеты, героями ее)?

Стоит сказать о срастании отдельных депутатских групп с прессой. Ангажированные газеты не видят ничего, кроме своих любимых депутатов. Моя любимая газета "Известия"; но нельзя же выступлениями Б.Федорова подменять всю палитру жизни парламента, все мнения депутатов.

Что касается влияния предстоящих парламентских выборов на взаимоотношения с представителями власти, скажу откровенно - ничего хорошего не жду. Мое отношение к смене властей опирается на принцип убывающего плодородия. Опыт показывает парадоксальные вещи: у нас каждый следующий властный корпус почему-то интеллектуально и нравственно проигрывает предыдущему: Бакатин - Степашин, Шапошников - Грачев, депутаты союзного парламента - депутаты российского парламента. Интеллектуально и нравственно это несравнимые величины. Почему-то все идет по убывающей.

Может быть, это связано с тем, что власть как бы капсулируется, и в ней начинает действовать брежневский принцип - все следующие должны быть немного глупее того, кто стоит на ступень выше. А может быть, потому, что к власти медленно, но очень широкой шеренгой идет слой "серых". Они "прагматики-хозяйственники", но это полнейшая интеллектуальная серость.

Сегодняшнее настроение в обществе - маятник стоит, конечно, в левом положении. Придут "серые" и парламенту придется потесниться. Как следствие - вполне определенное отношение к общественному мнению, его формированию, открытости, к свободе слова, прессе.

То, что инициатива у левых, не вызывает сомнения. Итоги прошедшей подписки - точный социологический факт. Левая пресса сохранила 100% тираж; "Российская газета", "Правда", "Советская Россия" - более 100% подписчиков; вся остальная пресса не добрала по 30%, 20%, некоторые 40%. Отмечается очень большой спад подписчиков в целом.

Мой прогноз если и не катастрофичный, то ничего хорошего не обещает. Единственная надежда на то, что часть прессы уже абсолютно самостоятельна в коммерческом смысле и потому независима от политических влияний, ветров, мнений: что скажет Рыбкин, что не скажет Зюганов, что заявит Ельцин...

Кроме того, прессу не тронут и потому, что будет, конечно, мировой скандал. Пресса - единственная лакмусовая бумажка для Запада, которая показывает, жива демократия в России или нет. Если погибает пресса - это катастрофа.

И.Н. Голембиовский: "... Будь я депутатом, я бы к информации СМИ относился с еще большей серьезностью, чем к официальной информации"

В наши дни противостояние средств массовой информации с парламентом несколько поутихло, напряжение перестало быть таким, как во времена Хасбулатова. Для этого есть свои причины.

Во-первых, сам нынешний парламент отличается от прежнего - прокоммунистического, который со временем занял открытую антидемократическую позицию, пытаясь узурпировать власть. Поэтому противостояние средств массовой информации Верховному Совету было накалено до предела.

В общем-то противостояние СМИ и власти не является неизбежным, но в отношении сегодняшних реалий все же надо учитывать и то, что идет коренная переделка всей политической системы и то, как именно она идет. Не будем забывать, что в умах людей дадут о себе знать и рецидивы прошлого. Кто не помнит, что в прежнем парламенте требования к СМИ были просты (хотя и закамуфлированы изящными фразами) и суть их выражается просто: "Представьте нас читателю, слушателю и зрителю народными защитниками, умными радетелями, государственными мужами". Словом полный набор приемов советской пропаганды.

Прокоммунистичность прошлого парламента особенно четко обозначилась в желании обязательно иметь собственные средства массовой информации. Всем известны истории с "Известиями", когда Верховный Совет хотел присвоить газету, с "Парламентским часом" на ТВ. Пытаясь своими силами делать телепрограммы, депутаты не понимали, что оказывают медвежью услугу парламенту: беспомощные программы только доказывали всю немощь, несостоятельность этой группы депутатов. Было очевидно, - в любом деле нужны профессионалы.

В новом парламенте мы имеем хоть какие-то элементы цивилизованного парламентаризма. В нем представлены уже не две антагонистические силы: одна - за Президента, другая - против, а политические фракции с различной ориентацией, и принципиального разделения на "белое" - "черное" сегодня уже нет. Будем надеяться, что следующий парламент еще дальше пойдет в этом направлении, хотя, честно говоря, прогнозировать что-либо - сложно.

Рассуждая о конфликтном стиле отношений СМИ и парламента, стоит прежде разобраться в том, что понимать под ним. Если средства массовой информации должны обслуживать законодательную и представительную власть (то, что раньше называлось пропагандой), то конфликты неизбежны, поскольку в России СМИ опережают общество в демократическом развитии - свобода слова пока еще остается фактом нашей жизни. К счастью, сегодняшние депутаты чувствуют (в том числе на собственном примере), что со средствами массовой информации надо считаться. Это как данность: идет дождь - нужен зонтик.

Что касается самих средств массовой информации, то и к ним следует высказать претензии: к стилю, всеядности, политической ангажированности и т.д. Причем, конфликтный потенциал СМИ не всегда связан с какими-то политическими убеждениями, нередко только со стремлением привлечь внимание своей неординарностью. Рынок диктует очень жесткие условия, и иногда неординарность превращается в цинизм или пошлость.

Но сегодня существуют инструменты для регулирования такого рода конфликтов, начиная с самого крайнего - суда, кончая более мягким способом, когда газета предоставляет депутату, группе, фракции возможность высказать свою точку зрения по тем проблемам, которые поднимались в печати, на телевидении, на радио. И это нормально.

Держась темы нашего заочного "круглого стола", следует иметь в виду, что сегодня, как мне кажется, наибольшая опасность, в смысле попытки управлять средствами массовой информации, исходит не от представительной власти, а от исполнительной. Понятно почему - исполнительная власть владеет главными рычагами управления - экономическими. Не будет правительство платить, допустим, "Российской газете" - ее практически не будет. Ха-

рактен пример "Независимой газеты". Она не смогла устоять в рыночном шторме и прекратила существование. А если вдруг она получит какие-то субсидии от любой структуры, в том числе и от государственной, то очень сложно будет говорить о ее независимости.

То же самое, даже более ярко, проявляется на телевидении. Создание общественного телевидения - пока только фикция. Оно живет на государственные средства. И мы наблюдаем элементы того, как телевидение обслуживает интересы исполнительной власти.

Однако, возвращаясь к отношениям СМИ и законодательной власти, следует учесть, что их конструктивный потенциал находится в зародышевом состоянии. Сама законодательная власть не понимает возможностей совместных действий со средствами массовой информации. Так, например, многие мои коллеги жалуются, что сегодня никто не обращает внимания на публикации в газете, какими бы острыми, доказательными они ни были. Возникает даже некоторая ностальгия о прежних временах, когда по выступлениям газеты принимались административные меры. Но подлинная задача СМИ - формировать общественное мнение. На Западе нет ЦК КПСС, а средства массовой информации играют огромную роль в жизни государства. И влияние их на общество проходит через законодательную власть.

Возьмем пример "Московского комсомольца". Не будем обсуждать его стилистику, но очевидно, что история с коррупцией в ЗГВ имела место. Вся российская печать занималась этим вопросом, приводила достаточно фактов, подтверждающих правдивость журналистских расследований. В нормальном государстве сразу последовал бы депутатский запрос, депутаты заставили бы исполнительную власть принять решение по конкретному поводу. К сожалению, такой практики у нас нет.

Все властные структуры (и в первую очередь парламент) должны спокойнее относиться к тому, как действуют СМИ. Если бы они понимали, что радио, телевидение, газеты - это как раз те инструменты, которые помогают им исполнять свои высокие обязанности! Без информации они окажутся в замкнутом круге, в плену своих политических пристрастий.

Пока мы лишь наблюдаем знакомую картину недовольства депутатского корпуса телевизионным ведущим, который не с той улыбкой, не с тем выражением лица сообщает нам информацию о деятельности парламента. Должно прийти новое поколение политиков, людей с новым опытом, четким пониманием того, какую за миссию он исполняет в обществе.

Безусловно, нужно и новое поколение журналистов. Хотя процесс смены поколений, а вместе с тем - смены ценностных ориентиров в средствах массовой информации идет быстрее, чем у политиков. Мы ведь сегодня просто забыли, как выглядела наша печать 10 лет назад. Уже и пресса 1989-1993 годов нам кажется удивительным ископаемым.

Еще раз о стремлении представительной власти установить контроль над СМИ. Идея прозрачная - попытаться влиять на общественное мнение с помощью средств массовой информации. Возможности телевидения России в этом плане ни с чем не сравнимы. Оно тотально влияет на мышление людей и, в конечном итоге, на их поведение. Однако, как мне кажется, представительной власти не удастся получить свои средства массовой информации. Ситуация сложилась так, что парламент не имеет свободных средств для содержания СМИ. Например, сегодня для того, чтобы попытаться влиять на "Известия" (я уже не говорю - управлять), надо тратить в месяц 2 млн. долларов США. Не думаю, чтобы депутаты следующего созыва смогли найти такую сумму, а если и найдут, то ведь "Известия" их не возьмут. Так что вопрос становится несколько умозрительным.

Весной этого года лондонская "Файнэншл Таймс" вместе с нами провела серьезное исследование - изучались условия успеха деловой газеты на информационном рынке России. Пришли к выводу: успех зависит от того, выглядит ли это издание в глазах читателей действительно независимым.

Сама "Файнэншл Таймс" самым большим своим капиталом считает собственную независимость - и политическую, и экономическую. Честность в цивилизованном обществе становится очень серьезной материальной силой. В этом

отношении нам предстоит пройти еще долгий путь – мы сами иногда не представляем, насколько выгодна настоящая честность в любом деле, не исключая и нашего.

Чего не хватает нашему парламенту, так это опыта, традиций, политической культуры. Да и откуда все это может взяться? Посмотрите, кто сидит в парламенте! Ведь только сейчас появились профессиональные политики – Е.Гайдар, Г.Явлинский, В. Лукин, Г. Зюганов и т.д. Но там же сидят и С.Мавроди, и Марычев, а есть вообще случайно попавшие туда люди.

Будь я депутатом, я бы к сообщениям СМИ относился с большей серьезностью, чем к официальным источникам информации. Я бы считал, что СМИ могут помочь депутатам исполнить свою обязанность лучше, чем, например, встречи с избирателями, контакты с политическими деятелями и т.д. Схема простая. Допустим, ты, депутат, прочитал в "Известиях" о технологии переводов российских капиталов за рубеж, убедился, что это действительно так. Ты обращаешься в редакцию с просьбой предоставить документы. Еще раз получив подтверждение, ты не можешь завтра не выйти на трибуну парламента и не сказать: "Давайте думать, как остановить преступление".

Допустим, мы, журналисты, выступаем против чего-то или в защиту чего-то, пытаемся грамотно обосновать свою позицию. Но использовать закон мы не можем. Мы можем только апеллировать к суду, прокуратуре, государственным структурам, но в первую очередь – к парламенту – взять под контроль "ход этого дела" (так это раньше называлось), если, конечно, парламент заинтересован. О взаимоотношениях СМИ и будущего парламента говорить трудно, трудно прогнозировать. Но будет продолжаться, возможно медленно, тенденция взаимопонимания.

Вспомним прежние времена. Тот парламент жил совсем в других условиях. Тогда слабо были развиты рыночные отношения, и все материальные средства находились в руках государства. Исполнительная, законодательная власти претендовали на управление СМИ. Все газеты получали государственную дотацию, они просто не могли выходить без нее. А с января 1993 года денег не стало ни у кого. И, честно говоря, мне было все равно, какие решения принимает парламент. Кроме тех, что касаются нас непосредственно.

Вот принят закон о рекламе. По-моему, плохой закон. Он дает возможность исполнительным структурам диктовать СМИ свою волю. Например, если Антимонопольный комитет считает, что рекламный текст печатается с каким-то нарушением, он может изъять деньги, предназначенные для выпуска газеты. Полагаю, что такая функция не может быть прерогативой какого-то одного органа власти, пусть даже и Антимонопольного комитета. В демократическом обществе такого рода проблемы решаются в судебном порядке.

Что же касается правил игры, то я не думаю, что будущий парламент их сменит. И не потому, что будет хорошим или плохим, просто будет та же ситуация. Допустим, новому парламенту не нравятся "Известия". Что он может сделать? Закрыть их? Но это имеет право сделать только суд. Лишить нас материальных средств? Но он не может ими распоряжаться. Принять какой-то специальный закон? Но он будет противоречить Закону о печати.

Б.А.Батарчук: "...Не надо изобретать конфликты"

А. 1,2. Определение отношений СМИ и парламента термином "конфликт" представляется мне далеко не бесспорным, как минимум – неточным. Конфликт – трактует энциклопедический словарь – это столкновение сторон, сил. Сторонами средства массовой информации и парламент не являются. Ни те, ни другие не представляют собой и некую единую силу: в Федеральном Собрании, как известно, действуют разные силы, причем там-то как раз (особенно в нижней палате) имеют место и столкновения, и противостояние; сегодняшняя пресса довольна пестра по признаку политической ориентации и единым фронтом практически никогда не выступает.

Случай скорее единственный, чем редкий, – когда пресса объединилась в своем неприятии законодательных мер по "поддержке СМИ", разработанных парламентом. Объединяющим фактором выступил цеховой интерес.

Отношение СМИ к законодательной ветви власти правильнее было бы определить как оппонирующее. И такое отношение соответствует модели цивилизованного общества – западная пресса подтверждает это своим примером. Другое дело, что формы оппонирования в сегодняшней России далеки от цивилизованных, да просто от нормальных. Вполне очевидно, что ненормален наш парламент, который менее всего озабочен законодательной деятельностью и в значительно большей степени представляет собой арену для политических игр, часто приобретающих форму шоу. Насмешливо-ироническое отношение к нему значительной части СМИ – довольно адекватное отражение оценки парламента обществом.

Естественно, что подобное отражение никак не устраивает многих парламентариев, причем больше всего тех из них, кто своим поведением провоцирует нелицеприятные оценки. Те же депутаты, что пришли в парламент не красоваться, не бузотерить, а работать, вполне спокойно относятся к освещению парламента в СМИ, поскольку не отождествляют себя с тем имиджем законодательного органа, который сформировался, более того, своими выступлениями в прессе сами способствуют его формированию.

Что касается системы ожиданий представительной власти от СМИ, то у большинства парламентариев они далеки от демократических. Они хотели бы, чтобы пресса не освещала деятельность парламента, а обслуживала его в истинно советском духе.

Какой-либо единой установки, а тем более системы установок СМИ по отношению к сегодняшней представительной власти нет и скорее всего быть не может.

В самой общей форме цель СМИ в отношении этой ветви власти – способствовать тому, чтобы парламент становился парламентом. Ясно, что представления об этом разных изданий отнюдь неодинаковы.

Б. 3. Чаще всего депутаты обвиняют СМИ в необъективности, причину которой видят в недостаточной информированности и политической ангажированности. Что касается первой посылки, то, пожалуй, в определенной степени она справедлива, но вопрос: только ли пресса виновата в недостатке информации? Нельзя не признать, что многие, если не большинство, СМИ отличаются безответственностью в обращении с фактами. Очевидно и то, что многие депутаты не отличаются добросовестностью в информировании о деятельности своей и коллег, а информационный механизм Думы и Совета Федерации далек от совершенства.

Политическая же ангажированность СМИ вполне естественна, а в условиях бедствования большинства из них просто неизбежна.

4. Депутатство ждет о себе в СМИ разной правды. Точнее так: одни депутаты, отличающиеся честностью и добросовестностью в политике, хотят именно правды о своей деятельности и о состоянии парламента; недобросовестные же парламентарии хотели бы, чтобы их некомпетентность, беспринципность, интриганство каким-то невероятным образом предстали со страниц газет, из передач ТВ и радио как добродетели. Подобный информационный режим даже в условиях урезанной российской демократии создать уже невозможно. Он мог существовать исключительно в условиях тоталитаризма.

5. Часть (наверное, значительная) парламентариев хотела бы установить контроль над частью (как можно более значительной) средств массовой информации по вышеизложенным причинам. Парламентские СМИ в принципе возможны – как сугубо информационные, так и решающие задачу обмена мнениями, дискуссий, отражающие весь спектр парламента. Во втором случае не позабывал бы главному редактору.

В. 6,7. Никаких особых правил игры изобретать не надо. По мере того, как парламент и СМИ будут становиться профессиональными, их отношения неизбежно станут входить в цивилизованное русло. Культурные люди не разговаривают матом, соблюдают приличия, не делая над собой никаких усилий. Самоограничения естественны, а коли так, их и самоограничениями не следует именовать.

В.И.Бакштановский, А.Ю.Согомонов, В.А.Чурилов
Российское депутатство: от архетипического
катехизиса к рефлексивной идеологии
(вместо послесловия)

Скептическое настроение интеллектуальных слоев и апатичное безразличие масс к российскому депутатству как политико-культурному явлению свидетельствует об амбивалентной оценке общественных перспектив развития парламентаризма в стране. Такая оценка опасна скатыванием к циничному политическому нигилизму и убедительно сигнализирует о тотальном непонимании обществом культурной сущности демократического переустройства. Ошибочны сами подходы в оценкам "молодого" парламентаризма – до сих пор в массовых настроениях доминируют оценки эффективности, нужности, полезности – стандарты прагматического отношения к развивающимся "формам" отечественного парламентаризма.

Пока общество не может обрести устойчиво рациональное отношение к собственной репрезентации в лице российского депутатства, парламентаризм постепенно инсталлируется в российскую политическую культуру архетипическим путем, посредством апеллирования к нормам и символам чисто российского свойства.

Так, фигура депутата чаще всего воспринимается в контексте защиты прав слабого, и в меньшей степени – как фигура легиста-нормотворца. Депутат наделяется "инструктивным" мандатом лоббирования регионального интереса, что, соответственно, резко сокращает его свободу в принятии политического решения. Депутатская же корпорация воспринимается скорее как институция, неспособная к полноценному противостоянию исполнительной ветви власти, а посему – как властно несостоявшаяся.

Этот реестр политико-культурных архетипов репрезентации можно было бы продолжить, однако, и так ясно, что феномен депутатства – в его подлинно демократическом политико-культурном достоинстве – самоутверждается не столь однозначно, как этого хотелось бы Реформатору.

Конституционно и процедурно российское депутатство в течение последних двух лет обрело вполне фиксированное пространство общественной репрезентации: есть и Закон о депутатстве, и нормативная установка на парламентский профессионализм, и очерченный круг обязанностей и привилегий, и норма временной ротации... Есть и здравый смысл, и осознание предела властных амбиций. Отсутствует, однако, диалог парламентария и общества в его символическом измерении.

В примитивной версии этот диалог мог бы существовать как катехизисная беседа по пусть даже очень узкому кругу базисных вопросов телеологии и онтологии российского депутатства.

Действительно, набор вопросов, который интересует общество в отношении российского депутатства, – "что?", "как?" и "к чему?" – весьма ограничен (при всей неумемной склонности российского характера к праздному вопрошанию). Катехизисные ответы – самодостаточны. Структурно они выстраиваются в такой логике, что любой искус к дополнительному вопрошанию как бы гасится изнутри смыслами предыдущих ответов.

Однако общественной потребности в базисных вопросах об универсальных и национальных значениях российского депутатства катехизис не отвечает. В итоге растворяется, так и не получив вербального выражения, архетипическая идентичность постсоветского российского депутатства. Вакуум идентичности, естественно, препятствует культурному оформлению парламентаризма

как явления символически значимого, и его политический генезис идет как бы независимо – параллельно, вопреки и т.п. – от этого процесса.

Депутатство тем временем обретает солидаристически дилеммную культурную кодификацию, выраженную, прежде всего, в поляризации "корпоративно выращенных" смыслов депутатского "Я". Скажем, депутатство толкуется одновременно и как профессия, и как призвание. Подчас эти смыслы разводятся диаметрально. Профессиональный парламентаризм – диспозиция, достаточная для институционализации депутатства, но недостаточная для его идеологической инсталляции в общество, привыкшее к стимулятивным формам "народовластия". Думается, концепция "призвания" более адекватно отвечает общественному запросу на новую легитимацию парламентаризма. Но если "депутатство" есть призвание, то призвание к чему? К лоббированию чьих-то узкокальких или узкогрупповых интересов? Призвание к законотворчеству? Призвание к политической театрализации? Призвание к персональному бенефису в средствах массовой информации?

Любая интерпретация, взятая изолированно от идеологической рационализации, вызывает по меньшей мере разочарование, а то и отторжение. Стремление дать категоричные ответы на подобные вопросы – грубое нарушение и политической логики, и здравого смысла. Иными словами, модель архетипического катехизиса оказывается совершенно неадекватной.

Нормальное общество ждет ответов, исходя из презумпции непосвященности и четкой установки на восприятие депутатства как гомогенного явления. В массовом сознании имманентно образ среднего депутата, в отношении которого катехизисная логика считается культурнонормативной, последовательной и даже естественной.

Именно здесь и намечается культурный конфликт между стремлением общества к канонизации фигуры "депутата" и желанием самой депутатской корпорации по тем или иным соображениям развеять миф об онтологичности среднего депутата.

Если есть канонический образец, из него логически следует катехизисное вопрошание об усредненных параметрах этого образца. Если утверждается идеология культурной дифференциации "депутатов", рефлексия по поводу всей корпорации должна быть индивидуализированной. В первом случае создается вечно отдаляющийся от жизни идеал, во втором – утрачивается сам феномен.

Попытка совершить интеллектуальное продвижение от архетипического катехизиса к рефлексивной идеологии российского депутатства как политико-культурного явления и была предпринята разработчиками проекта, представленного в этом выпуске вестника "Этика успеха". Разумеется, предполагалась лишь первая проба сил в плане формирования солидаристической идеологии демократических преобразований и, очевидно, далеко не все аспекты сложной темы нашли свое адекватное отражение.

Процесс формирования культурных идеологий может стать делом целого поколения политиков. Инициировав рефлексивный дискурс, мы можем надеяться, что поиск культурных, прежде всего нравственных, идентичностей не только останется эзотерическим занятием кабинетных интеллектуалов, но и обретет искомые контуры общественно-политического диалога. Результаты работы авторского коллектива вестника представляются нам своеобразным культурологическим "трамплином" к будущим экспертизам институционального – принципиально неперсонифицированного – генезиса российского депутатства, одним из видов исходного материала для формирования рефлексивной идеологии российского депутатства.

Этика успеха: Вестник исследователей, консультантов и ЛПР.
Выпуск 6. 1995.

Кредо и кодекс власти: Российское депутатство
Под ред. В.И.Бакштановского, В.А. Чурилова

Издание Центра прикладной этики и Финансово-
инвестиционной корпорации "Югра"

Оригинал-макет выполнен в редакции
"Социологического журнала"
Обложка М.М. Гардубей, Н.П.Пискулин

Тираж изготовлен в МП "Информполиграф", г. Москва
Формат издания: 60-84/16. Тираж 999 экз. Заказ 537